

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1 9 6 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1968

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. С. Яжборовская.</i> В. И. Ленин и вопрос о независимости Польши	3
<i>П. И. Резонов.</i> Борьба КПЧ против угрозы фашизма и гитлеровской агрессии	15
<i>И. В. Милутина.</i> Польша и конвенция об определении агрессора	23
<i>Мирослав Шицел</i> (СФРЮ). Хорватская литература после второй мировой войны	32
<i>Е. М. Верещагин.</i> О пробных статьях одноименного словаря старославянского языка	40

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Т. Н. Копреева.</i> К вопросу о датировке «Жития» Софрония Врачанского	45
<i>А. И. Кузьмин.</i> Переписка С. Гурбан-Ваянского с Е. В. Петуховым	50

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>А. Каупуж.</i> З. Доленга Ходаковский и И. Н. Лобойко	55
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>А. И. Рогов.</i> Белградская икона с изображением Дмитрия Солунского и царя Мамая	58
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>Л. И. Ройзензон.</i> О славянских синонимических словарях	62
<i>В. В. Зеленин.</i> Сборник статей по истории интернационалистского движения	68
<i>П. Ольшанский.</i> И. С. Яжборовская. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг.	71
<i>Н. Е. Индутная.</i> Незборима сила идей Жовтя	73
<i>В. И. Владимирская.</i> Сила пролетарского единства	74
<i>И. В. Чуркина.</i> F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina 1792—1918	76

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Надежда Иванович</i> (СФРЮ). Периодическое издание по истории сербского рабочего движения	77
<i>М. М. Фрейденберг</i> . С. Антолак. Помощи историски науки	78
<i>В. А. Дьяков</i> . Полезные издания ленинградских архивистов	80
<i>И. К. Горский</i> . Новые работы о Гоголе в славянских странах	81
<i>Л. С. Кишкин</i> . Библиографические издания Славянской библиотеки в Праге	85
<i>А. Соловьева</i> . «Slezské písně v korespondenci 1898—1918»	88

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 г. (продолжение)	90
Содержание иностранных журналов	96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Р. С.</i> Научная сессия	102
<i>А. Е. Москаленко</i> . О защите диссертаций в Воронежском университете	102
<i>Г. С.</i> Защита диссертации в Институте славяноведения АН СССР	103

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), *И. Ф. БЭЛЗА*, *Л. В. ВАЛЕВ*, *В. Г. КАРАСЕВ*,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), *Д. Ф. МАРКОВ*, *И. С. МИЛЛЕР*,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, *Ю. А. ПИСАРЕВ*, *Г. М. СЛАВИН*, *Б. Ф. СТАХЕЕВ* (зам. главного редактора), *Н. И. ТОЛСТОЙ* (зам. главного редактора), *И. М. ШЕШТУНОВ*, *Я. В. ШМЕРАЛЬ*
 Ответственный секретарь *В. В. ЗЕЛЕНИН*

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 29 0-27-40

И. С. АЖБОРОВСКАЯ

В. И. ЛЕНИН И ВОПРОС О НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

50 лет назад, в ноябре 1918 г., польский народ в обстановке мирового революционного кризиса, связанного с Великой Октябрьской социалистической революцией, обрел государственную самостоятельность.

Борьба польского народа за свою свободу и независимость привлекала пристальное внимание В. И. Ленина*.

Первые его высказывания о Польше восходят к периоду, когда он начал разрабатывать национальный вопрос как составную часть теории пролетарской революции. В острой борьбе, которая велась вокруг основных положений будущей программы РСДРП, национальный вопрос занимал важное место. В работе «Национальный вопрос в нашей программе», опубликованной в «Искре» 15 июля 1903 г., В. И. Ленин глубоко обосновал соответствующий раздел проекта программы. Примечательно, что эта ленинская работа построена в значительной мере на анализе польского вопроса. Поводом для ее написания было резкое выступление ППС против § 7 программы РСДРП. ППС выступала против положения о необязательности поддержки всякого требования национального самоопределения и высказывалась за безусловное отделение Польши. При постановке национального вопроса В. И. Ленин исходил из задач и перспектив развития революционного движения, подчеркивал примат классовой борьбы, требовал конкретно-исторического подхода. Он отмечал, что в период империализма имущие классы угнетаемой и угнетающей нации объединились, и «...классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы...»¹. Поэтому пролетарская партия должна «...всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей...»². В таких условиях требование безусловного отделения Польши, равнозначное отказу от совместной пролетарской борьбы, было ошибочным. «... Не смущаясь несколькими шовинистическими и оппортунистическими выходками, — писал В. И. Ленин, — мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»³. Он и позднее подчеркивал, что «... свобода Польши невозможна без свободы России»⁴.

* Эти вопросы затрагивались в работах Г. Яблоньского (H. J a b ł o ń s k i, Lenin a niepodległość Polski. — *Z dziejów idei leninowskich w Polsce*. Warszawa, 1961), Я. Канцевича и Ф. Тыха (J. K a n c e w i c z, F. T y c h. Lenin i niektóre problemy polskiego ruchu robotniczego (przed rokiem 1918). — *Ibid.*) и других польских и советских авторов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 239.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 241—242.

⁴ Там же, т. 17, стр. 269.

Как глубочайший диалектик и пронизательный политик В. И. Ленин предвидел возможные изменения международной обстановки и положения Польши, учитывал настроения масс и сложный комплекс задач, которые предстояло решать пролетарской партии на пути к победе социализма. Свои предвидения — кстати сказать, подтвержденные историей — он формулировал следующим образом: «Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д.»⁵, «... одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической эволюции является восстановление Польши...»⁶. Обращаясь же к внутривосточным моментам, В. И. Ленин со всей определенностью указывал на трудности, которые рабочему движению предстояло преодолеть на пути к объединению. «Проклятая история самодержавия, — писал он, — оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием...»⁷. В. И. Ленин полагал, что «... в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства...»⁸. И далее, — приводим обширный, но необходимый для понимания этой постановки вопроса фрагмент ленинской работы: «И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считаетея со *всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть»⁹.

Польские социал-демократы высоко оценили глубокий критический анализ позиции ППС, сделанный В. И. Лениным. Однако положение В. И. Ленина о возможности выдвижения польским пролетариатом лозунга независимой польской республики оказалось для них неприемлемым, так как, с одной стороны, противоречило их общей концепции, а с другой, якобы усиливало позиции ППС. Они требовали изменить § 7 программы РСДРП таким образом, чтобы положение о праве наций на самоопределение не распространялось на Польшу. Поскольку это требование не было принято, польские социал-демократы, как известно, покинули II съезд РСДРП. В период 1905—1907 гг. эти споры отошли на второй план.

В 1912—1914 гг. наступил новый революционный подъем, усилилось национально-освободительное движение. В этих условиях важное значение приобретала борьба на два фронта: против теорий троцкистов, ликвидаторов, буддистов и т. п. («культурно-национальная автономия» и др.), разъединяющих пролетариат различных наций, и против левацкого отрицания роли национального вопроса, характерного в первую очередь

⁵ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 7, стр. 239.

⁶ Там же, стр. 240.

⁷ Там же, стр. 242.

⁸ Там же, стр. 233.

⁹ Там же, стр. 239—240.

для СДКПиЛ. Осенью 1913 г. В. И. Ленин писал: «Что национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России, это очевидно»¹⁰.

В это время В. И. Ленин уделял много внимания дальнейшей разработке программы партии по национальному вопросу: он прочел в 1913—1914 гг. более 15 рефератов, а «Правда» в 1912—1914 гг. опубликовала около 30 его статей, посвященных этой проблематике. В них по-прежнему важное место занимал вопрос о судьбах Польши.

В «Тезисах по национальному вопросу», написанных в июне 1913 г., разясняя необходимость включения в программу российской социал-демократии требования права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, В. И. Ленин высказал ряд соображений и по польскому вопросу. Наиболее интересным для нас в данном случае является следующее ленинское замечание: «В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и „естественнее“ всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша»¹¹. При этом, ссылаясь на опыт революции 1905 г., он отметил, что даже в этих двух нациях имущие классы в страхе перед пролетарским движением помышляют лишь о сплочении с господствующими классами угнетающей нации и поэтому социал-демократии этих наций надо энергичнее бороться с прямым обманом масс «...националистическими лозунгами „своей“ буржуазии, которая сладенькими или пылкими речами о „родине“ старается *разделить* пролетариат...»¹².

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин развил свой тезис о дифференцированном отношении к национальным движениям. Он писал, что поддержка таких движений должна ограничиваться «...строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...», а «прогрессивно, — указывал он, — пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»¹³. Ликвидация угнетения наций, национальных привилегий — «...безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грязью»¹⁴. Но при этом нельзя переходить грань, часто, как подчеркивал В. И. Ленин, очень тонкую — нельзя идти дальше и поддерживать национализм. Необходимо помнить об интересах классовой борьбы, о пролетарском интернационализме как условии победы рабочего класса.

В связи с разгулом черносотенного шовинизма, с ростом националистических тенденций среди либеральной буржуазии и верхушечных слоев угнетенных национальностей и с попытками ликвидаторов пересмотреть партийную программу Поронинское совещание решительно подтвердило лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения, подчеркнув, что право неопозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения, и предложило провести широкую дискуссию по национальному вопросу. Присутствовавшие на совещании польские социал-демократы отмежевались от этой резолюции. Они возражали против положения о праве наций на отделение, несмотря на содержащуюся в резо-

¹⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 24, стр. 115.

¹¹ Там же, т. 23, стр. 315.

¹² Там же, стр. 316.

¹³ Там же, т. 24, стр. 132.

¹⁴ Там же.

люции оговорку¹⁵. Для В. И. Ленина стала очевидна необходимость обстоятельного разбора позиции польских социал-демократов.

В работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин рассмотрел отношение СДКПиЛ к соответствующему разделу программы РСДРП и детально проанализировал статью Р. Люксембург «Национальный вопрос и автономия», опубликованную в 1908—1909 гг.¹⁶. Отметив интернационализм польских социал-демократов и их правоту в трактовке национального вопроса как второстепенного, подчиненного¹⁷, подчеркнув, что «ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они прогив отделения Польши»¹⁸, он сосредоточил основное внимание на доказательстве неправомерности отрицания ими лозунга права наций на самоопределение в программе русской партии. Требование национального государства, указывал В. И. Ленин, «...относится к буржуазно-демократическим национальным движениям»¹⁹. Хотя для новой эпохи «...типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм... ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»²⁰, но существуют многочисленные переходные звенья — страны с наличием тех или иных феодальных пережитков и форм угнетения, с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями. «Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко докапиталистическим характером, существует национально-ограниченная область с *быстрым* развитием капитализма, — замечал он, — то, чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и докапиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого...»²¹.

В. И. Ленин считал возможным пробуждение в России целого ряда буржуазно-демократических движений. Здесь имелись факторы, порождающие «...скачки, одним из спускников которых может быть образование национально-самостоятельных государств»²²; при этом к национальному гнету, более сильному, чем в соседних государствах, прибавлялось то обстоятельство, что по ту сторону границы другая часть той же нации (тут он называл в числе других и поляков) пользуется большей национальной независимостью. Вместе с тем он отмечал, что «массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимуществ крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся»²³. Решение вопроса об отделении или вхождении нации в многонациональное государство зависело от многих факторов. «Теоретически нельзя ручаться наперед, — писал В. И. Ленин, — отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной

¹⁵ Изложение их аргументов см.: ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 44, л. 1—5.

¹⁶ «Przegląd socjaldemokratyczny», 1908, № 6—10; 1909, № 12, 14—15.

¹⁷ См. также J. K a n c e w i c z. Polska lewica robotnicza a walka o wyzwolenie narodowe. — «Najnowsze dzieje Polski», t. IX. Warszawa, 1965.

¹⁸ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 25, стр. 294.

¹⁹ Там же, стр. 268.

²⁰ Там же, стр. 264.

²¹ Там же, стр. 267.

²² Там же, стр. 270.

²³ Там же, стр. 287.

нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в *обоих случаях* обеспечить развитие своего класса...»²⁴.

Главная практическая задача великорусского и инационального пролетариата в области текущей политической борьбы состояла в повседневной агитации против всяких государственно-национальных привилегий, за одинаковое право всех наций на свое национальное государство, ибо только таким путем можно было отстоять «интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций», обеспечить «действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс»²⁵ и условия для решения национального вопроса в соответствии с принципами пролетарского интернационализма²⁶. Основным принципом, которым В. И. Ленин предлагал руководствоваться, был следующим; «Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность»²⁷.

Первая мировая война существенно изменила положение польских земель. В июне 1915 г. австро-германские войска заняли территорию Королевства Польского и установили там оккупационный режим. В. И. Ленин последовательно защищал интересы польского народа. Он разоблачал стремление воюющих держав сохранить угнетение польского народа, переделить Польшу, использовать ее в качестве разменной монеты в империалистических комбинациях. И в то время, как многие польские и западные политики связывали судьбу страны с тем или иным поворотом в ходе войны, с победой центральных держав либо Антанты²⁸, В. И. Ленин, раскрывая захватнический характер войны и агрессивную политику социал-шовинистов, писал: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России...»²⁹. Он предлагал социал-демократам вести широкую пропаганду «...как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д...»³⁰, писал о чувстве «негодования, презрения и омерзения», какое вызывает тот, кто «...например, называет удушение Польши, Украины и т. д. „защитой отечества“ великороссов...»³¹.

Летом 1915 г. В. И. Лениным была написана статья «Вопрос о мире», в которой он указывал, что заключение мира надо связывать с защитой не привилегий той или иной угнетающей нации, а прежде всего права на свободное решение своей судьбы нациями угнетенными. Он подчеркивал, что социалисты как Германии, так и России обязаны признавать и отстаивать право польских земель на отделение³².

В. И. Ленин резко критиковал шовинистическую позицию германских социал-демократов. «...В угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К°, — писал он, — Каутский признает *свободу отделения* Польши от России..., но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!!!»³³. Касаясь политики русского правительства и появившихся на страницах буржуазной печати заявлений «о мире без аннексий» и «о независимости

²⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 25, стр. 273.

²⁵ Там же, стр. 277.

²⁶ Там же, стр. 277—278.

²⁷ Там же, стр. 276.

²⁸ См. H. J a b ł o Ń s k i. Narodziny drugiej Rzeczypospolitej (1918—1919), Warszawa, 1962.

²⁹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 26, стр. 6.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 108.

³² Там же, стр. 304—305.

³³ Там же, т. 27, стр. 272.

Польши», В. И. Ленин указывал, что они были «...чудесной „игрушкой в руках тайной дипломатии“ царизма: вот-де, мы обиженные, нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!»³⁴. «Ну еще бы, — продолжал он, — Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К° вполне за независимость Польши, всей душой за нее *теперь* когда этот лозунг *на практике* означает лозунг *победы* над Германией, отнявшей у России Польшу», означает независимость Польши от Вильгельма, но зависимость ее от Николая II³⁵. Русская же демократия, подчеркивал В. И. Ленин, «...выиграла безусловно от того, что Россия *теперь* не угнетает Польши, не держит ее насильно»³⁶.

«Мы, — писал он, — должны говорить: никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны...», — решительно утверждал В. И. Ленин, указывая, что делать это надо не путем поддержки империалистической войны, которую ведет царская или буржуазная Россия, а путем поддержки тех подлинно революционных сил Германии, которые не пойдут на угнетение польского народа³⁷.

В апреле 1916 г. в журнале циммервальдской левой «Форботе» В. И. Ленин опубликовал тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». В них давалась марксистско-ленинская постановка национального вопроса в период подготовки пролетарской революции. В. И. Ленин указывал, что требование права наций на самоопределение применимо не только к буржуазно-демократической, но и к социалистической революции, что оно может быть последовательно осуществлено лишь в результате победы пролетариата. Он показал неразрывную связь борьбы за демократию, и в частности поддержки национальных движений, с подготовкой и проведением пролетарской революции, подчеркивая, что «усиление национального гнета при империализме обуславливает для социал-демократии не отказ от „утопической“, как говорит буржуазия, борьбы за свободу отделения наций, а, напротив, усиленное использование конфликтов, возникающих и на этой почве, как поводов для массового действия и для революционных выступлений против буржуазии»³⁸.

В том же журнале были напечатаны тезисы редакции польской социал-демократической «Газеты работничей», отрицающие право наций на самоопределение. В связи с этим В. И. Ленин пишет полемическую работу «Итоги дискуссии о самоопределении». В ней доказывается, что свобода отделения есть революционная мера, что для социалиста угнетающей нации такое требование и при проведении пролетарской революции является абсолютно необходимым: «Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* „только“ — „только“! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно „симпатиям“ населения, вплоть до полной свободы отделения»³⁹.

Возражая своим оппонентам, считавшим невозможным создание национальных государств при империализме, В. И. Ленин обращался, в частности, к примеру лежащей на стыке империалистических противоречий Польши и говорил, что «... было бы „смешно“ отрицать „осуществи-

³⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 247.

³⁵ Там же, стр. 247—248.

³⁶ Там же, стр. 248.

³⁷ Там же, стр. 248—249.

³⁸ Там же, стр. 255.

³⁹ Там же, т. 30, стр. 22.

мость“ восстановления Польши теперь в зависимости от стратегических и т. п. моментов данной войны»⁴⁰. Он не исключал возможности того, что «...завтра Гинденбург полупобедит Россию и выражением этой полупобеды явится (в связи с желанием Англии и Франции немного ослабить царизм) новое государство польское, вполне „осуществимое“ с точки зрения экономических законов капитализма и империализма...»⁴¹.

Разъясняя позицию социал-демократов в национальном вопросе, В. И. Ленин подчеркивал, что центр тяжести воспитательной работы среди пролетариата угнетающей нации должен заключаться в отстаивании свободы отделения малых наций, а социал-демократы угнетаемой нации должны прежде всего бороться за единство пролетарского движения. При этом социал-демократ угнетаемой нации «...может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть и за политическую независимость своей нации, и за ее включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во всех случаях он должен бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»⁴².

Что же касается отношения социал-демократии к судьбе Польши в разгар мировой войны, то В. И. Ленин считал обязательным для русских и немецких социал-демократов требование безусловной свободы отделения Польши, а для польских социал-демократов — выступление за единство пролетарской борьбы «...без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши»⁴³. Ленинское разъяснение этой постановки вопроса очень важно для нас — вот оно: «Возьмите, однако, вместо этих общих доводов *особые* условия Польши: ее независимость *теперь* „неосуществима“ без войн или революций. Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, например, „фраки“ (ППС-правица), которые социалисты только на словах и против которых тысячу раз правы польские социал-демократы. Ставить лозунг независимости Польши *теперь*, в обстановке *данного* соотношения империалистических *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции»⁴⁴.

Рассматривая далее аргументы польских социал-демократов о невозможности восстановления независимости Польши, которая могла быть воссоздана лишь в качестве маленького обломка—государства-буфера, военной колонии какой-либо группировки империалистических держав, В. И. Ленин пишет: «Все это очень *верно против* лозунга независимости Польши *теперь*, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс отвлечено было бы от *главного*: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, *в том числе и польской*, лишь борьбой *совместно* с пролетариатами соседних стран, против *узкопольских* националистов»⁴⁵. И еще раз он возвращается к этому сюжету, поясняя: «Польские социал-демократы не мо-

⁴⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 23.

⁴¹ Там же, стр. 27.

⁴² Там же, стр. 45.

⁴³ Там же, стр. 50.

⁴⁴ Там же, стр. 48; См. H. J a b ł o ņ s k i. Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918. Warszawa, 1958; J. H o l z e r. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1917—1919. Warszawa, 1962.]

⁴⁵ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 49.

гут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки *ничего* сделать для этого не могут, не впадая, подобно „фракам“, в низкое прислужничество *одной* из империалистических монархий»⁴⁶. При этом, однако, полемизируя с польскими социал-демократами, он отмечал: «Но те же самые аргументы, верные с точки зрения *особых* условий Польши в *данную* эпоху, явно неверны в той *общей* форме, которая им придана»⁴⁷. В. И. Ленин считался с возможностью воссоздания польского государства, хотя предвидел, что оно не объединит всех польских земель, поскольку явилось бы результатом комбинаций великих держав. Полагая, что революция в одной Польше, зажатой между воюющими державами, обречена на поражение, он видел единственное условие для восстановления независимости Польши — и история убедительно доказала его правоту — в развитии революции по крайней мере в России и Германии. Отсюда первостепенная важность поддержки польскими социал-демократами борьбы российского и германского пролетариата, в данном случае без выдвигания ими лозунга независимости и отделения Польши. В этих условиях линия польских социал-демократов была правильной, и В. И. Ленин, отмечая это, еще раз подчеркивает «исторически крупную заслугу» их в борьбе с национализмом ППС-фракции.

В работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», опубликованной лишь в 1924 г., В. И. Ленин, критикуя теории, отрицавшие революционное значение общедемократических требований и движений в эпоху империализма, и в частности право наций на самоопределение⁴⁸, развил положение об усилении в это время национальной борьбы, о возможности национальных восстаний и образования новых государств, — «...ибо империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов»⁴⁹. Полякам адресовалось и положение о том, что, если буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле за спиной народа идет на сделки с буржуазией угнетающей нации, «...то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измелчания, опошления его, извращения в мелочную драчку»⁵⁰. В. И. Ленин снова повторял: «Великорусский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* — лакэй Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *только* условно, ибо спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистической буржуазии значит становиться *ее* лакеем»⁵¹. Таким образом, В. И. Ленин вообще не исключал возможности выдвижения польской социал-демократией лозунга независимости Польши.

Далее он отмечал, что отделение Польши и Финляндии «после победы социализма», т. е. в ходе последовательной демократизации политического строя, может иметь место. Говоря о польском или финляндском рабочем, что они «...высокоразвитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр...», В. И. Ленин выражал надежду, что они «...*очень скоро* убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно

⁴⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 49.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. также статьи «О рождающемся направлении „империалистического экономизма“», «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» и др. Там же, т. 30.

⁴⁹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 102.

⁵⁰ Там же, стр. 113.

⁵¹ Там же, стр. 109.

распространяя эту ненависть на *социалистических* рабочих и на социалистическую Россию...»⁵².

В. И. Ленин, однако, не предвещал вопроса. «Ибо в действительности, — писал он, — мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие *форм* демократии и *форм* перехода к социализму»⁵³.

В критической статье «О брошюре Юлиуса» и в одной из важнейших теоретических работ этого периода «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин сформулировал важнейшее положение о том, что в эпоху империализма борьба пролетариата против буржуазии сочетается с борьбой против национального гнета, а поэтому возможны и неизбежны как революционные национальные восстания и войны, так и войны и восстания пролетариата против буржуазии, а также объединение обоих видов революционных войн.

В ноябре 1916 г. в письме к Н. Д. Кикнадзе, который оспаривал возможность порождения империалистической войной национальных войн, В. И. Ленин отмечал, что к польским социал-демократам отнюдь не было претензий за то, что они против независимости Польши; их позиция вызвала критику по другой причине. «Вместо простой, ясной, теоретической бесспорной аргументации: нельзя быть теперь за *такое* демократическое требование (независимая Польша), которое *на практике* подчиняет нас *вполне* одной из империалистических держав или коалиций (это бесспорно, этого довольно; это необходимо и достаточно) — вместо этого они договорились до абсурда: „неосуществимо“. Мы высмеяли это в 1903 г. и в апреле 1916 года»⁵⁴. Письмо писалось уже после того, как австро-германские представители подписали известный «акт 5 ноября», оформлявший создание из обеих оккупированных зон бывшего Королевства Польского нового государственного образования буферного типа⁵⁵. Это обстоятельство позволило В. И. Ленину с юмором добавить: «Добрые польские социал-демократы почти, почти доказали неосуществимость создания нового государства польского, только ... только империалист Гинденбург помешал: взял да и осуществил»⁵⁶.

В. И. Ленин обращал внимание Н. Д. Кикнадзе на ошибочность тезиса польских социал-демократов о том, что создание государства не является целью борьбы социал-демократии. «Дописались P. S. D. до отрицания „Staatenbau“!! А вся демократия не есть Staatenbau?»⁵⁷ — восклицал он. В адресованном Инессе Арманд 19 января 1917 г. письме он возмущенно замечал по тому же поводу: «Это архиглупо! Это полуанархизм, полудиотизм! Нет, нет, мы вовсе не равнодушны к Staatenbau, к *системе* государств, к их *взаимоотношениям*»⁵⁸.

В ходе первой мировой войны В. И. Ленин не однажды предсказывал близость революционных событий. Февральская революция смела царское самодержавие — оплот векового угнетения народов, входивших в состав Российской империи, в том числе и польского народа.

Еще в 1915 г. В. И. Ленин сформулировал программу мира: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, уг-

⁵² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 120—121.

⁵³ Там же, стр. 123.

⁵⁴ Там же, т. 49, стр. 320—321.

⁵⁵ Об «акте 5 ноября 1916 г.» см. «История Польши», т. II. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 642 и сл.

⁵⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 49, стр. 321.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 370.

петенных, неполноправных народов»⁵⁹. После Февральской революции, когда большевики готовились к социалистической революции, которая действительно дала бы власть пролетариату, когда нарастало революционное движение в Германии и Австро-Венгрии, чьи войска оккупировали в то время и Королевство Польское, — борьба большевиков за мир, и в частности за демократическое решение польского вопроса, приобретала особую политическую значимость. В. И. Ленин уже в первом «Письме из далека» указывал, что Временное правительство, правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, стремится «снова завоевать Польшу»⁶⁰ — то есть польские земли, оккупированные австро-германскими милитаристами. Он обращал на это внимание и в специально посвященном задаче борьбы за прекращение войны четвертом «Письме из далека», подчеркивая, что гучковско-милюковское правительство хочет, кроме всего прочего, «...еще отвоювать назад у немцев Польшу, которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм»⁶¹.

В. И. Ленин писал, что если бы государственная власть в России принадлежала Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, то они немедленно должны были бы заявить, что они не связаны никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств, и тотчас же опубликовать все эти договоры, «...чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и *всех* без исключения буржуазных правительств»; Советы немедленно предложили бы всем воюющим державам тотчас заключить перемирие и опубликовали бы рабочие и крестьянские условия мира: освобождение всех колоний, освобождение всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов, мир без аннексий и контрибуций, признание права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и т. д.⁶²

И под этими ленинскими лозунгами большевики повели борьбу с империалистической внешней политикой Временного правительства, призывая русский народ не оказывать никакого доверия, никакой поддержки этому правительству, разоблачая, в частности, его захватнические цели в отношении Польши. Широкие массы трудящихся России, все более энергично поддерживавшие борьбу большевиков за мир, за прекращение империалистической войны, были сторонниками последовательно демократического решения польского вопроса. Наиболее ярко это выразил Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. «Народу польскому» — так называлось единогласно принятое Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов обращение. Совет извещал польский народ о падении царского режима и о том, что революционные силы России, отстаивающие право наций на самоопределение, признают право Польши быть свободной и независимой «в государственно-международном отношении». Посылая польскому народу свой братский привет, Петроградский Совет желал ему успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»⁶³. Так трудящиеся России сразу сказали свое слово о будущем Польши, земли которой еще были оккупированы австро-германскими милитаристами.

Под давлением революционных масс и Временное правительство было вынуждено 16(29) марта обратиться к народу Польши с воззванием и обещать создать — после решения Всероссийского Учредительного собра-

⁵⁹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 50.

⁶⁰ Там же, т. 31, стр. 21.

⁶¹ Там же, стр. 52.

⁶² Там же, стр. 53.

⁶³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 26.

ния — польское государство. Оно призывало поляков сражаться «до победного конца» за интересы российского империализма и предполагало объединить будущее польское государство с Россией «свободным военным союзом». Временное правительство думало не о свободе и суверенности Польши, а о том, как писал министр Гучков председателю князю Львову, чтобы удержать Польшу в своих руках ⁶⁴.

Против такой демагогии и фарисейства со всей энергией выступили большевики во главе с В. И. Лениным, требуя предоставления польскому народу подлинной независимости. Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП (б), рассмотрев важнейшие вопросы войны, революции и положения народов, входивших в состав Российской империи, приняла резолюцию по национальному вопросу, написанную В. И. Лениным. В ней говорилось в частности: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и принятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций» ⁶⁵.

Выступая на конференции 29 апреля (12 мая) по этому вопросу, В. И. Ленин половину своей речи посвятил Польше. «Когда-то Александр I и Наполеон обменивались народами, когда-то цари менялись Польшей», — говорил он. Буржуазно-помещичьей политике угнетения и разобщения народов, подчеркнул В. И. Ленин, пришел конец. «Если Финляндия, если Польша, Украина отделится от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая» ⁶⁶, — заявил он. И с трибуны и в кулуарах конференции В. И. Ленин полемизировал с польскими социал-демократами, защищавшими свои прежние позиции ⁶⁷. Он обращал их внимание на внутреннюю диалектику требования реализации права на самоопределение вплоть до отделения: «... надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения» ⁶⁸.

Конференция приняла резолюцию по поводу приглашения правыми германскими социал-демократами российских социал-демократов принять участие в обсуждении вопроса о мире. В этой резолюции, также написанной В. И. Лениным, в мотивировке отказа отмечалось: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обманом как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о „свободном“ военном союзе Польши с Россией» ⁶⁹. Для действительного определения воли народа необходим был бы вывод войск и свободный опрос населения. «Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами)... было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело» ⁷⁰, — гласила резолюция. Никакая другая политическая партия в мире, в том числе ни одна из мно-

⁶⁴ Там же, стр. 60.

⁶⁵ В. И. Ленин. Указ. соч. т. 31, стр. 439.

⁶⁶ Там же, стр. 435.

⁶⁷ На заседании конференции выступил Ф. Дзержинский — «Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б)». М., 1958, стр. 219—222, а в комиссии по национальному вопросу — С. Будзыньский («Z pola walki», 1958, № 3, s. 203—204).

⁶⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 31, стр. 433—434.

⁶⁹ Там же, стр. 373—374.

⁷⁰ Там же, стр. 374.

гочисленных польских партий, не стояла в тот момент на подобных позициях.

В. И. Ленин касался польского вопроса и в речи в защиту резолюции об отношении к войне 27 апреля (10 мая) 1917 г. Доказывая необходимость пункта об отказе от аннексий, он говорил о недопустимости того, чтобы «...русские капиталисты овладели в прежних границах Курляндией и Польшей...»⁷¹. С возмущением он еще раз клеймил лицемерный характер воззвания Временного правительства, прикрывающего красноречивой демагогией свои подлинные захватнические планы. «...Наше правительство, — говорил В. И. Ленин, — выпустило манифест о независимости Польши, напицкая последний ничего не говорящими фразами. Они написали, что Польша должна находиться в свободном военном союзе с Россией. В этих трех словах только и заключается правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши. Политически он может давать свободу, все равно границы ее будут определены военным союзом»⁷².

Таким образом, конференция признала право наций бывшей Российской империи на самоопределение вплоть до отделения и высказалась за наиболее демократическое решение польского вопроса — за свободное самоопределение населения всех польских земель.

Решения Седьмой (Апрельской) конференции легли затем в основу внешнеполитической линии партии, в частности проекта резолюции фракции большевиков по вопросу о мире без аннексий, предложенной на I Всероссийском съезде Советов⁷³.

Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила новые принципы международной пролетарской политики и официально признала за всеми народами, входившими в состав Российской империи, право на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства. Реализуя ленинскую линию, Советское правительство не только предоставило польскому народу право решить свою судьбу, но сделало все возможное, чтобы помочь ему осуществить это право. Рядом юридических актов, декретов и постановлений были созданы условия для скорейшего урегулирования отношений с Польшей, для полной ликвидации всех отрицательных исторических наслоений во взаимоотношениях между польским и русским народами, возникших в результате реакционной политики царизма и господствующих классов России и Польши. Большевицкая партия и Советское правительство, опираясь на богатые традиции совместной революционной борьбы русского и польского пролетариата против общих врагов, стремились расчистить почву для установления отношений между двумя народами на началах взаимного доверия и дружбы⁷⁴. Во время переговоров в Брест-Литовске советская делегация требовала немедленного заключения мира без аннексий и поставила вопрос о свободном самоопределении и объединении всех польских земель. В августе 1918 г. Совет Народных Комиссаров официально подтвердил отмену всех договоров и актов царизма о разделах Польши, равно как и вытекавших из них неравноправных отношений.

В конце 1918 г. в результате победы Великой Октябрьской революции и усилившегося под ее воздействием рабочего и национально-освободительного движения в Австро-Венгрии и Германии, создались условия для восстановления польской государственности. Борьба польского народа за национальную независимость увенчалась успехом.

⁷¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 31, стр. 392.

⁷² Там же.

⁷³ «Известия ЦИК», 14 VI 1917.

⁷⁴ См. H. J a b ł o Ń s k i. Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. Warszawa, 1967.

П. И. РЕЗОНОВ

БОРЬБА КПЧ ПРОТИВ УГРОЗЫ ФАШИЗМА И ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ

(к 30-летию мюнхенского кризиса)

В 30-х годах в Чехословакии, как и в других странах Европы, существенно изменилась обстановка в связи с дальнейшим углублением общего кризиса капитализма и резким усилением фашистской опасности и угрозы войны. Приход к власти в Германии фашистов, вставших на путь подготовки войны за мировое господство, за порабощение народов Европы, привел к изменению соотношения сил на международной арене, приблизил человечество к новой мировой войне. Усилилась опасность фашистской контрреволюции, осложнилась борьба рабочего класса за социальное освобождение трудящихся.

Свирепый террор гитлеровцев против рабочего класса и коммунистической партии Германии, разгром демократических институтов Веймарской республики, роспуск социал-демократической партии Германии и профсоюзов, установление режима произвола и насилия со всей очевидностью показали, что фашизм угрожает не только коммунистам, организациям рабочего класса и всем прогрессивным силам Германии, но и международному рабочему и коммунистическому движению, национальной независимости и государственному суверенитету народов Европы.

Особенно сильно возросла опасность фашистской агрессии для народов Чехословакии, территорию которой гитлеровцы рассчитывали захватить и включить в состав фашистской Германии. Изменившаяся обстановка выдвигала перед рабочим классом Чехословакии и его коммунистическим авангардом, а также перед всеми прогрессивными силами республики новые задачи — сплотить все демократические силы для борьбы против нацизма и войны, отстоять республику и ее демократические завоевания, не допустить поглощения Чехословакии гитлеровской Германией. В связи с этим необходимо было изменить стратегию и тактику КПЧ.

Известно, что до начала 30-х годов КПЧ ориентировалась непосредственно на осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Такая стратегическая установка соответствовала тогдашним внутренним и международным условиям. По своему экономическому развитию Чехословакия уже в то время была высокоразвитым индустриальным государством, в котором капиталистические отношения получили широкое распространение как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. По степени развития промышленности Чехословакия значительно опередила соседние страны. Она входила в число 10 наиболее индустриально развитых государств мира.

В политическом отношении Чехословакия была буржуазно-демократической республикой, в которой безраздельно господствовала буржуа-

зия. Противоречие между трудом и капиталом, между рабочим классом и господствующей буржуазией было основным и главным, разрешить его могла только социалистическая революция, являвшаяся непосредственной, т. е. ближайшей целью пролетариата и его коммунистического авангарда. Именно поэтому КПЧ готовила рабочий класс, всех трудящихся к социалистической революции, к свержению буржуазной демократии, к замене ее диктатурой пролетариата¹. Этой цели были подчинены все остальные мероприятия партии.

Новая политика и тактика КПЧ выработывалась постепенно на основе изучения новой обстановки, обобщения своего опыта и опыта братских партий. Ее разработка затрунилась, с одной стороны, антикоммунистической позицией лидеров социал-демократов и национальных социалистов, с другой, — сектантско-догматическими тенденциями внутри самой КПЧ и в международном рабочем движении.

Уже в марте 1933 г. VII пленум ЦК КПЧ внимательно изучил опыт компартии Германии в борьбе против фашизма, сделал важные выводы о необходимости сплочения всех сил рабочего класса в Чехословакии для борьбы против фашизма². Компартия при этом учитывала, что победа фашизма в Германии вызвала усиление фашистских группировок внутри страны. Реакционные круги крупной буржуазии и правые буржуазные партии (аграрная), фашистская группа Гайды-Стршибного, гейнлейновцы, глинковцы стремились к союзу с германскими фашистами. Они хотели по примеру Гитлера установить в Чехословакии фашистскую диктатуру, разгромить коммунистов и демократов. Другая часть буржуазии, интересы которой представляли группа «града»³, а также реформистские партии, ориентировалась на Англию, Францию и США. Эта группа стояла на позициях буржуазной демократии, но и не была решительным противником фашизма. Представители этой части буржуазии, в том числе и правые лидеры социалистических партий (чешские социал-демократы, немецкие социал-демократы, чехословацкие национальные социалисты), шли на уступки реакционным буржуазным партиям, находились с ними в правительственной коалиции, не вели решительной борьбы против фашизма внутри страны, боялись широкого народного движения в защиту республики от гитлеровской агрессии. Э. Бенеш понимал важность для Чехословакии расширения фронта неагрессивных государств. В 1935 г. он был одним из инициаторов подписания договора о взаимной помощи между СССР и Чехословацкой республикой⁴. Однако без западных держав он и не мыслил вести борьбу против фашистской агрессии. Об этом свидетельствует оговорка, внесенная в Протокол о подписании договора по инициативе чехословацкой стороны, обусловившая оказание помощи со стороны СССР только в том случае, если это сделает Франция⁵.

Наиболее последовательной антифашистской силой, способной выступить на защиту национальной независимости и государственного суверенитета, мог быть рабочий класс со своим авангардом — Коммунистической партией. Однако рабочий класс в Чехословакии, как и в других капиталистических странах, был расколот. Большая часть промышленных рабочих все еще находилась под влиянием реформистских партий и профсою-

¹ «V bojích se zocelila KSC», Praha, 1956, s. 43, 89, 93, 100, 102.

² «Rozvíňme veliký zápas za sjednocení dělnictva proti fašismu, hladu a válce». Praha, 1933.

³ К группе «града» (кремля) принадлежали лидеры буржуазных и реформистских партий, которые входили в коалиционное правительство. Лидером этой группы были Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, избранный в 1935 г. президентом ЧСР.

⁴ См. «Советско-чехословацкие отношения в 1918—1939 гг.». М., 1968, стр. 135 и сл.

⁵ Там же, стр. 191.

зов, которые, как правило, выступали против установления единства действий. Это ослабляло позиции рабочего класса в предстоящей борьбе с фашистской угрозой. VII пленум ЦК КПЧ решительно высказался за то, чтобы компартия продолжала борьбу за сплочение всех отрядов рабочего класса, независимо от партийной принадлежности, в единый пролетарский фронт. КПЧ еще раз обратилась к руководству чехословацкой социал-демократической, немецкой социал-демократической и чехословацкой национально-социалистической партий с предложением установить единство действий и создать единый фронт в борьбе против фашистской опасности и наступления капитала ⁶. Пленум сделал также выводы о необходимости организационной перестройки партии, укрепления связи с массами, о повышении ответственности всех звеньев и организаций партии. Руководство реформистских партий и на этот раз отклонило предложение ЦК КПЧ об установлении единства действий всех отрядов рабочего класса под предлогом необходимости защиты республики от опасности не только справа (со стороны фашистов), но и слева (со стороны коммунистов). Мы отказываемся от дискуссии с коммунистическим руководством, — заявляли национальные социалисты в своем ответе ЦК КПЧ ⁷. Отклоняли единство действий также и лидеры социал-демократии ⁸. Антикоммунистическая позиция лидеров реформистских партий, естественно, мешала сплочению демократических сил, лила воду на мельницу реакционеров, обессиливала рабочий класс.

Преодолению раскола рабочего класса мешали также и некоторые левосектантские, догматические теории и устаревшие формулы, имевшие место в КПЧ и международном коммунистическом движении. Вред рабочему движению, несомненно, нанесли положения о социал-фашизме, о главном направлении удара против промежуточных групп и реформистских партий, о едином фронте только снизу и другие, широко используемые тогда в пропагандистских статьях ⁹.

КПЧ решительно выступала против фашизма, разоблачала его классовую сущность, кровавые зверства гитлеровцев и опасность агрессии со стороны фашистской Германии для народов Чехословакии. Она организовывала массовые выступления против фашизма, провела большую кампанию в защиту Г. Димитрова, схваченного гитлеровцами и представшего перед фашистским судом. КПЧ развернула движение за освобождение Тельмана, решительно поддержала австрийских антифашистов в 1934 г., проведя широкую кампанию солидарности с ними, оказала помощь антифашистским эмигрантам из Австрии и Германии ¹⁰. Она выступала также против реакционного крыла чехословацкой буржуазии, пытавшегося расширить фашистское движение внутри страны, делая ставку на партию «Национальное объединение».

Большим успехом массового антифашистского движения в Чехословакии явилось подписание в 1935 г. договора о союзе и взаимопомощи с СССР. О влиянии КПЧ в массах свидетельствовали и результаты парламентских выборов, проходивших весной 1935 г. КПЧ собрала на этих выборах на 100 тысяч голосов больше, чем в 1929 г. Особенно высокую политическую активность проявили рабочие, создавшие на местах комитеты обороны, в которые наряду с коммунистами входили и социал-демократические рабочие. Парламентские выборы 1935 г. явились первым крупным

⁶ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 335.

⁷ «Ceské slovo», 26 III 1933.

⁸ «Právo lidu», 26 III 1933.

⁹ См. «Коминтерн в документах». М., 1933, стр. 960—961, 966—970, 976, 982 и др.

¹⁰ L. N i k l i č e k. Za lidovou frontu proti fašismu (1933—1936). Praha, 1964, s. 25.

столкновением между фашистами и сторонниками демократии; при этом последние добились значительного успеха ¹¹. И в других странах, особенно в Австрии, Франции и Испании, в эти годы развертывалась массовая антифашистская борьба, накапливался новый опыт, испытывались новые формы и методы общедемократического движения.

Собравшийся в августе 1935 г. VII конгресс Коминтерна обобщил опыт антифашистской борьбы во всемирном масштабе. Глубоко проанализировав состояние и развитие капиталистического мира в период между двумя конгрессами и особенности новой обстановки, сложившейся в связи с усилением фашистской контрреволюции и угрозы войны, конгресс ознаменовал коренной поворот в стратегии и тактике мирового коммунистического движения. Он поставил перед коммунистическими и рабочими партиями капиталистических стран основную задачу на ближайший период — борьбу против фашизма как самой большой опасности для рабочего класса и всех трудящихся, борьбу за мир и свободу народов ¹².

Конгресс творчески подошел к вопросу о пролетарском и общенародном фронте, об отношении к буржуазной демократии, о правительстве единого народного фронта. Он самым решительным образом осудил догматизм, самодовольное сектанство, схематизм, подмену глубокого марксистско-ленинского анализа обстановки безжизненными формулами, готовыми шаблонами. «Мы — враги всякой схематичности, — подчеркивал товарищ Димитров в своем докладе. — Мы хотим учитывать конкретную обстановку в каждый момент и в каждом данном месте, а не действовать по определенному шаблону везде и всюду, не забывать, что в разных условиях позиция коммунистов не может быть одинаковой» ¹³.

Обобщая опыт антифашистского движения в Чехословакии, К. Готвальд в выступлении на VII конгрессе Коминтерна всесторонне обосновал применительно к условиям своей страны идею защиты буржуазной республики и демократических завоеваний трудящихся от угрозы фашизма ¹⁴.

Разработанные VII конгрессом Коминтерна стратегия и тактика, рассчитанные на сплочение всех миролюбивых антифашистских сил как в отдельных странах, так и в международном масштабе, легли в основу практической деятельности всех коммунистических партий.

Решения VII конгресса Коминтерна послужили для Коммунистической партии Чехословакии широкой основой в борьбе за преодоление раскола рабочего класса, облегчали путь к массам рабочих-социалистов ¹⁵.

Учитывая условия своей страны и основываясь на решениях VII конгресса Коминтерна, КПЧ разработала четкую концепцию антифашистской борьбы против угрозы со стороны гитлеровцев и реакционных профашистских сил внутри страны в защиту республики и демократии. При этом КПЧ исходила из того, что борьба против фашистской агрессии за сохранение мира является главной задачей всех прогрессивных сил мира, международного рабочего и коммунистического движения, всех его отрядов. Перед народами Чехословакии в связи с угрозой фашистской агрессии со всей остротой встал вопрос об их судьбе, об их дальнейшем существовании. Это была теперь самая актуальная проблема для абсолютного большинства населения Чехословацкой республики. Коммунистическая партия дала четкий ответ на этот решающий для судеб всех трудящихся Чехосло-

¹¹ КПЧ и социалистические партии собрали около 3 млн. голосов. Фашистская партия Генлейна также усилила свои позиции в парламенте, набрав 1 млн. 200 тыс. голосов.

¹² Г. Димитров. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 601.

¹³ Г. Димитров. Указ. соч., т. I, стр. 450.

¹⁴ «Naše delegace v Moskvě. Reči delegatů Komunistické strany Československa na VII. světovém kongresu Komunistické internacionály v Moskvě», Praha, 1935, s. 14.

¹⁵ К. Готвальд. Указ. соч., т. I. стр. 421.

вакий вопрос и не только высказалась в защиту республики, национальной независимости и демократии, но и указала, как нужно более эффективно бороться против гитлеровской агрессии. Компартия предлагала организовать совместные действия коммунистов, социалистов, демократов, республиканцев в защиту республики против фашистского агрессора и его пособников внутри страны. Уже тогда КПЧ заявляла, что коммунисты готовы вступить в союз с кем угодно во имя борьбы против фашизма¹⁶.

Линия компартии на сплочение всех антифашистских демократических сил, на создание единого рабочего и народного фронта в интересах борьбы против фашизма и опасности войны получила всеобщее одобрение на VII съезде КПЧ, который со всей силой подчеркнул кровную заинтересованность рабочего класса и всех народов республики в защите Чехословакии от фашизма, в сохранении мира¹⁷.

В решении съезда намечены общие принципы и конкретный план защиты республики, предусматривавший и борьбу против реакционных группировок внутри страны, и создание единого рабочего и единого народного фронта, и укрепление союза с СССР¹⁸.

Сформулированные компартией Чехословакии политические и тактические установки на период борьбы против фашизма и опасности войны определяли ее стратегию, политику и практическую деятельность в период массового народного движения в защиту республики. Это, разумеется, не означало, что первоначальная концепция антифашистской борьбы оставалась неизменной и не развивалась дальше по мере изменения реальных условий жизни. Компартия трезво учитывала все объективные перемены в положении страны, ее народов, классов и социальных групп, изучала настроение масс, политику и тактику других политических партий, ставила на каждом этапе конкретные задачи перед освободительным антифашистским движением. Однако общие принципы (исходные моменты) антифашистской борьбы, разработанные на VII съезде КПЧ, сохранили свое значение на протяжении всего периода, когда на первом плане стояли общедемократические задачи — отстоять национальный и государственный суверенитет, спасти народ от фашистского рабства и полного уничтожения.

Исполком Коминтерна уделял большое внимание работе КПЧ. Чехословацкий вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Президиума и Секретариата ИККИ, дабы облегчить КПЧ поиски более эффективных форм организации борьбы против угрозы фашистской агрессии. Обращалось внимание на то, что КПЧ не только должна стоять в авангарде борьбы за коренные национальные интересы своего народа, но более активно мобилизовывать массы, сплачивать все антифашистские силы, смело идти на совместные действия с другими политическими партиями, вместе с ними обсуждать и проводить в жизнь мероприятия, способные укрепить оборону республики¹⁹. К 1938 г., к моменту наибольшей опасности, идущей со стороны фашистской Германии, КПЧ превратилась в серьезную политическую силу, способную оказывать большое влияние на все события и вести за собой значительные массы народа. Именно она была тем мобилизующим и организующим центром, вокруг которого группировались наиболее решительные защитники республики и патриоты. Из силы пропагандистской, какой компартия в значительной мере была до середи-

¹⁶ К. Готвальд. Указ. соч., т. 1, стр. 423.

¹⁷ «Protokol VII sjezdu Komunistické strany Československa». Praha, 1967, s. 38, 511.

¹⁸ Idid., s. 509 и сл.

¹⁹ Постановление Президиума ИККИ от 22 V 1936 г. о VII съезде КП Чехословакии. — См.: «Protokol VII sjezdu KSC», s. 669—670.

ны 30-х годов, она превратилась в массовую партию действия. По всем важнейшим вопросам, которые выдвигала жизнь в бурном 1938 г., КПЧ высказывала свое мнение и вносила на рассмотрение общественности свои предложения и планы. Она формировала общественное мнение в пользу решительной защиты республики, разоблачала коварные замыслы Гитлера и его агентуры в стране, поднимала массы на борьбу против капитулянтов. КПЧ боролась за установление национального равноправия внутри страны, что способствовало бы созданию широкого демократического движения в защиту республики. Отмечая дружественные отношения советского народа к народам ЧСР, она указывала на готовность СССР оказать ЧСР всемерную помощь в борьбе против агрессии.

В могучем народном движении в защиту республики от гитлеровской агрессии и внутренней реакции, в котором участвовали разные слои населения (рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия городов, средние слои, интеллигенция, патриотические элементы из господствующих классов) и которое было самым крупным общественным движением в Чехословакии между двумя мировыми войнами, компартия играла выдающуюся роль. Она организовала массовые демонстрации в дни Первого Мая, решительно поддержала проведенную частичную мобилизацию 21 мая в ответ на угрозу гитлеровцев и генлейновцев. ЦК КПЧ в своем воззвании подчеркнул, что компартия одобряет и полностью поддерживает все мероприятия по обеспечению безопасности, территориальной целостности и независимости республики²⁰. Компартия сыграла огромную роль в срыве путча генлейновцев, начатого 12 сентября 1938 г.

По ее инициативе и призыву развернулась всеобщая стачка и были проведены массовые демонстрации протеста против решений правительства Годжи, согласившегося с рекомендациями Англии и Франции о передаче фашистской Германии пограничных районов. В результате решительного и дружного выступления патриотов во главе с рабочим классом капитулянтское правительство агрария Годжи было сметено волной народного гнева 22 сентября 1938 г., президент Бенеш вынужден был создать новое правительство и провести всеобщую мобилизацию, хотя он и не желал этого.

Из всех политических партий страны только КПЧ твердо и последовательно занимала позиции обороны республики и до последнего момента делала все, чтобы предотвратить капитуляцию.

Известно, что в критические дни Мюнхена, когда решался вопрос о том, принять или отвергнуть ультиматум четырех держав о немедленной передаче Германии пограничных районов Чехословакии, КПЧ решительно выступила против диктата, добиваясь того, чтобы он был отвергнут. Она стремилась воздействовать на президента, правительство, Генеральный штаб, отдельных государственных и военных деятелей, на лидеров демократических и социалистических партий, пытаясь удержать их на позиции обороны республики. Как лидер КПЧ и депутат парламента К. Готвальд вместе с другими политическими деятелями, возмущенными решением мюнхенской конференции, посетил президента республики. В беседе с ним Готвальд категорически требовал, чтобы правительство отвергло позорный диктат, призвало народ и армию к решительному сопротивлению агрессорам. Босые и безоружные абиссинцы защищались, — говорил Готвальд, — а мы, имея прекрасную армию, сплоченный народ, поддерживку от других государств, покоряемся²¹.

²⁰ «Chteli jsme bojovat 1938. Dokumenty o boji KSČ a lidu na obranu Československa», sv. I. Praha, 1963, s. 351—353.

²¹ Ibid., sv. II, s. 376.

Убедившись в том, что президент, правительство и большинство лидеров правящих партий готовят капитуляцию, коммунисты на совещании с демократическими и патриотическими деятелями из других партий внесли предложение о создании Национального комитета обороны, готовили от его имени воззвание к народу, вступили в контакт с Генеральным штабом и патриотически настроенными офицерами. Опираясь на комитет обороны, можно было бы оказать более эффективное давление на президента, на колеблющиеся элементы в правительстве, в демократических и социалистических партиях, а в случае необходимости — взять в свои руки дело защиты территориальной целостности страны. В обстановке мюнхенского диктата левые лидеры демократических партий и патриотические деятели не решились создать вместе с коммунистами подобный орган, самоустрашились от борьбы против капитулянтов. При этом широкие массы народа все еще продолжали верить Бенешу и правительству генерала Сыровы, думая, что они не отдадут пограничных районов без борьбы. В результате политика президента и правящих кругов не встретила массового сопротивления населения, с которым они сталкивались раньше. Это дало им возможность согласиться с решением Мюнхенской конференции и отозвать войска из пограничных районов. В этот роковой момент КПЧ не могла призывать народ к вооруженному сопротивлению, которое могло бы вызвать гражданскую войну и послужить гитлеровцам предлогом для оккупации всей территории Чехословакии. Поэтому руководство КПЧ приняло правильное решение, не дав повода гитлеровцам для вмешательства во внутренние дела остальной части страны.

Из всех политических партий только КПЧ до последнего момента делала все, чтобы предотвратить капитуляцию. В ходе борьбы за республику компартия выросла в мощную политическую силу и предстала перед народом как единственная партия, которая отвергла мюнхенский диктат и не несла никакой ответственности за позорную капитуляцию.

Высоко оценивая политику и тактику КПЧ в период борьбы против агрессии, Исполком и Секретариат Коминтерна отметили тем не менее одну существенную ошибку, допущенную в то время ее руководством: слишком поздно был взят курс на создание общереспубликанского общественного органа, который мог бы стать средством нажима и контроля в отношении колеблющихся мелкобуржуазных и буржуазных элементов в правительстве²². Отсутствие органа, который состоял бы из представителей рабочих организаций, коммунистов, социалистов, представителей демократических партий, мелкой буржуазии, крестьянских организаций, прогрессивных слоев интеллигенции, патриотических деятелей армии, ограничило возможность воздействия демократических масс на политику Бенеша и правительства, все более отходивших от позиций обороны республики. Это особенно сильно проявилось в критический момент, когда давление извне приобрело такие формы, как мюнхенский ультиматум четырех держав, а нажим внутренней реакции вырос настолько, что она угрожала открыть границы и призвать Гитлера в Прагу. В этих условиях оказались недостаточными успешно применявшиеся до этого способы и средства воздействия масс на колеблющихся и непоследовательных социалистических и буржуазно-демократических лидеров. Именно в критический момент (30 сентября 1938 г.), когда внезапно капитулировали президент, правительство, Генеральный штаб и все правящие политические партии, ни массы, ни даже Коммунистическая партия не были надлежащим образом подготовлены к тому, чтобы принудить правительство к не-

²² Ibid., s. 421.

медленному отказу от капитуляции или же свергнуть его и взять в свои руки дело национальной обороны²³.

Мюнхенская капитуляция буржуазного правительства и ее последствия глубоко потрясли все население Чехословакии, особенно те слои, которые активно участвовали в антифашистской борьбе в защиту республики. Никто не ожидал, что дело примет такой оборот. Массы не верили, что будут добровольно оставлены укрепленные позиции, что страна, полностью подготовленная к отражению агрессии, уступит давлению и угрозам Гитлера и его англо-французских покровителей. Мюнхенская капитуляция предопределила потерю национального суверенитета Чехословакии, нанесла ее народам колоссальный материальный ущерб, ввергла страну в глубокий морально-политический кризис. После Мюнхена международное и внутреннее положение Чехословакии существенно изменилось. Старые союзы с Францией и СССР были нарушены и перестали существовать. Страна была отдана на растерзание гитлеровской Германии. Она потеряла $\frac{1}{3}$ своей территории, более 40% промышленного потенциала, свыше 30% населения; границы фашистского рейха придвинулись вплотную к основным экономическим и политическим центрам страны, ослабла ее оборонная мощь. В результате мюнхенской капитуляции развалилась старая политическая система, при помощи которой чешская буржуазия в течение 20 лет осуществляла свое господство и гегемонию. Э. Бенеш и поддерживавшие его буржуазные и социалистические партии отошли от руководства государством. Власть как в центре, так и в отдельных частях страны (Словакия, Закарпатская Украина) перешла в руки реакционных профашистских группировок, ориентированных на гитлеровскую Германию, на установление в стране профашистских режимов.

Мюнхен со всей очевидностью продемонстрировал полное банкротство национальной политики всех фракций буржуазии внутри страны.

В этой обстановке Коммунистическая партия Чехословакии была единственной политической силой, которая активно боролась против деморализации и разложения. Она стремилась помочь населению преодолеть растерянность, разочарование и психологическую депрессию. Она разъясняла народу, что Мюнхен — это далеко идущий заговор международных и внутренних реакционных сил, которые, преследуя свои классовые интересы и антисоветские цели, принесли Чехословакию в жертву Гитлеру. КПЧ возлагала главную ответственность за эту «черную пятницу» на правящие круги Англии, Франции, США и Чехословакии. Она призывала рабочий класс и всех трудящихся продолжать борьбу на «второй линии» за республику, демократические завоевания и национальную независимость²⁴.

Изуродованная и ослабленная послемюнхенская республика, во главе которой стояли махровые реакционеры, проводившие профашистскую политику, не могла отстоять свою независимость и превратилась в зависимое от фашистской Германии государство.

15 марта 1939 г. гитлеровцы оккупировали территорию Чехии и Моравии и объявили эти районы своим протекторатом. Закарпатскую Украину они передали хортистской Венгрии, а из Словакии создали марионеточное государство. Так было завершено начатое еще в Мюнхене полное уничтожение государственной и национальной независимости Чехословакии. Горький опыт Мюнхена и оккупации со всей очевидностью показал, что государственный суверенитет и национальная независимость народов Чехословакии могут быть обеспечены только на пути социализма, союза и дружбы с СССР и другими социалистическими странами.

²³ Ibid., s. 420—421.

²⁴ Ibid., s. 388.

И. В. МИХУТИНА

ПОЛЬША И КОНВЕНЦИЯ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССОРА

В изданных в Советском Союзе работах по международным отношениям и внешней политике СССР отсутствуют специальные исследования об отношении Польши к советской инициативе введения международного определения агрессора. Весьма обстоятельно вопрос исследован в статье К. Ляптера «Польско-советское сотрудничество в борьбе с концепцией так называемого пакта четырех держав летом 1933 г.»¹. Однако не использованные польским историком архивные материалы позволяют в настоящем сообщении более подробно изложить историю советско-польских переговоров о конвенции об определении агрессора.

Установление фашистской диктатуры в Германии в январе 1933 г. сделало Европу центром военной опасности. Гитлеровские планы агрессии представляли опасность для всех европейских стран. Однако антикоммунизм, являвшийся важнейшей частью идеологии и политики германских фашистов, позволял им рассчитывать на поддержку мировой реакции и прежде всего правящих кругов крупных империалистических держав. Надежда последних на превращение гитлеровской Германии в главную ударную силу против СССР и мирового коммунистического и рабочего движения побуждала их к поощрению гитлеровских военных планов.

Советский Союз был единственной страной, правительство которой не только до конца осознало глубину военной опасности, заключавшейся в этих планах, но и искало действенных средств для обуздания германского милитаризма и реваншизма и сохранения мира в Европе и во всем мире. Советское правительство считало, что интересам защиты мира наиболее соответствует создание системы коллективной безопасности. Поскольку война в любом районе земного шара могла превратиться в очаг мировой войны, безопасность можно было обеспечить лишь коллективными обязательствами всех стран или стран определенного района.

В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность². Первые же шаги в выработке коллективных мер для предотвращения войны были предприняты еще в начале 1933 г. 6 февраля 1933 г. советская делегация предложила участникам конференции по разоружению подписать декларацию об определении агрессора.

Формально «Декларация об определении нападающей стороны»³ рассматривалась как дополнение к подписанному в 1929 г. пакту Бриана — Келлога, содержащему отказ от войны как средства национальной поли-

¹ К. L a p t e r. *Polsko-radziecka współpraca w walce z koncepcją tzw. Paktu czterech mocarstw latem 1933 roku.* — «*Studia z najnowszych dziejów powszechnych*», 1963, № 3, s. 73—90.

² «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 474.

³ «Внешняя политика СССР». Сб. документов, т. III (1924—1934). М., 1945, стр. 582—584.

тики. Однако содержание декларации имело большое принципиальное значение. В ней провозглашался «принцип всеобщего мира, право всех народов на свободное развитие избранным ими самими способом и темпами». Гарантией такого развития являлись неприкосновенность территории и невмешательство одних государств во внутренние дела других.

Основную часть советского проекта составляло конкретное перечисление действий, которые должны были рассматриваться как акт агрессии: объявление войны, вторжение на территорию другого государства без объявления войны, нападение на территорию другого государства сухопутными, морскими или воздушными силами, нападение на морские или воздушные суда другого государства, нарушение договоров о времени и районе пребывания войск на чужой территории, морская блокада берегов или портов другого государства ⁴. Понятию «агрессия» был придан определенный конкретный смысл. Следующую часть декларации составляло подробное перечисление поводов, которые могли быть использованы агрессором для оправдания нападения. Этому Советское правительство придавало большое значение ⁵ и в дальнейшем решительно выступило против попыток исключить соответствующий раздел из декларации.

Советская формула определения нападающей стороны была значительным вкладом в международное право ⁶. Однако первостепенное значение в сложившихся условиях имела его политическая актуальность. Если учесть, что советское предложение об определении агрессора обсуждалось в течение первых месяцев 1933 г., вскоре после захвата гитлеровцами власти в Германии и почти одновременно с попытками Англии, Германии, Италии и Франции образовать блок четырех держав ⁷, то станет ясным, что принятие советского определения нападающей стороны, во-первых, лишало агрессора возможности оправдать нападение и обеспечивало применение санкций против нарушителя мира и, во-вторых, могло содействовать созданию единого фронта государств, которым непосредственно угрожали гитлеровские реваншистские планы, т. е. стать серьезным препятствием для антисоветского империалистического сговора.

На конференции по разоружению делегаты большинства стран высказались в поддержку советского принципа определения агрессора ⁸. Исключение составила небольшая группа государств во главе с Англией, представителям которых удалось затянуть обсуждение советского предложения, передав его на рассмотрение одной из комиссий.

В этих условиях советская дипломатия стала искать других путей для скорейшего введения в действие «Декларации об определении нападающей стороны». Опираясь на уже имеющийся опыт проведения в жизнь пакта Бриана — Келлога ⁹, Советское правительство решило предложить неза-

⁴ «Внешняя политика СССР», стр. 582—583.

⁵ Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 09, п. 49, д. 34733, л. 203—201. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова с польским посланником в Москве Ю. Лукасевичем 9 мая 1933 г.

⁶ Подробно об этом см. W. M o r a w i e s k i. Walka o definicję agresji w prawie o międzynarodowym. Warszawa, 1956; и доклад польского юриста В. Войцеховского в сб. «Zagadnienia bezpieczeństwa zbiorowego w Europie». Warszawa, 1955.

⁷ Проект «Пакта четырех» возник в начале марта 1933 г. Он предусматривал особые права участников пакта на решение всех крупных европейских проблем, политическую изоляцию СССР и возможность пересмотра версальской системы, что практически означало попустительство территориальным захватам, планируемым гитлеровской Германией.

⁸ Подробно об этом см. В. М. Х а й ц м а н. СССР и проблема разоружения. М., 1959, стр. 335—344.

⁹ В 1928 г., когда подписание пакта Бриана — Келлога затянулось из-за продолжительного обсуждения в различных инстанциях Лиги наций, Советский Союз проявил важную инициативу, предложив своим соседям ввести пакт в действие, не дожидаясь окончательного решения Лиги наций. 9 февраля 1928 г. в Москве был подписан

медлительно подписать декларацию группе соседних с СССР стран, с которыми уже имелись пакты о ненападении или нейтралитете. Ограничение круга первоначальных участников придавало декларации региональный характер, однако присоединиться к ней могли все желающие государства¹⁰.

Советское правительство считало, что большую роль в будущей системе коллективной безопасности должна была сыграть Польша — одно из крупнейших государств Восточной Европы. В то же время позиция Польши в отношении декларации вызывала наибольшие опасения¹¹. Опыт показывал, что, несмотря на видимое и усердно рекламируемое польской пропагандой и дипломатическими кругами¹² улучшение советско-польских отношений, выразившееся в подписании в 1932 г. пакта о ненападении, правительство Польши не проявляло ни малейшей склонности к расширению польско-советского сотрудничества в политической области. Такая позиция вытекала из внешнеполитической концепции польских правящих кругов.

Исходя из великодержавных планов, польские правители стремились к обострению германо-советских отношений, сближению Польши с Германией и перестройке франко-польского союза на началах равноправия. Все это, по их замыслам, способствовало бы образованию в Восточной Европе блока государств под руководством Польши. С нескрываемой радостью пилсудчики восприняли резкое ухудшение советско-германских отношений, вызванное антисоветской, антикоммунистической политикой Гитлера. «Мы стоим на пороге улучшения нашего положения в системе европейского равновесия», — такова была оценка последствий гитлеровского переворота, данная Ю. Пилсудским. Вскоре он посоветовал Ю. Беку дать понять германскому правительству, что Польша стремится к улучшению отношений со своим западным соседом¹³. Но в первые месяцы гитлеровского режима Германия не проявляла ни малейшего желания к смягчению напряженности отношений с Польшей. Наоборот, она открыто объявляла своими ближайшими целями ликвидацию Польского коридора и захват части польских земель. Под предлогом защиты немецкого национального меньшинства гитлеровцы развернули бешеную антипольскую пропаганду, они начали преследование поляков, проживающих в Германии. Польша ответила такими же мерами. Создалась крайняя напряженность в польско-германских отношениях.

Новым ударом по великодержавным планам польского правительства был проект «пакта четырех». Его авторы не скрывали, что «ревизионистские» основы сделки четырех держав касаются прежде всего польско-германской границы¹⁴.

Правительство Польши развернуло энергичную кампанию против пакта. Однако критика пакта со стороны польских руководителей была непоследовательной. Особые и в значительной степени демагогические

протокол о досрочном введении в силу пакта об отказе от войны как средства национальной политики. Его подписали СССР, Польша, Эстония, Латвия, Румыния, Литва, Турция и Иран.

¹⁰ АВП СССР, ф. 09, п. 49, д. 34733, л. 197—195. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем 25 апреля 1933 г.

¹¹ АВП СССР, ф. 09, п. 49, д. 34733, л. 192—191. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем 19 апреля 1933 г.

¹² «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. VI, Warszawa, 1967, № 17, s. 33. Письмо Б. С. Стомомякова В. А. Антонову-Овсенко 19 апреля 1933 г. Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 333, оп. 7, д. 1410, л. 5—7. Довесенные советника посольства Литвы в СССР в МИД Литвы 2 августа 1933 г.

¹³ J. В е с к. Final Report. New York, 1957, p. 20.

¹⁴ «Documents on British Foreign Policy» (DBFP), ser. II, v. 5, 5p. 5—57, 60; K. L a p t e r. Ibid., s. 77.

нарекания с их стороны вызывала идея гегемонии группы государств¹⁵. Начальник западного департамента польского МИД Ю. Липский заявлял, что наибольшее возмущение в Польше вызывает «сам принцип образования в Европе блока великих держав, который исключает равноправие других государств». В то же время он заверял германского посланника в Варшаве Мольтке, что Польшу не беспокоит ни участие Германии в «пакте четырех», ни признание права «ревизии» границ и равноправия Германии в вооружениях¹⁶. Неправильно было бы считать, что Польша на самом деле оставалась безучастной ко всем этим вопросам. Подобные заверения были продиктованы желанием не раздражать своего западного соседа, добиться соглашения с которым продолжало оставаться желанной целью пилсудчиков. Одновременно польская дипломатия искала косвенных средств давления на Германию, чтобы склонить ее к переговорам о нормализации отношений. Одним из таких средств была идея образования блока буржуазных государств Восточной Европы, которым, как и Польше, угрожала опасность реванша и агрессии. Польское правительство имело в виду такую возможность. Английский посланник в Польше Эрскин сообщал 29 марта 1933 г. в Лондон, что в ответ на проект «пакта четырех» польское правительство проявляет инициативу в организации сильной оппозиции¹⁷.

В конце марта 1933 г. московский корреспондент официальной «Газеты польской» Берсон специально беседовал с заведующим прессотделом Народного комиссариата по иностранным делам СССР К. Уманским, чтобы выяснить отношение СССР к планам образования блока восточноевропейских государств¹⁸. Советское правительство, учитывая, что в создавшихся условиях единство восточноевропейских государств затрудняло поиски агрессоров, одобрительно отнеслось к идее укрепления отношений сотрудничества в группе стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Вскоре были предприняты попытки сближения Польши со странами Малой Антанты, особенно с Чехословакией. Однако ни польское правительство, ни руководители Чехословакии и других заинтересованных стран не смогли поставить подлинные интересы своих наций, требующие их единства для защиты от империалистических замыслов великих держав, выше второстепенных территориальных споров, порожденных версальской системой¹⁹. Это обусловило разобщенность стран Восточной Европы и сделало их легкой добычей фашистских агрессоров.

Не был осуществлен также план образования прибалтийского блока, который польская дипломатия пыталась сколотить еще в начале 20-х годов. Укреплению позиций Польши в Прибалтике мешали не только нерегулированность отношений с Литвой²⁰, но главным образом решительное противодействие СССР попыткам Польши навязать прибалтийским странам свою гегемонию и превратить Прибалтику в часть антисоветского «са-

¹⁵ Польское правительство само претендовало на руководящее положение Польши в Восточной Европе и, по свидетельству английского посланника в Варшаве, было глубоко уязвлено тем, что великие державы не пригласили Польшу к участию в «пакте четырех» (DBFP, ser. II, v. 5, p. 114).

¹⁶ K. L a p t e r. Ibid., s. 78.

¹⁷ DBFP, ser. II, v. 5, p. 114.

¹⁸ «Dokumenty i materiały...» t. VI, N 16, s. 31—32. Письмо посланника Польской республики в Москве министру иностранных дел Польши 4 апреля 1933 г.

¹⁹ Подробно об этом: H. B a t o w o s k i. Środkowoeuropejska polityka polski w latach 1932—1939. «Najnowsza historia polski». Warszawa, 1960, s. 266—277; J. K o z e Ń s k i. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938. Poznań, 1964, s. 58—63; K. L a p t e r. Polsko-radziecka współpraca, s. 75—76; «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», М., 1959, стр. 287.

²⁰ Польско-литовский конфликт возник в 1919 г. из-за захвата Польшей Вильнюса.

нитарного кордона». Отрицательное отношение Советского правительства к идее блока прибалтийских стран под руководством Польши станет понятным, если учесть, что конечной целью пилсудчиков было достижение соглашения с Германией. В случае осуществления этого замысла прибалтийский блок стал бы, естественно, инструментом гитлеровской политики²¹. Буржуазные правительства Латвии и Эстонии, хотя и относились враждебно к СССР, понимали, что нельзя строить свою политику без учета позиции Советского государства. Поэтому, несмотря на все старания польской дипломатии²², они отвергли план прибалтийского блока под руководством Польши.

В этой трудной для Польши обстановке, когда перед лицом реваншистских планов гитлеровской Германии ей грозила полная политическая изоляция, Советское правительство предложило сотрудничество в форме совместного принятия декларации об определении агрессора.

19 апреля 1933 г. М. М. Литвинов неофициально изложил польскому посланнику в Москве Ю. Лукасевичу свой план немедленного подписания декларации об определении агрессора Советским Союзом и соседними с ним государствами²³. 25 апреля Ю. Лукасевич передал ответ польского правительства²⁴. В нем говорилось, что Польша согласна с советским определением агрессора, но вступит в переговоры о подписании декларации, если к участию в этой акции будет приглашена ее союзница Румыния, с которой СССР немедленно подпишет пакт о ненападении и урегулирует «бессарабский вопрос». Эти условия Ю. Бека не имели ничего общего с заботой об улучшении советско-румынских отношений, хотя бы потому, что румынское правительство даже не было поставлено в известность своим союзником о переговорах в Москве, не говоря уже о том, что отсутствие советско-румынского пакта о ненападении не было препятствием к участию Румынии в декларации об определении агрессора²⁵.

Такой маневр понадобился польской дипломатии, чтобы затянуть окончательный ответ Советскому правительству. Советская инициатива по времени совпала с попыткой польского правительства сблизиться с Германией. 2 мая 1933 г. состоялась встреча польского посланника в Берлине А. Высоцкого с Гитлером. Польская сторона стремилась добиться публичной декларации германского правительства об отказе от посягательств на права Польши в Гданьске²⁶. Считая преждевременным открыто и прямо предъявлять свои требования и раскрывать планы, Гитлер не поскупился на обещания не нарушать «существующих трактатов» и согласился на опубликование этого заявления в печати. Правда, в ходе беседы он подчеркнул, что Германия не может быть удовлетворена существующей польско-германской границей и в дальнейшем рассчитывает на уступку Польшей Гданьского

²¹ Советская дипломатия отдавала себе отчет в стремлении Польши к такому повороту. Выражая мнение НКВД, Б. С. Стомоняков в письме к В. А. Антонову-Овсеенко настойчиво подчеркивал возможность польско-германского сговора против СССР. («Dokumenty i materiały...», t. VI, № 40, s. 64—69).

²² Польская агентура в Прибалтике специально распространяла слухи о существовании особой договоренности между Польшей и СССР, направленной против Германии, и утверждала, что образование прибалтийского блока не должно встретить сопротивления Советского Союза. («Dokumenty i materiały...», t. VI, № 15, s. 29—30. Письмо Б. С. Стомонякова В. А. Антонову-Овсеенко 4 апреля 1933 г.).

²³ АВП СССР, ф. 09, п. 49, д. 34733, л. 192—191. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем 19 апреля 1933 г.

²⁴ Там же, л. 197—195. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем 25 апреля 1933 г.

²⁵ Там же, л. 203—201. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем и Т. Шетцелем 9 мая 1933 г.

²⁶ «Diariusz i teki J. Szembeka», t. I. London, 1964, s. 52—53.

коридора за компенсацию на востоке²⁷. Польское правительство сочло исход своей акции вполне благоприятным и отказалось от риска скомпрометировать себя в глазах Гитлера совместным выступлением с СССР²⁸. 29 мая 1933 г. Ю. Лукасевич и начальник Восточного департамента польского МИД Т. Шетцель передали М. М. Литвинову отрицательный ответ Варшавы на советское предложение²⁹. Вскоре после этого правительство Польши отвергло предложение М. М. Литвинова о совместном выступлении против блока четырех держав³⁰.

Советская дипломатия учитывала противоречивость позиции польского правительства. В своем письме к В. А. Антонову-Овсеенко от 19 июля 1933 г. Б. С. Стомоняков писал о «двух эвентуальностях» в развитии польской политики — войне с Германией при сохранении мира с СССР и соглашении с Германией и Японией против СССР³¹. В связи с этим он подчеркивал необходимость не дать Польше возможности использовать «советский козырь» для давления на Германию с целью добиться наиболее выгодного соглашения с ней. Трудно было предположить, что в условиях нарастания агрессивности германского империализма и огромного напряжения в польско-германских отношениях правители Польши фактически уже сделали выбор в пользу Германии.

По мнению руководителей советской внешней политики, надо было не только помешать использованию Польши Германией в качестве орудия антисоветской политики, но и добиться с Польшей «отношений доверия и добрососедства», способствующих стабилизации положения в Восточной Европе³². Поэтому после срыва польской стороной переговоров о совместном выступлении с декларацией об определении агрессора в апреле — мае 1933 г., Советское правительство не прекратило поисков новых путей осуществления своего плана.

Развитие событий в Европе летом 1933 г. сделало советский проект декларации об определении агрессора еще более актуальным. Наглое выступление гитлеровцев на Лондонской экономической конференции с претензиями на восточные территории³³, а также парафирование «пакта четырех» 7 июня 1933 г. вызвали большое беспокойство в странах Восточной Европы, в Прибалтике и на Ближнем Востоке.

Государства Малой Антанты, до тех пор даже не имевшие дипломатических отношений с СССР, стали искать поддержки Советского Союза против угрозы агрессии и гегемонизма великих держав. Весной 1933 г., в период особенно острой борьбы против «пакта четырех», министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш от имени Малой Антанты предложил Советскому Союзу заключить пакт о ненападении³⁴. Особенно заметным было изменение отношения к СССР румынской дипломатии во главе с Н. Титулеску. В результате трезвой оценки военной опасности,

²⁷ Ibid., s. 55.

²⁸ Во время встречи с А. Высоцким Гитлер подчеркнул «опасность», которую якобы представляет для всей Европы и особенно для Польши само существование Советского государства (Ibid.).

²⁹ Польские дипломаты обвиняли СССР в отказе от урегулирования отношений с Румынией. В действительности, как справедливо подчеркнул М. М. Литвинов, никаких новых предложений о советско-румынских отношениях не поступало (АВП СССР, ф. 09, п. 49, д. 34733, л. 203—201, 197—195).

³⁰ K. L a p t e r. Ibid., s. 74—75.

³¹ «Dokumenty i materiały...», t. VI, № 40, s. 67.

³² Ibid., s. 69.

³³ Германский делегат в Лондоне Гугенберг цинично заявил, что Германия требует себе «территории СССР» и «общирных пространств Европы» («Правда», 1933, 19 июня).

³⁴ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», М., 1959, стр. 298—299.

резко усилившейся после гитлеровского переворота в Германии, Н. Титулеску превратился из противника нормализации советско-румынских отношений в решительного сторонника советской идеи создания системы коллективной безопасности³⁵. В своем выступлении на конференции по разоружению Н. Титулеску заявил, что Румыния и другие страны Малой Антанты полностью согласны с советским определением агрессии. Это и ряд других заявлений румынского представителя³⁶ сделали совершенно несостоятельными попытки польских дипломатов затормозить обсуждение советского предложения путем искусственного осложнения советско-румынских отношений. Румынское правительство считало декларацию об определении агрессора приемлемой для себя, так как в основу советского определения был положен принцип территориальной неприкосновенности государств. Таким образом, положительное отношение Румынии и других стран Малой Антанты к советскому предложению не только способствовало его осуществлению, но и помогло разоблачению саботажа со стороны польского правительства.

Вскоре в поддержку советского определения агрессора высказались Латвия и Эстония³⁷. Турция, крупнейший сосед СССР на Ближнем Востоке, с самого начала откликнулась на советское предложение и всячески способствовала его осуществлению³⁸.

Когда выяснилось, что большинство соседних с СССР стран относится положительно к проекту декларации об определении агрессора, Советское правительство проявило новую инициативу. Для этого была использована Лондонская экономическая конференция, на которой присутствовали делегации многих стран. В июне 1933 г. в Лондоне М. М. Литвинов обратился к представителям заинтересованных государств с предложением подписать декларацию. Наряду с СССР в переговорах участвовали Польша, Румыния и Турция³⁹. К моменту встречи представителей этих стран принципиальный вопрос — о содержании декларации — не требовал обсуждения, так как текст «Декларации об определении агрессора» был в мае 1933 г. уже согласован в специальной комиссии конференции по разоружению и одобрен всеми участниками намечающейся акции. Однако разрешение втростепенных вопросов требовало значительного времени и усилий.

Против советских предложений снова выступила Польша. Ее представители вновь обусловили участие Польши в подписании декларации, во-первых, урегулированием советско-румынских отношений, во-вторых, требованием одновременного подписания декларации СССР и всеми его соседями; в-третьих, приданием декларации узкорегionalного характера путем исключения из числа участников государств, не граничащих с СССР.

Что касается первого условия, то после упомянутых выступлений Н. Титулеску выполнение его не могло вызвать серьезных затруднений. Стало ясно, что заинтересованность Польши в этом вопросе фальшива. Хотя польская сторона вызвалась посредничать в советско-румынских переговорах, ее представитель Э. Рачиньский не проявил подлинной заинтересованности в существе дела. По словам М. М. Литвинова, не Польша подталкивала Румынию к подписанию декларации, а Румыния — Польшу⁴⁰.

³⁵ А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны 1934—1939. М. 1963, стр. 74—75.

³⁶ «Правда», 1933, 26 и 27 мая.

³⁷ «Dokumenty i materiały...», t. VI, № 40, s. 66.

³⁸ «Внешняя политика СССР», стр. 648.

³⁹ DBFP, ser. II, v. 7, p. 591.

⁴⁰ K. L a p t e r. Ibid., s. 85.

Следующее требование — об одновременном подписании декларации всеми участниками — выражало гегемонистские претензии Пилсудского — Бека на руководящее положение Польши среди буржуазных восточно-европейских государств и противопоставление всей этой группы Советскому Союзу. Позже Ю. Бек признавал, что образование «своеобразного блока соседей СССР под руководством Польши» было главной целью участия Польши в лондонской акции. Однако эти расчеты польских политиков оказались нереальными: ни одна из этих стран не признавала руководящей роли Польши в делах Центральной и Восточной Европы.

Третье условие — об ограничении круга участников декларации соседними с СССР странами, с которыми он имел пакты о ненападении или нейтралитете, и отказ подписать общую, открытую для присоединения всех стран конвенцию — мотивировалось нежеланием Польши «присваивать полномочия Лиги наций» в организации действий всеобщего характера ⁴¹. На самом же деле польское правительство просто не хотело допустить к участию в соглашении Чехословакию и Югославию, рассчитывавших с помощью декларации об определении агрессора оградить себя от реваншистских притязаний Венгрии и Италии — ближайших «друзей» Польши ⁴².

Наконец, важнейшая принципиальная задача польской дипломатии состояла в том, чтобы ограничить действие соглашения сравнительно небольшим районом, придать ему характер частного, второстепенного дополнения к пактам о ненападении и тем самым ослабить общее значение советской инициативы ⁴³.

Чтобы не позволить Польше вновь сорвать подписание декларации об определении агрессора, советская делегация приняла требование о региональном соглашении.

3 июля 1933 г. в здании Советского посольства в Лондоне была подписана «Конвенция об определении нападения». Ее участниками стали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Иран и Афганистан. Конвенция содержала формулу, принятую специальной комиссией конференции по разоружению на основе советского предложения ⁴⁴.

На следующий день, 4 июля, была подписана еще одна конвенция — с участием СССР, Румынии, Чехословакии, Югославии и Турции. Она отличалась от предыдущей одной статьей, в которой говорилось о возможности присоединения к конвенции других стран ⁴⁵.

5 июля состоялось подписание «Конвенции об определении нападения» между СССР и Литвой ⁴⁶.

Лондонские документы получили широкий отклик в мировом общественном мнении. В течение июля и августа 1933 г. материалы о них не сходили со страниц европейской и мировой печати ⁴⁷. Газеты многих стран различного политического направления признавали, что подписание конвенции об определении агрессора является несомненным и крупным успехом Советского Союза. Подчеркивалось, что своей инициативой, проявленной в Лондоне, СССР не только способствовал улучшению своих отно-

⁴¹ «Gazeta Polska», 6 III 1933.

⁴² «Dokumenty i materiały...», t. VI, № 40, s. 66.

⁴³ Материалов о существовании специального польско-германского стговора по этому вопросу не имеется. Однако следует подчеркнуть, что нацистская дипломатия больше всего опасалась как раз заключения открытой для присоединения всех стран конвенции, рассматривая ее как первый шаг к будущему пакту о взаимной помощи (DGFP, ser. C, v 1, p. 342).

⁴⁴ «Внешняя политика СССР», стр. 645—647.

⁴⁵ Там же, стр. 650.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. 1933, д. 19, п. 2а; ф. 1933, д. 3, л. 14. Бюллетени ТАСС и газетные вырезки.

шений с соседними странами, консолидации Восточной Европы и обеспечению ее безопасности, но и показал, что является крупнейшим фактором во всех международных делах и последовательным проводником миролюбивой политики. При этом было признано высокое искусство советской дипломатии и личная заслуга М. М. Литвинова в осуществлении этой акции.

Наряду с общей оценкой значения лондонских конвенций печать всех стран обращала внимание на их конкретную политическую направленность против реваншистских замыслов германского фашизма и других агрессивных сил. Специально отмечалось, что подписание польским правительством региональной конвенции укрепило позиции Польши в отношении Германии. Естественно, что в германских политических кругах это вызвало большое беспокойство. Не будучи уверенным, что польское правительство рассматривает свое совместное с СССР участие в Лондонской конвенции всего лишь как тактический маневр, германское правительство решило дать Польше понять, что соглашение между гитлеровской Германией и Польшей возможно и желательно для Германии, но что оно должно быть направлено против СССР⁴⁸. На этом основании польские правители игнорировали возможности, открывавшиеся перед ними благодаря подписанию Лондонской конвенции: выход из изоляции, созданной «пактом четырех», принятие такого определения агрессии, которое исходило бы из принципа территориальной целостности государств, наконец, политическая поддержка СССР против германского реваншизма. Главный же смысл Лондонского договора они видели в смягчении отношений с Германией.

Заклучив в январе 1934 г. соглашение с гитлеровцами, правительство Польши фактически отказалось от политики коллективной защиты против агрессии и перечеркнуло все, что было уже достигнуто в советско-польском сближении. Ненависть и страх перед растущей мощью и политическим влиянием СССР определили выбор правящих кругов Польши в пользу фашистской Германии. Ослепленные мифом великодержавности, они даже не подозревали, что гитлеровскому правительству соглашение с Польшей нужно было лишь для выигрыша времени в подготовке восточной экспансии, первой жертвой которой неизбежно должно было стать Польское государство.

⁴⁸ К. L a p t e r. Ibid., s. 90.

МИРОСЛАВ ШИЦЕЛ

ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пути развития хорватской литературы за прошедшие двадцать с лишним лет — исторически столь значительных и насыщенных — обусловлены различными факторами, от общественно-политических до индивидуально-творческих. Важную роль играло здесь одновременное участие в литературной жизни нескольких поколений.

В первые послевоенные годы активизировались три, даже, пожалуй, четыре поколения: параллельно выступают писатели, которые вошли в литературу в 90-е годы прошлого века (Виктор Цар Эмин и Владимир Назор), литераторы, творческая деятельность которых началась перед первой мировой войной или во время нее (Славко Колар, Мирослав Крлежа), а также поколение, выступившее в 30-е годы (поэты Добриша Цесарич, Драгутин Тадиянович и др.). В эти же годы окончательно выявляется лицо и тех писателей, которые заявили о себе лишь накануне или во время второй мировой войны (Юре Каштелан, Весна Парун, Ранко Маринкович, Мирко Божич, как и несколько более старшие — Петар Шегедич и Владан Десница).

В 50-е годы старшее поколение в основном уходит из литературы, появляется новое (критик Влатко Павлетич, поэты Миливой Славичек, Славко Михалич, прозаики и поэты Слободан Новак, Антун Шолян, Иван Сламниг и др.), которое определит современный ее облик. На подступе и следующее литературное поколение (поэт Дубравко Хорватич, новеллист Звонимир Майдак и др.) .

Война, социалистическая революция, коренные изменения социально-экономических отношений внесли в литературу совершенно новые компоненты и содержание. Характерно, например, что для всех поколений, участвующих в литературе с начала войны до 50-х годов, тематика народно-освободительной войны или оккупации, а также обновления и восстановления разрушенной родины стала доминирующей. Многие писатели, особенно самого старшего поколения, которые давно уже выработали свою художественную манеру и чьи излюбленные темы были прочно связаны в основном с социальной проблематикой довоенной хорватской деревни или провинции, переключаются на новые темы, ищут новый метод и изобразительные средства. Это, конечно, можно объяснить только общественно-историческими обстоятельствами, успешным осуществлением революции, взбудоражившей сознание людей и полностью изменившей их образ жизни.

Однако новая тематика не дает еще права говорить о каком-то совершенно новом развитии хорватской литературы после войны, которое бы озна-

чало разрыв с межвоенными литературными традициями. Эти традиции развивались в широком идейном, а в известном смысле, и стилистическом плане, в стремлении к художественному воплощению самых передовых идей, которым прогрессивные писатели были верны и раньше — в двадцатые и тридцатые годы нашего века (творчество Мирослава Крлежи и Августа Цесарца, социальная литература). Литературное творчество Мирослава Крлежи межвоенного периода наложило заметную печать на творчество писателей, деятельность которых определяла облик хорватской литературы до 50-х годов. Это влияние — лучшее доказательство продолжения литературных традиций межвоенного периода в послевоенной литературе.

Разумеется, воплощение революционных изменений, происшедших в самих людях и вокруг них, — задача трудная. Прежде всего сразу же после войны часть хорватских критиков потребовала от писателей откровенно утилитаристскую литературу, в большей или меньшей степени декларативную и лозунговую, в которой социологизирование, как правило, преобладало над подлинным искусством. Такая манифестационная, не представлявшая никакой художественной ценности «литература», с оголенной тенденцией и утверждением повседневности, изображенной к тому же упрощенно, в черно-белых тонах, появлялась спорадично и ни в коем случае не была характерна для первого послевоенного периода развития хорватской литературы в целом — она была лишь неизбежным литературным спутником тех лет.

Между тем действительность требовала от писателей совершенно нового аспекта рассмотрения проблем и нового, творческого отношения к ним. Литераторы, при всем единстве их идейных воззрений, — речь идет о социально ориентированных, передовых писателях — обладали разным уровнем таланта. Это были и писатели, полностью оформившиеся еще в предвоенное время, и литераторы, сразу после войны выпустившие свои первые книги. Естественно, что более опытным из них было легче, чем тем, которым наряду с освоением новой для литературы проблематики нужно было научиться решать вопросы композиции и создания образов, построения диалога, овладения техникой художественного творчества вообще. Однако и литераторы, уже завоевавшие славу писателей, тоже оказались в сложном положении, приступив к разработке тематики народно-освободительной борьбы и восстановления и строительства в стране после революции.

Несмотря на все объективные и субъективные трудности, вопреки тенденциям к схематизму, к созданию ложных, романтизированных героев, уже во время войны и в первые послевоенные годы были созданы многие произведения непреходящей ценности на тему народно-освободительной борьбы. Их авторы — Марин Франичевич, Векослав Калев, Шиме Вучетич Владимир Попович, Юре Каштелан. Именно они, вместе с писателями, непосредственно продолжающими межвоенную психологическую прозу, — Петаром Шегедином, Ранко Маринковичем, Владаном Десницей, определяют лицо хорватской литературы до 50-х годов.

Процесс преодоления нежелательных тенденций, о которых мы упомянули, отчетливо виден на примере творчества Векослава Калеба. В послевоенный период он выступил с двумя книгами прозы¹. И первая и вторая — о военном времени. Художественный уровень обеих явно ниже по сравнению с довоенными произведениями того же автора: подчеркнутое выделение оголенной идеи, попытка навязать определенную тенденцию, в то время как сама тема еще не совсем созрела для писателя и не стала его неизбежным

¹ Сб. рассказов «Бригада» (1947) и роман «Ушиженные улицы» (1950).

творческим импульсом. Герои этих книг декоративны и декларативны, окружающая их среда стандартизирована. Между тем уже две следующие книги писателя — «Прелесть пыли» (1954) и «Белый камень» (1955) — не только подтверждают творческие возможности Калеба, проявившиеся в предвоенный период, но и говорят о подлинно новом методе художественного воплощения темы войны и народно-освободительной борьбы, методе психологического реализма. В этих произведениях Калеб отказывается от манеры повествования, которую он использовал до этого, находит новые формы. В «Белом камне» воссоздан символ красоты, приподнятый над повседневностью мятежного времени войны, в «Прелести пыли» образы партизан, ищущих свою бригаду, символизируют человеческое движение вперед.

Разрабатывая тематику народно-освободительной борьбы и войны вообще, хорватские прозаики постепенно совершенствуют свое художественное мастерство, но одновременно с этим сужают тематические рамки охвата жизненных явлений. Начав путь в хроникально-журналистской форме, их проза все больше воспринимала элементы психологизма, придя в конце концов к разложению реалистической фабулы, к ассоциативному, полному лирических акцентов и метафорички повествованию.

Параллельно с темой народно-освободительного движения многие хорватские писатели продолжают разрабатывать сельскую и городскую тематику, но уже на более высоком художественном уровне и новыми изобразительными средствами.

В романах Мирко Божича «Курланы» (1952) и «Невыплакавшаяся» (1955) изображено село Далматинской Загоры накануне войны, показана его отсталость. Автор по-своему приступает к этой теме: в созданных им образах как бы персонифицируются силы природы. Это особое видение жизни, в котором отношения мужчины и женщины, проблема любви и ненависти — не что иное, как манифестация природы в ее естественных формах. Оригинален литературный язык Божича. Он полон неологизмов, провинциализмов, насыщенный и сентенциозен, он увлекает силой слова и удачными, хотя иногда и чересчур смелыми, сравнениями и метафорами.

С более современных позиций описывают село другие писатели. Владан Десница, используя достаточно простые фабулы, фиксирует мелкие и незначительные события, в которых между тем вырисовывается психология человека в его отношении к жизни и происходящему вокруг него, особенно во время войны. На первый план выдвигается психологическое раскрытие трагедии человека отсталой далматинской среды.

В прозе Маринковича, в основе своей реалистической, почти региональной, мы встретим характерные образы провинциальных старых дев, монашек и монахов, пенсионеров, парикмахеров — типичных обитателей далматинских островов. Маринкович не увлекается широтой показа и не создает панорамы, а, остановив время, сосредоточивает внимание на минимуме и, выбрав отдельных персонажей, основательно и глубоко анализирует их.

В произведениях Петара Шегедина доминирует интеллектуальная нота, интеллектуализм свойствен его литературным героям и проявляется в реминисценциях, ассоциациях и размышлениях. В романе «Одинокие» (1947) действие ограничено рамками провинциального городка, но в нем рассматривается не его среда. Истинное содержание писатель находит в изображении внутреннего мира персонажей. И в романе «Дети божьи» (1946) он также проникает в психологию своих травмированных героев, наделенных предрассудками, начиная от религиозных, создающих комплексы страха, до извращенных проявлений человеческой испихки.

Подобная же ситуация, что и в прозе, легко обнаруживается в поэзии до 50-х годов. Наряду с большим количеством средних стихотворений, имевших чисто пропагандистский и агитационный характер, были произведения и таких поэтов, которые шли своим индивидуальным путем и создавали оригинальные и глубоко проникновенные поэтические образы мира.

Именно в поэзии с наибольшей художественной силой прозвучала тема народно-освободительной борьбы. В стихотворениях Владимира Назара и Ивана Горана Ковачича, в поэмах — от знаменитой «Ямы» Горана до «Тифозных» Каштелана — народно-освободительной борьбе в хорватской поэзии воздвигнут непреходящей художественной ценности памятник.

Поэзия Юре Каштелана наполнена глубоко прочувствованным восприятием античеловеческого и негуманного в человеке. Изображение революции и ее идей — авоспринимает он ее как свою интимную истину и радость — выливается в непрерывающийся диалог с самим собой, одновременно обращенный и к современникам. Впитывая опыт Гарси Лорки, а также многих представителей модернистской поэзии, Каштелан смог создать оригинальную, свою поэзию — ассоциативно-метафорическую, подчас иррационально интонированную, а иной раз простую, насыщенную мелодиями народных ритмов. Вся поэзия Каштелана состоит из патетически звучащих стихотворений о родине и глубоко личных размышлений о человеке и его сущности. Она для него — своеобразное убежище, в ней он находит убеждение и отдых от постоянного столкновения с современным миром, в котором, по его мнению, мало человечности.

Весна Парун одна из оригинальнейших поэтесс послевоенной поэзии, которая сразу пошла своим путем. На ней в меньшей степени, чем на многих других поэтах, сказались травмы войны, пережитой ей в детстве. Она воспринимает войну скорее как легенду, чем как действительность. Весна Парун в первую очередь поэт молодости и любви. Тема материнства и любви, проблема отношений мужчины и женщины, чувственность — полное слияние человека с природой — основные мотивы ее поэзии, воплощенные в буйную, поистине роскошную метафорику. Отдав в известной мере дань ораторской поэзии с социально-патриотическими мотивами, в дальнейшем она несколько сужает круг своих тем. Тон ее поэзии становится все эlegичнее, разочарований больше, чем радости, метафорика уже не столь свежа. Поэзия барочных любовных потрясений перерастает в поэзию раздумья и печали по поводу уходящей молодости. Лирика Парун полна символики и музыки, но иногда, увлеченная словом, метафорой или символом, она пишет банально-риторические стихотворения. Лучшие ее произведения звучат как искренняя исповедь преданного любви человека, эlegически переживающего фазу смирения и задумавшегося над некоторыми общими проблемами человеческого существования.

В 1952 г. группа самых молодых литераторов начала издавать журнал «Кругови» («Круги»). В заключительных строках вводной статьи, написанной Влатко Павлетичем, нашли выражение главные требования этой литературной группировки: «Пусть скрестятся противоположные мнения, самые противоположные суждения, не надо только приговора. В литературе проблемы не решаются осуждением, это только отдалает их решение. Искусство может развиваться лишь на основе творческого метода. Свободу тем, кто оспаривает ценность нового, но и этому новому, чтобы оно могло защищать свое существование..., если сможет и сумеет».

Если бы мы хотели охарактеризовать нашу литературно-критическую ситуацию 50-х годов, то должны были бы начать с того факта, что все критики, в полной мере развернувшиеся сейчас в литературе и представляющие ее ядро, сотрудничали в свое время в журнале «Кругови». Это представи-

тели одного поколения, родившиеся между 1920 и 1930 гг., которых, несмотря на все различия индивидуальных взглядов на искусство, объединяет стремление подойти к литературному произведению как комплексному феномену, а не упрощенно, не с точки зрения оценки только содержания. Их объединяет попытка аналитически изучить структуру художественного произведения, его форму в самом широком смысле слова.

Если ко всему этому вспомнить имена тех английских, американских и французских эстетиков, идеи которых используют молодые хорватские критики, часто апеллируя к ним как авторитетам,— имена Т. С. Элиота, Рихарда Рида, не говоря уже об известной теории литературы Велека и Уорена и объединенной группы критиков (Тэт, Кроу, Рансон, Брукс и т. д.),— т. е. литературоведов, по преимуществу придерживающихся аналитического направления с элементами структурализма, то можно ясно себе представить, в каком русле развивалась и критическая мысль нового литературного поколения.

Основная ее направленность отличается от течений в критике начала века и более позднего времени прежде всего осознанным стремлением избежать импрессионистичности, опирающейся исключительно на индивидуальные представления и вкусы, утилитарности, социологичности в плохом смысле слова и упрощения. В то же самое время остаются активными в этот период и критики старшего поколения (Крлежа, Вучетич, Франичевич, Шегедин и др.), продолжающие традиции передовой социальной критики, но обогащенной новыми знаниями и стремлением всесторонне изучать художественное произведение.

Что касается прозы писателей, занимающих авангардистские позиции (это то же самое поколение, что и в критике и в лирике и, как правило, те же имена), нужно подчеркнуть, что эта проза — в основном новеллистика, — чаще всего написанная от первого лица, автобиографическая, лишенная критического элемента, вносит в современную хорватскую литературу новое качество: тягу к своеобразной универсальности. Ее мотивы и проблемы лежат вне границ времени, она не отражает действительность в данной ситуации, а конденсирует жизнь в ее всеобщности. В этом сказывается желание автора, выработавшего свои общественные позиции, провести определенную идейно-философскую концепцию мира, выискивая в жизни такие мотивы, которые бы этим положениям отвечали. Поэтому у каждого из них мы можем найти новеллу, в которой выражено жизненное кредо (своего рода личный манифест, декларация самого себя). Эта новеллистика, правда, часто балансирует на грани конструктивизма, а этический момент, необычайно сильно акцентированный, имеет в данном случае характер не общественной морали, не общественной этики, а исключительно морали индивидуальной, индивидуальной этической ценности.

Можно сказать, что большая часть этих писателей строит свои рассказы и романы на впечатлениях собственного детства. Блуждая по бездорожью прошлого, они ищут ответ на некоторые существенные вопросы. Ответы эти различны: мир воспринимается как фатальность и абсурдность, как собственное отчуждение от общества и от людей, даже от самого себя, или как дисгармония жизни, иллюзии и действительности, когда человек сталкивается с окружающей его средой. Подчас создается впечатление, что часть этой прозы — образ потерявшей, пропавшей человеческой личности, в известном смысле деформированной человеческой совести, для которой единственным спасением является уход в детство или возможность там, в детских годах, почерпнуть силы для дальнейшей жизни и в них найти подкрепление своим философским позициям.

В прозе уже полностью выявили себя несколько писателей. Слободан Новак выразил определенную склонность к созерцательности и интел-

лектуализму, его основной интерес — погубленное войной детство и этические проблемы современного человека.

Антун Шолян — один из самых оригинальных хорватских прозаиков своего поколения. Его темы часто причудливы, но с их помощью писатель интеллектуалистически выражает свое отношение к людям и событиям, не скрывая собственных сомнений в оправданности или неоправданности поведения своих героев.

Проза Ивана Сламнига также часто граничит с вычурностью, главная проблема писателя — дисгармония жизни, которую он стремится преодолеть иронией по отношению к происходящему в обществе. Язык его прозы — разговорный, подчас не укладывающийся в нормы литературного языка.

Как уже говорилось, наряду с писателями, вошедшими в литературу в 50-е годы, наиболее зрелые произведения создают и писатели старшего поколения. Петар Шегедин, например, после двух романов, о которых уже шла речь, публикует несколько книг рассказов и путевых заметок. В его прозе почти исчезает фабульность. Писатель концентрирует внимание на описании состояния, интеллектуальных размышлений в поисках смысла человеческого существования. Рассматривая человека в его интимных дилеммах, Шегедин исследует его отношения с всеобщей жизнью и природой, видит в этих отношениях суть бытия, загадку жизни и смысл экзистенции. Ассоциации и лирические пейзажи сопровождают размышления автора, в которых преобладает ясная гуманистическая нота.

Владан Десница также создает несколько сборников рассказов, акцентируя внимание на психологическом моменте. В размышлениях писателя, считающего случайность основным двигателем жизни, сказался его подход к решению проблем современности, каково, хотя бы в отношении темы деревни, в нашей литературе еще не было. Последний роман Десницы «Вёсны Ивана Галеба» (1957) можно назвать романом идей, в котором нет основной нити повествования, все сводится к эссеистским размышлениям, смысловым обобщениям, систематизирующим жизненный опыт. Философская проблема экзистенции и для Десницы является основной жизненной проблемой, которую он решает в своих произведениях. Ассоциативность, символика и психологическая тонкость — основные качества прозы Десницы.

Наконец, и Ранко Маринкович в своих новых произведениях все более углубляет психологический метод повествования. Это находит выражение в последнем его романе «Циклоп», в котором он рассматривает психологию хорватского буржуазного интеллигента накануне войны. В прописанной иронией прозе выявляется отношение писателя к миру, позиция, с которой он подходит к освещению своих персонажей. Эта едкая, аналитическая, реалистическая в широком смысле слова проза, хотя подчас и не лишенная описательности, прежде всего интеллектуальна. Позднее она переходит в прозу символично-реалистическую, в которой фабула заменяется ассоциативным и символично-гротескным рассмотрением с аналитико-психологическими чертами.

Современная хорватская лирика и нова и в то же время связана с традицией, в первую очередь по линии Матош — Тин Уевич — Цесарич — Тадиянович. Одной из основных, первых тем нашей современной поэзии является поэтически пережитое детство или молодость, представляющие в разных вариациях, от элегичных и задумчивых до выражения тяжелого настроения, возникшего под впечатлением перенесенного во время войны. Особая группа поэтов тяготеет к интроспективному расчленению своей собственной личности и микроскопическому расщеплению собственной психологии. Эту — интеллектуалистическую, философскую, рациональную —

лирику называют, не всегда с полным правом, «лирикой малодушных», имея в виду ее циничную, рассудочно-пессимистическую позицию.

Среди целого ряда поэтов среднего поколения, которые сейчас определяют лицо современной хорватской поэзии (Йосип Пупачич, Никола Милчевич, Златко Томичич, Владо Готовац и др.), по художественному уровню своего творчества выделяются два поэта: Миливой Славичек, начавший с импрессионистического пейзажа своего родного края и уже после первого своего сборника создавший насыщенные интеллектуальным анализом стихи, в которых звучит мотив интегральной борьбы человека за экзистенцию в беспокойном современном мире; Славко Михалич, поэт оригинального метафорического стиля, чья поэзия откровенно интеллектуалистична, глубоко рефлексивна, всегда определена, безотносительно к тому, говорит ли он о своих собственных эротических ощущениях или о своих сновидениях, связанных с жизнью современного человека вообще.

Во всяком случае наибольшая новизна современной поэзии заключается прежде всего в ее словаре и способе выражения. В ней все больше ощущается разговорный язык. Слово зачастую теряет свое первоначальное значение, символы и образы теряют свои привычные ассоциативные связи и становятся полностью индивидуализированными. В каждом контексте определенное слово получает совершенно иное значение, совокупность этих слов, их взаимоотношения приобретают силу внушения, предоставляя читателю право самому творить из этого новые ценности, максимально активизироваться и самому пережить стихотворение.

Метафоричность, вначале непремный рефлекс поэтического языка — особенно у Весны Парун, — в новой поэзии почти исчезает под натиском новых языковых структур абстрактного и визуального характера, возникающих как результат индивидуального поэтического видения.

Правда, глядя с позиций сегодняшнего дня на эту поэзию, которая очень часто всего лишь более или менее удачный эксперимент, трудно сказать о ее судьбе что-либо определенное.

Наименьший успех в послевоенной хорватской литературе достигнут в области драмы. За исключением некоторых драм Ранко Маринковича, Мирко Божича, Марьяна Матковича и нескольких молодых писателей, драма все еще остается на уровне напей межвоенной драматургии. Говорить о новых, современных аспектах в этой литературной области пока нельзя.

Итак, для современной хорватской литературы характерны интеллектуализм, размышления, критическое отношение к жизни и людям. В первую очередь ставятся этические проблемы типа добро — зло, что приводит к тематическому сужению литературы до вопроса экзистенции человека с его погубленным детством и ощущением, что автоматизация побеждает гуманизм человеческих отношений и деформирует эти отношения.

С формальной стороны и в поэзии и в прозе это приводит к конструктивизму и подчеркнутой символике. Начав с ассоциаций и выражения чистых эмоций как отправных моментов творчества, литература приходит к все большему преобладанию интеллектуально-конструктивистских элементов и нарочито сгущенных образов. Причем этический момент, выступающий как определенный тезис, нередко уводит писателей в философско-эссеистское рассмотрение и рационализм. В поэзии это чаще уже не стихи, а разговор, скорее сообщение и отношение, чем чувство.

Если литературу между тридцатыми и пятидесятыми годами связывает определенный аспект рассмотрения проблем, а также метод, стиль в широком смысле, по которому этот период можно было бы назвать единым именем — синтетический реализм, то для творчества современных писателей наиболее подходил бы термин — символический реализм. Для этого пери-

ода характерно влияние современной европейской и американской литературы, а также Мирослава Крлежи, Антуна Бранко Шимича и Тина Уевича.

Но можно уже заметить, что некоторые представители нового поколения, входящие в литературу сейчас, стремятся вернуться к широкому тематическому охвату, отбросить нарочитую метафорику и символику. Наряду с поэзией идей и философских разговоров с самими собой, появляются и мотивы из повседневной городской жизни. Подобная же ситуация возникает и в прозе самых молодых, среди которых стоит отметить Звонимира Майдака, автора большого числа рассказов и нескольких романов. Одна из любимых его тем — жизнь современного молодого человека в городской среде. Рассказывая о своем поколении и его интересах, Майдак развивает, расширяет тему нашей современной жизни.

Сейчас мы еще не можем говорить применительно к хорватской литературе о преодоленном старом и характерном новом, так как произведения Десницы, Божича, Шегедина, Сламнига, Новака или Шоляна, как и Майдака, еще не раскрывают специфические черты нашей литературы в целом, они лишь представляют отдельные ее тенденции. Новое же, наиболее характерное, заключается в стремлении создать на фоне современного города образ человека нашего нервного, разобщенного времени, решая при этом этические проблемы и утверждая некий взгляд на человеческую личность. Новое также ощущается и в нарушении классических форм поэзии и прозы, в смещении литературных норм, в исчезновении фактуальности. Новое, наконец, — и в поисках иных выразительных средств, в совершенствовании нормативного, традиционного литературного языка и нахождении новых стилистических возможностей.

Е. М. ВЕРЕШАГИН

О ПРОВНЫХ СТАТЬЯХ ОДНОТОМНОГО СЛОВАРЯ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Однотомный Словарь старославянского языка, составляемый в настоящее время советскими и чехословацкими учеными, обещает стать значительным событием в славистике. Поэтому публикация пробных статей¹ с целью широкого обсуждения предварительных результатов большой лексикографической работы представляется и необходимой и своевременной. Необходима она потому, что судить о готовящемся Словаре удобнее не на основании проспекта², а на конкретном материале. Своевременна она по той причине, что до завершения рукописи еще есть срок принять во внимание возможные замечания.

Нет никакого сомнения, что опубликованные пробные статьи вполне могут служить основой статей Словаря. Так как по части оценивается целое, следует ожидать, что подготавливаемый Словарь внесет немалый вклад в изучение старославянского языка. Настоящие заметки не являясь рецензией, поэтому нет необходимости придерживаться композиционных правил, свойственных этому жанру, и на заслуживающих одобрения характеристиках пробной публикации мы не останавливаемся. Ниже излагаются соображения критического плана, не влияющие на общую высокую оценку рассматриваемых материалов; некоторые из этих соображений дискуссионны.

Первое и самое существенное замечание касается отбора подлежащих отражению в Словаре старославянских памятников.

В этом вопросе замысел составителей претерпел некоторую эволюцию. Действительно, в проспекте Словаря указывается, что исследованию подлежат только собственно старославянские памятники (а не изводы), причем термин «старославянский» отождествлялся с термином «древнеболгарский» («староболгарский»). Отобрано было 14 памятников, отвечающих выдвинутому критерию (включая требование правильного употребления сочетаний шт, жд). В сообщении о Словаре, опубликованном в 1965 г.³, к болгаро-македонским памятникам был прибавлен чехо-моравский — Киевские листки. Язык данного памятника может рассматриваться или как «литературный» диалект в рамках старославянского языка⁴ или — с большим основанием, поскольку язык памятника все-таки древнеболгарский, — как чехо-моравский извод старославянского языка. 14 памятников с болгаро-македонскими чертами и один с чехо-моравскими и составляют тот

¹ См.: Р. М. Цейтлин. Из опыта работы над словарем старославянского языка. — В сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

² Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962.

³ Р. М. Цейтлин. О работе над однотомным Словарем старославянского языка. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, М., 1964.

⁴ Н. G. Lunt. Old Church Slavonic Grammar. 'S Gravenhage, 1955, p. 5.

материал, который отражен в пробных статьях. В число источников предполагается включить и Енинский апостол. Как только в канон памятников ввели Киевские листки, Словарь стал отражать лексику не только собственно старославянских (т. е. древнеболгарских) памятников, но и памятников региональных изводов этого языка.

После описанной эволюции говорить о едином принципе отбора памятников в старославянский канон оказалось невозможным, и о нем действительно умалчивается. Говорится только о том, что в Словаре отражаются «древнейшие» тексты, но понятие «древности» источника, во-первых, относительно, и, во-вторых, не является лингвистическим, а нелингвистические критерии объединения языкового материала в известную совокупность не могут привести к успеху (из-за разрушения гомогенности науки)⁵. Принцип отбора источников противоречив, и на данном обстоятельстве ввиду его исключительной важности требуется задержать внимание.

Спрашивается, почему пришлось отказаться от первоначального, в целом строгого критерия?

В составлении Словаря, как известно, принимают участие чешские ученые. В этой связи понятно желание составителей отразить в нем памятник, испытавший чехо-моравское влияние. Видимо, поэтому пришлось отказаться от принципа отбора только болгаро-македонских памятников. Таким образом, отказ от единого критерия, по всей видимости, обусловлен соображениями чисто практического и, так сказать, регионального характера⁶.

Зададимся теперь вопросом, не выпадает ли из поля зрения составителей рассматриваемого словаря источник, который мог бы войти в общий список по тем же соображениям, что и Киевские листки. Речь идет здесь, разумеется, об Остромировом евангелии.

Если встать на точку зрения, что Остромирово евангелие — памятник не древнерусского, а старославянского языка (пусть и в форме извода), то оно вполне отвечает критерию древности (середина XI в.) и должно войти в Словарь, учитывающий и древние региональные изводы. Как известно, по вопросу о принадлежности данного памятника канону велась и ведется оживленная дискуссия. Для нас не столь существенно, считать Остромирово евангелие памятником классического старославянского языка или изводом этого языка. Важно только отклонить точку зрения, что Остромирово евангелие является памятником древнерусского языка, так как в последнем случае в старославянском словаре ему действительно не место.

Русская славистическая школа в лице своих наиболее авторитетных представителей отстаивала взгляд, что русский элемент в Остромировом евангелии может быть легко отделен от старославянского языка памятника⁷. Поэтому сопоставление данного памятника с Киевскими листками, в которых чехо-моравизмы легко отделяются от старославянской основы, напрашивается само собой. Некоторые слависты рассматривали Остро-

⁵ Характерно, что древность Киевских листов устанавливается по преимуществу палеографическим анализом. Характерно также, что Фрейзингенские отрывки по критерию древности должны были бы войти в канон, но они в него не вводятся по лингвистическим соображениям.

⁶ Чешские слависты в своей лексикографической практике вообще уделяют местному материалу много внимания. В академическом словаре старославянского языка, например, они отражают лексику чешских церковнославянских памятников, хотя общим критерием отбора источников является принадлежность их к кирилло-мефодиевской эпохе.

⁷ Отметим, например, что А. А. Шахматов и В. Н. Щепкин к русскому переводу «Грамматики старославянского языка» А. Лескина сочли необходимым прибавить описание языка Остромирова евангелия. Специальное исследование русских рукописей как источников старославянского языка было предпринято Н. Н. Дурново, взгляды которого разделял Н. Трубецкой.

мирово евангелие как памятник древнерусского языка, приводя, как правило, чисто фонологическую аргументацию. Морфология привлекалась в малой степени. Однако большинство авторов считает Остромирово евангелие старославянским памятником, но русского извода.

На наш взгляд, вторая точка зрения более последовательна. Покажем это с помощью некоторых аналогий. Можно ли считать, что евангельский текст с произношением современного грека написан не древнегреческим языком, если даже грек и читает его по-новогречески? Можно ли считать, что текст Корана, как он звучит в речи современных турков, не есть текст классического арабского языка? Правильно ли сказать, что в двух раввинистических традициях чтений библейского текста представлены разные языки? Ответ, как думается, однозначен. Судить о принадлежности текста определенному языку на основании одного-единственного уровня — теоретически неверно. Известно, что мертвый литургический язык, как правило, имеет ряд традиций чтения⁸. Эти традиции меняются, но нельзя сказать, что меняется и сам язык. Действительно, эразмово и рейхлиново чтения новозаветного текста — это чтения текстов одного и того же языка.

На Руси в XI в. также существовала своя традиция чтения старославянских текстов, и ввиду нестабильности орфографии рассматриваемого периода она обнаруживает себя в Остромировом евангелии и вообще в старославянских памятниках русского извода в большей мере, чем, например, в древнегреческих текстах, переписанных в эпоху Византии и в новейшее время, так как греческая орфография препятствовала отражению на письме действительного произношения.

Таким образом, аргументация ученых, считающих Остромирово евангелие памятником древнерусского языка, построена исключительно на фонологических критериях (морфологические «русские черты» памятника могут быть объяснены через фонологию) и поэтому не может считаться убедительной.

Исключение Остромирова евангелия из канона было бы понятно, если бы речь шла об описании фонологической системы старославянского языка, так как данные этого памятника действительно не укладываются в фонологическую систему, устанавливаемую анализом болгаро-македонских памятников. Между прочим, сказанное относится и к Киевским листкам. Однако в работах по лексике игнорирование Остромирова евангелия ничем не оправдано. Как известно, вопреки мнению Л. Садник и Р. Айтцемюллера, лексика Остромирова евангелия особенно интересна⁹.

Суммируя сказанное, Остромирово евангелие следует считать памятником не древнерусского, а старославянского языка (в региональном изводе).

Практические соображения, особенно тот факт, что в составлении Словаря принимают участие советские ученые, должны были бы также сыграть здесь свою роль. Остромирово евангелие у нас интенсивно изучается, поэтому включение материалов этого памятника в Словарь, предназначенный для распространения в нашей стране, было бы весьма кстати. Кроме того, этот Словарь, как сказано в проспекте, «крайне необходим студентам гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов нашей страны, в которых старославянский язык является обязательной дисциплиной»¹⁰. В программах и в большинстве вузовских учебников

⁸ Sh. M o r a g. A Special Type of Evolution. — «Actes du VIII Congrès international de linguistes». Oslo, 1958.

⁹ Ср., например, анализ В. Вондраком лексемы *оударяющоумоу* в его «Altkirchenslavische Grammatik», Berlin, 1912, S. 47.

¹⁰ Р. М. Ц е й т л и н. О работе над однотомным Словарем старославянского языка, стр. 95.

Остромирово евангелие включено в канон, и отрывки из него приводятся в хрестоматиях¹¹, так что отсутствие материалов этого памятника в Словаре идет в какой-то мере вразрез с традицией преподавания старославянского языка в отечественной высшей школе.

Подводя итог сказанному, нельзя не пожелать, чтобы Остромирово евангелие было учтено при подготовке рукописи Словаря к печати. Сделать это, видимо, еще не поздно. Действительно, если Енинский апостол, изданный совсем недавно и не описанный в полной мере лексикографически, все же найдет в Словаре отражение, то в отношении лексики Остромирова евангелия составители оказываются в более выгодном положении, так как об этом памятнике существует богатая литература, в том числе и лексикографическая. Кроме того, лексика Остромирова евангелия охвачена пражской картоекой.

Перейдем теперь к рассмотрению пробных статей Словаря. Излагаемое ниже относится преимущественно к технике подачи старославянским лексемам греческих соответствий, поскольку, на наш взгляд, в этом аспекте опубликованный материал особенно уязвим. Ряд соображений касается техники расположения собственно славянского текста.

Всего мы рассматриваем 50 словарных статей (от литеры Р до лексемы *разбоиникъ*), т. е. примерно десятую часть публикации, причем отсылочный аппарат в качестве словарной статьи опускается. Предлагаемые ниже замечания между собой не связаны, так что порядок их не имеет значения.

1. В вводной статье автор публикации пишет, что перед толкованием значения старославянского слова приводятся «наиболее характерные» греческие соответствия (стр. 288). Во-первых, желательно было бы приводить все греческие соответствия, так как в этом случае можно будет иметь более полное суждение о семантике славянского слова и о переводческой технике славянских первоучителей и их последователей. Критерий «характерности», как и критерий «древности», не является однозначным. Впрочем, практически приводятся именно все соответствия (кроме статей под лексемами *рабъ* и *радъ*, где опущены соответствия *παῖς* и *ἐνεμα* из евангельских чтений Лк XV 20¹² и Лк VI 22), так что замечание сводится только к необходимости уточнения текста вводной статьи. Во-вторых, иногда греческое соответствие вопреки обещанию не дается. Например, нет соответствий лексемам *работа*, *радостно*, хотя греческие эквиваленты этих слов имеются (например, в Псалтыри).

2. Кажется досадным упущением то обстоятельство, что эквиваленты даются только той же части речи, которой принадлежат и славянские слова. Например, в статье *радъ* нет глагольного соответствия, хотя в чтении от Лк XXIII 8 и от Ио VIII 56 (приведем первое: *ὁ δὲ Ἠρώδης ἰδὼν τὸν Ἰησοῦν ἐχάρη λίαν*) в ряде памятников греческая глагольная конструкция переводится именной. Подобные упущения досадны потому, что они создают ложное впечатление о технике первых славянских переводчиков.

¹¹ См. С. Д. Никифоров. Старославянский язык. М., 1955, стр. 19; Л. В. Матвеев-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Л., 1958, стр. 22; В. П. Беседина-Незорова. Старославянский язык. Харьков, 1962, стр. 29; А. И. Горшков. Старославянский язык. М., 1963, стр. 64; М. Ф. Станівецький. Старослов'янська мова. Львів, 1964, стр. 84; Б. П. Скупский. Лекции по старославянскому языку, ч. I. Махачкала, 1965, стр. 43. В некоторых пособиях Остромирово евангелие в канон не включается, но отрывки из него помещены в хрестоматиях. См.: А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 2. М., 1952; Н. М. Елчина. Старославянский язык. М., 1960; С. М. Бурдип. А. А. Вадий и Е. Ш. Мирочкин. Старославянский язык. Ташкент. 1966.

¹² Кстати, данное евангельское чтение в словарной статье вообще не приводится, хотя оно есть, например, в Саввиной книге (стр. 68 б).

3. В многозначных словах греческие соответствия, как правило, указываются при толкованиях каждого значения, что вызывает самое горячее одобрение. Однако отступления от принципа подачи соответствий перед толкованиями отдельных значений не всегда оправданы. Например, греческие лексемы *θεράπων*, *ζυθροπος*, *υἱός*, приведенные перед толкованиями отдельных значений лексемы раб, не имеют значения 'покорный, преданный, подвластный (богу)', т. е. нельзя создавать впечатление, что они соответствуют и этому толкованию. Подобное замечание относится к лексемам работати и раждещи.

4. В написаниях греческих соответствий довольно много опечаток: под раб в *υἱός* вместо *υ* стоит *ν*; в лексеме *ραάβ* неправильно поставлено ударение, а в лексеме *ράββι* — придыхание; в лексеме *ισόφυρος* вместо *φ* поставлено *φ*; в лексеме *ὀμότιμος* неверно поставлено придыхание; в имени *Ραγαβ* вместо обличенного ударения помещен знак придыхания; в предлоге *ὑπέρ* не отмечено ударение; вместо *φροντίζειν* стоит *φροντίζειν*; в *ἐπιφραίνεσθαι* неправильно помечено ударение.

5. Что касается техники отсылок к орфографическим вариантам ведущей лексемы, то, думается, ценность Словаря повысилась бы, если бы эти отсылки содержали дополнительную информацию. Например, в статье равви имеется отсылка к пяти орфографическим вариантам (т. е. всего имеется шесть написаний), и все они отражают различную степень адаптации заимствованного слова. Если бы в отсылках содержались сведения о том, в каком памятнике и как часто употребляются различные варианты, то на основании подобных лексем можно было бы выявить источники, в которых заимствуемые греческие лексемы преимущественно адаптируются, и источники, в которых они сохраняют иноязычную форму. Таким образом, дополнительные данные о положении варианта в памятнике могли бы стать основой исследований, опирающихся на материалы Словаря. Аналогичные соображения побуждают рекомендовать ввести справочный материал в отсылки и для исконных лексем.

6. В вводной статье говорится, что в Словаре приводятся не только орфографические варианты, но и явные опiski. Это заслуживает одобрения, ибо Словарь окажется полезным и в исследовании типологии ошибок допущенных переписчиками. Такой материал, однако, содержится не всегда. Например, к ради не дана описка раради (Саввина книга, стр. 37 б).

7. Подача материала статей нуждается в некоторой унификации. Ср., например, подачу первой греческой лексемы, которая в списке соответствий приводится в одних случаях с прописной, а в других — со строчной буквы. То же самое можно сказать и о первой лексеме славянских примеров.

Таковы наши замечания. Нам кажется, их следовало бы учесть при составлении окончательного текста Словаря, иначе недоуменные вопросы не будут сняты.

Имеется также ряд пожеланий. Так, по-видимому, лучше соединить материалы орфографических и отсылочных отделов статьи, потому что они во многом повторяют друг друга (см. статью равви); греческие глаголы принято давать не в форме инфинитива, а в форме 1 л. ед. ч. наст. вр.; при греческих существительных полезно указывать их род, поскольку это имеет отношение к переводческой технике, и т. д.

В целом, нельзя не подчеркнуть, что словарные статьи составлены на высоком лексикографическом уровне, продуманно, тщательно и с большой любовью. Наши замечания, если не говорить об Остромировом евангелии, как легко заметить, носят частный характер и не снижают общей высокой оценки опубликованных материалов.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Т. Н. КОПРЕЕВА

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ «ЖИТИЯ» СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО

«Житие и страдание грешного Софрония» представляет собой автобиографию крупнейшего деятеля начала болгарского Возрождения — Софрония Врачанского. Впервые было опубликовано в конце 1861 г. в № 55—61 газеты «Дунавски лебед», издававшейся в Белграде идеологом и организатором болгарского национально-освободительного и революционного движения, писателем и просветителем Г. С. Раковским.

Где и при каких обстоятельствах удалось Раковскому получить автобиографию Софрония? В русской научной печати появилось сообщение, проливавшее свет на эти обстоятельства. Так, в «Записках Новороссийского университета», вышедших в Одессе в 1870 г., В. И. Григорович писал: «... мне посчастливилось сделать копию автобиографии Софрония Врачанского, важной для истории просвещения Болгарии. Считаю нужным пояснить несколько ее мест, я сообщил ее известному болгарскому ученому г-ну Раковскому...»¹.

По-видимому, Раковский получил текст «Жития» от Григоровича во время кратковременного пребывания в Одессе в июле 1861 г. В письме к Иосифу Дайнекову от 1 августа 1861 г. из Белграда он писал: «Поздравьте всех наших патриотов и скажите им, что и на этот раз, во время своего путешествия, я открыл некоторые важные памятники нашей новой истории — это житие и страдание отца Софрония, написанное им самим»².

С издания 1861 г. «Житие» Софрония перепечатывалось несколько раз: в 1872 г. в журнале «Периодическое списание» (Бранла, кн. V—VI, стр. 52—77; с комментариями и вступительной статьей В. Друмева, внесшего в текст отдельные орфографические исправления), в 1896 и 1906 гг. в работах А. Теодорова-Балана, посвященных творчеству Софрония Врачанского³. В 1877 г. «Житие» было опубликовано на русском языке в «Славянском сборнике», изданном в Петербурге; указание на то, кем был сделан перевод и с какого списка, отсутствовало.

Однако копия текста, переданная Григоровичем Раковскому, оказалась не единственной. В архиве В. И. Григоровича, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, имеется еще один список «Жития». Сведения о нем вошли в описание собрания, составленное А. Е. Викторовым и опубликованное в 1879 г.⁴

Список был сделан Григоровичем, по-видимому, для себя и долгое время не привлекал внимания ученых. Лишь в 1907 г. П. Лавров в рецензии на книгу А. Теодорова-Балана высказал предположение, что оригиналом для копии, полученной Раковским, послужил список, хранящийся в бумагах Григоровича⁵. П. Лавров сравнил список из

¹ В. И. Григорович. Собр. соч. Одесса, 1916, стр. 185.

² См. Архив на Г. С. Раковски. Писма и ръкописи, т. I. София, 1952, стр. 287.

³ А. Теодоров-Балан. Софрони Врачански, 1896; е го ж е. Софрони Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806—1906). София, 1906. Говоря о тексте «Жития», Теодоров-Балан отмечает, что издает его по копии, так как местонахождение оригинала неизвестно (стр. 43).

⁴ А. Е. Викторов. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879.

⁵ «Известия ОРЯС», 1907, т. XII, кн. 3, стр. 401.

архива Григоровича с брадальским переплывом «Жития» и нашел в последнем много неточностей и пропусков.

В следующем 1908 г. А. И. Соболевским было опубликовано в известной мере сенсационное сообщение об открытии им нового списка «Жития» в составе сборника № 1204 из собрания рукописных книг М. П. Погодина, хранившегося в рукописном отделении Публичной библиотеки в Петербурге⁶.

Соболевский подчеркнул, что найденный им список автобиографии Софрония является едва ли не автографом Софрония⁷. Догадка, высказанная Соболевским, подтвердилась полностью, так как оказалось, что не только «Житие», но и весь сборник в целом написан рукой Софрония. Впервые текст «Жития» по погодинскому списку был издан в 1914 г. проф. П. Орешковым⁸. В том же издании им были опубликованы отрывки и из других частей сборника.

Обстоятельное описание сборника № 1204, в составе которого было обнаружено «Житие», сделано в 1916 г. А. И. Яцимирским в статье «Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе»⁹. Сличив текст «Жития» Софрония из погодинского сборника с текстом, напечатанным в 1861 г. Г. С. Раковским, он пришел к выводу, что один текст отличается от другого не только орфографией, но и редакционно.

«По первому впечатлению, — пишет А. И. Яцимирский, — я затруднился бы признать оригиналом копии В. Григоровича настоящую рукопись; однако далее он заключает: «категорически я не настаиваю на том, что В. Григорович пользовался другим списком»¹⁰.

Вопрос об идентичности текста «Жития» из погодинского сборника и копии В. Григоровича в недавнее время был подробно рассмотрен в статье Б. С. Ангелова, посвященной биографии Софрония Врачанского¹¹. Ангелов приходит к выводу, что, несмотря на имеющиеся разночтения, копия Григоровича восходит к погодинскому списку¹².

Итак, имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении два списка «Жития» Софрония Врачанского¹³ представляют собой, несмотря на языковые и стилистические разночтения, одну и ту же редакцию, а наиболее авторитетным является автограф самого Софрония.

Подробно описан сборник, в состав которого входит «Житие», в монографии В. С. Киселкова, посвященной биографии и творчеству Софрония¹⁴. Киселков пытается пересмотреть вопрос о времени написания Софронием «Жития».

Исходя из данных, сообщаемых Софронием в автобиографии, исследователи до сих пор единодушно датировали «Житие» 1803—1805 гг., т. е. временем переезда Софрония в Бухарест, на котором обрывается «Житие», и окончании работы над сборником. На первом листе сборника имеется запись Софрония, заканчивающаяся словами: «В то совершение доспе в лето 1805 мана 24»¹⁵, которую относили ко всему сборнику, в том числе и к «Житию».

⁶ «Неизвестные труды Софрония Врачанского». — «Известия ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 1, стр. 91—94.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ П. Орешков. Автобиография на Софронии Врачански. София, 1914.

⁹ «Известия ОРЯС», 1916, т. XXI, кн. 7, стр. 109—127.

¹⁰ Там же, стр. 116.

¹¹ Софронии Врачански. Материали за живота и творчество. — «Известия на Иститута за българска литература», 1958, кн. VII, стр. 309—325.

¹² Однако в статье «Някои моменти из живота и делото на Софронии Врачански» («Исторически преглед», 1964, кн. 1, стр. 92) Б. С. Ангелов высказывается более осторожно: «Как я уже сказал, его (Григоровича. — Т. К.) копия автобиографии Софрония сохранилась. Эта копия видного слависта сделана с неизвестной в настоящее время рукописи (вероятнее всего — с рукописи погодинского сборника...)».

¹³ Местонахождение третьей копии, которая была в распоряжении Раковского, остается неизвестным. По имеющимся данным, в 1884 г. она находилась в Пловдиве. См. Архив на Г. С. Раковски... т. II, стр. 12, примеч.

¹⁴ В. С. Киселков. Софронии Врачански. Живот и творчество. София, 1963, стр. 160—167.

¹⁵ Аналогичную запись находим в первом видянском сборнике 1802.

В. С. Киселков же полагает, что отдельные части сборника были написаны Софронием в разное время: книга о трех религиях была закончена к маю 1805 г.¹⁶, а «Житие» написано позднее, в 1811—1812 гг. В 1812 или 1813 г. обе рукописи, по мнению Киселкова, были переплетены Софронием вместе, составив конвюлют, которым мы теперь располагаем¹⁷.

В. С. Киселков не считает запись об окончании работы над книгой о трех религиях, сделанную Софронием на первом листе сборника, а именно в конце рукописи якобы из-за отсутствия места, доказательством того, что «Житие» не было написано Софронием позднее.

Отдельные аргументы в пользу своей гипотезы Киселков находит в тексте «Жития», где Софроний, говоря о Бухаресте, употребляет местоназвание «там». Следовательно, заключает Киселков, «Житие» было написано не в 1803—1806 гг. когда Софроний неслучайно находился в Бухаресте¹⁸, а после 1810 г., скорее всего в период между серединой 1811 и 1813 гг. когда он переселился в монастырь¹⁹. Здесь по просьбе болгар-эмигрантов он и начал писать «Житие» с целью оправдаться перед самим собой и перед обществом, но сраженный недугом довел свое сочинение только до 1803 г.²⁰

Мы остановившись на рассмотрении только внешних особенностей сборника № 1204, ссылаясь на которые Киселков обосновывает свою концепцию. До сих пор ни в одной из упомянутых работ мы не находим достаточно точного и полного внешнего его описания, позволяющего категорически решить вопрос о времени составления различных частей сборника.

Сборник написан на бумаге размером 32,0 × 22,5 см. Текст оформлен с четырех сторон полями. Размер текста 26,5 × 18,5 см. На странице в среднем помещено 38 строк; в рукописи — 6 книварных заставок, но рисунку аналогичных заставкам первого вильянского сборника (л. 1, 5, 6, 79, 152, 155). Рукопись переплетена в доски, обтянутые телячьей кожей. В настоящее время кожа потемнела и поцарапана. Размер переплета: 33,0 × 23,0 см; низ корешка оторван, верх надорван и слегка отстает. Переплет закрывается на две заставки (медные пряжки в форме треугольников, закрепленные на кожаных ремнях). На обеих крышках переплета и корешке видны следы тиснения золотом. На верхней крышке переплета по краям — плетенка из листьев, в середине — букет цветов, по углам — золоченые вазочки. На обороте переплета по краям — плетенка из листьев другой конфигурации, по углам — золоченые розы, в центре — рамка из листьев и букет цветов. На корешке — оттиснутые золотом розы (вниз головками) в рамке из листьев. Отдельные листы рукописи выпадают, на последних листах — коричневые пятна от сырости. На корешке имеется красная наклейка с оттиском: «Из Древнехранилища Погодиша».

На л. VI об. и VII имеются неразборчивые записи греческими и кирилловскими буквами, сделанные чернилами. На обороте верхней крышки переплета у верхнего края написано чернилами кирилловскими буквами рукой Софрония: «Применяются времена и мы пременяемся в них».

По содержанию сборник распадается на две части. Первая состоит из трех отдельных сочинений, предваряемых общим предисловием (л. 2—4 об.)²¹: 1) «Православное исповедание веры» — компиляция из сочинений русских и украинских богословов, в которую вставлены редкие памятники славянской церковной литературы (легенда

¹⁶ В. С. Киселков. Там же, стр. 160.

¹⁷ Там же, стр. 208—210. В. С. Киселков даже склонен допустить, что сборник состоит не из двух, а из трех написанных в разное время (1805—1810 гг.) частей (стр. 167).

¹⁸ Последнее вызывает сомнение, так как в 1805—1806 гг. начата была в Римшике подготовка к печатанию «Недельника», в связи с чем Софронию, вероятно, приходилось отлучаться из Бухареста.

¹⁹ В. С. Киселков. Там же, стр. 206—207, 209. Как предполагают, мога сть Маркуца.

²⁰ Там же, стр. 212—217.

²¹ См. В. С. Киселков. Там же, стр. 162—163: опубликовано петочье, где дует читать «молитствем», а не «молитствует» (л. 2)

о мощах Адама, рассказ о вампире²² и др.); 2) «Повесть о веры и о обычаях еврейския». Сочинение Павла медика (о. Неофита), перевод с греческого; 3) «Система и религия мохамеданския», перевод с некоторыми сокращениями книги Д. Кантемира «Система или состояние мухаммеданской религии», вышедшей в Петербурге в 1722 г. Из общего предисловия Софрония явствует, что он воспринимал включенные в сборник сочинения о трех религиях как нечто целое²³.

Вторую часть сборника составляет «Житие и страдания грешного Софрония» (заголовок написан строчными буквами киварью). Предисловие Софрония к этой части отсутствует.

Сборник не имеет ни титульного листа, ни общего заглавия; он открывается уже упоминавшейся нами записью об окончании работы Софрония над рукописью. В ней Софроний не оговаривает, окончена ли была им работа над обеими частями сборника или только над книгой, посвященной трем религиям. Указанное обстоятельство как будто дает основание для тех выводов, которые делает В. С. Киселков. Однако Киселков не обратил внимания на состав рукописи по тетрадам и водяные знаки.

Сборник № 1204 имеет на полях две разновременные фоліации. Позднейшая включает 362 листа текста, пронумерованных арабскими цифрами, и VII листов чистых пронумерованных римскими цифрами, из которых л. I—III — в начале рукописи (л. I подклеен в качестве форзаца к верхней крышке переплета) и л. IV—VII — в конце рукописи (л. VII подклеен к нижней крышке переплета). Нумерация листов кирилловскими буквами, сделанная самим Софронием, особая для каждой из книг, составляющих сборник: в нее не входят листы с предисловием Софрония.

«Житие» включено Софронием в последнюю книгу о магометанской религии (л. 169—176 кирилловского счета, л. 354—360 арабского счета) и только последние два листа (361—363) им не были пронумерованы.

Если, как предполагает Киселков, Софроний написал «Житие» через 7—8 лет после того как им была окончена книга о трех религиях, вряд ли эта книга и «Житие» были бы объединены общей нумерацией, тем более что листы каждого нового сочинения Софроний нумерует отдельно. Весьма вероятно, что общей нумерацией страниц Софроний хотел подчеркнуть органическую связь содержания «Жития» и книги о магометанской религии. Он делит рукопись на три части, причем «Житие» не является самостоятельным разделом, а входит в состав третьей части²⁴.

Рассмотрим теперь вопрос, была ли у Софрония по окончании работы над книгой о трех религиях возможность сделать об этом запись после текста? В. С. Киселков считает, что из-за отсутствия места Софроний вынужден был использовать чистый лист, которым открывалась рукопись.

На самом деле книга «Система и религия мохамеданския» — последняя из книг о трех религиях — кончается на л. 352 арабской (или л. 168 кирилловской) фоліации и оборот его чистый. Более того, л. 352 — всего лишь полулист, вторая половина которого в настоящее время составляет л. 367 арабской (или л. 173 кирилловской) фоліации, содержащей текст «Жития». Следовательно, если предположить, что «Житие» было написано через несколько лет после книги о трех религиях, то к моменту окончания последней в распоряжении Софрония оставалось полтора листа (л. 352 об. и 357) совершенно чистых, на которых он свободно мог бы уместить запись о времени окончания своего труда²⁵.

Почему в таком случае и когда сделал Софроний запись на первом листе? Тогда ли, когда была окончена книга о трех религиях, или уже в конце всей работы, после того как было написано и «Житие»?

²² Опубликовано в статье А. И. Яцимирского.

²³ «И това ревностное ободрение подвигнало мене та исписахъ то сочинение, за тия три веры и обычая» (л. 4 об.).

²⁴ Однако в перечень глав к книге о магометанской религии (л. 153—154) «Житие» не включено.

²⁵ В. С. Киселков не делает четкого различия между двумя фоліациями, давая в некоторых случаях ссылки то на арабскую, то на кирилловскую (см., например, стр. 162—163).

Ответ на эти вопросы дает анализ водяных знаков. Для рукописи Софроний использовал две партии бумаги. Первая имеет водяной знак в виде трех полумесяцев и контрамарку РР (аналогичную бумагу встречаем в первом и втором видинских сборниках 1802 г.); на этой бумаге написана книга о трех религиях и часть «Жития» (л. 1—353) арабской нумерации). Вторая партии бумаги имеет водяной знак в виде короны с висящей под нею виноградной гроздью и контрамарку СРВ²⁶. На этой бумаге написана большая часть «Жития» (л. 354—362 арабского счета), а также сделана запись на л. 1. Эта же бумага была использована при переплете рукописи для форзаца и для обклейки задней крышки переплета, а также в качестве чистых листов до и после текста.

Следовательно, мы должны предположить, что запись о времени окончания работы над книгой о трех религиях Софроний сделал задним числом, когда в 1811—1812 гг., по мнению В. С. Киселкова, окончил «Житие» и переплел рукопись. Но это кажется маловероятным, так как непонятно, почему, в этом случае, указав время окончания работы над книгой о трех религиях, Софроний не оговорил дату, когда была им закончена работа над автобиографией. Значительно более вероятно, что запись на л. 1 была сделана Софронием по окончании работы над всем сборником (как это он делал и в других случаях²⁷), т. е. в 1805 г. В ходе работы над рукописью старый запас бумаги у Софрония окончился и он использовал другую бумагу для завершения «Жития», подклейки форзаца и приписки об окончании работы²⁸.

Косвенным подтверждением вывода о том, что весь сборник, а не только три книги о религиях были написаны Софронием к маю 1805 г., служит четкое единство всех приемов оформления рукописи, а также близость ее по почерку и оформлению как к рукописи первого видинского сборника²⁹, законченного в мае 1802 г., так и к рукописи «Недельника», законченного в 1806 г.³⁰

По-видимому, Софроний сделал запись перед текстом сборника и переплел его тогда, когда мысль о его доработке и опубликовании была им оставлена, и он спешно готовил к изданию «Недельник». Возможно, что именно в момент окончания работы над рукописью, уже после того как она была переплетена, он и написал перевод известного латинского изречения на форзаце.

Итак, анализ состава рукописи по тетрадам и водяных знаков подтверждает общепринятую точку зрения, что «Житие» было написано Софронием в том его виде, в каком оно вошло в сборник № 1204, не позднее 1805 г. В этом случае понятно, почему он не включил в повествование сведения о последующих событиях своей жизни и прежде всего о главном из них: издании первой болгарской печатной книги на новоболгарском языке в следующем, 1806 г.

²⁶ Небезынтересно отметить, что аналогичный водяной знак, наряду с другими знаками, встречаем и в рукописи «Недельника», написанной между 1802 и 1806 гг.

²⁷ Ср. запись в первом видинском сборнике.

²⁸ Между тем рукопись книги «Гражданское позорище», оконченная в 1809 г., написана на бумаге, имеющей другой водяной знак (герб под короной).

²⁹ На протяжении всей рукописи не заметно никакого отличия в почерке, что вряд ли могло иметь место, если бы разрыв в написании первой и второй частей составлял 7 лет.

³⁰ Помещенный здесь автопортрет Софрония аналогичен автопортрету в сб. № 1204 (л. 5 об).

А. И. КУЗЬМИН

ПЕРЕПИСКА С. ГУРБАН-ВАЯНСКОГО С Е. В. ПЕТУХОВЫМ

Напомним читателю основные вехи научной биографии чл.-кор. АН СССР Е. В. Петухова, о переписке которого с выдающимся деятелем словацкого национального движения С. О. Гурбан-Ваянским пойдет речь в нашем сообщении.

Евгений Васильевич Петухов (1869—1948) учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где слушал лекции Ягича и других выдающихся славистов. В 1885 г. по предложению акад. М. И. Сухомлинова был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской словесности». За диссертацию «Серапион Владимирский», напечатанную в «Записках историко-филологического факультета Петербургского университета», в 1883 г. Е. В. Петухову была присуждена степень магистра русской словесности, а в 1895 г. за «Очерки по литературной истории Синодика» — степень доктора. В 1905—1918 гг. он состоял профессором и деканом историко-филологического факультета Юрьевского университета. В 1916 г. Е. В. Петухов был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. После краткого пребывания в Воронеже, куда в связи с войной был эвакуирован Юрьевский университет, Е. В. Петухов переехал в Симферополь, где прожил до конца своих дней. У Е. В. Петухова учились многие, ставшие позднее известными филологи (Пиксанов, Десницкий, Лебедев-Полянский и др.). Ему принадлежит свыше семидесяти печатных работ, посвященных истории древних и новых славянских культур и литератур. Е. В. Петухов принимал активное участие в научной и общественной жизни, переписывался со многими учеными. В его архиве, хранящемся в Институте русской литературы АН СССР, имеются письма Ягича¹, Р. Кошутича, В. Ламанского, П. Симони, С. Брайловского, Л. Майкова, М. Сухомлинова, В. Шенрока, А. Соболевского, А. Веселовского.

Интересны письма, посланные Е. В. Петухову выдающимся словацким писателем и деятелем словацкого национального возрождения Светозаром Ваянским (псевдоним Гурбана). Светозар Осипович Гурбан-Ваянский (1847—1916) — автор многих значительных произведений литературы, среди них: принесший ему известность сборник стихотворений «Татры и море» (1880), посвященный восстанию южных славян против турецкого владычества и русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; сборник «Изпод ярма» (1884); романы и повести — «Сухая ветвь» (1884), «Корень и побеги» (1895), «Котлин» (1901) и др. В своих книгах Ваянский гневно осудил предателей интересов родного народа, поддерживавших австро-венгерскую монархию.

¹ См. А. И. Кузьмин. Письма И. В. Ягича — Е. В. Петухову. Изв. АН СССР, сер. лит-ры и яз., 1966, т. XXV, № 5, стр. 434—435.

Он был утопистом, мечтал о возрождении патриархального уклада жизни и считал его необходимым условием экономического процветания Словакии.

Много сделал Гурбан-Ваянский для пробуждения национального сознания словаков как редактор «Национальной газеты» и «Словацкого обозрения». Свои надежды на освобождение родного народа писатель связывал с Россией. Он изучал русский язык и литературу, восхищался гением Пушкина, Гоголя, Тургенева, знакомил своих соотечественников с наиболее значительными достижениями русской культуры. Его письма к Е. В. Петухову вносят дополнительные штрихи в картину русско-словацких культурных связей конца XIX в.

Публикуем некоторые материалы из переписки С. О. Гурбан-Ваянского с Е. В. Петуховым, сохраняя стиль и орфографию подлинников.

Любезнейший Светозар Осипович,

С радостью посылаю Вам карточки Вашего покойного брата; ту же карточку с подписью, которую передала мне Ваша матушка, я не решился послать в этом письме, чтобы какнибудь не затерялась она на почте. Если разрешите, то пошлю ее тотчас же по получении Вашего ответа.

Относительно корреспонденций у Суворина² я писал, а потом и лично говорил В. И. Ламанскому³, который недели полторы тому назад приехал в Петербург. Он во всяком случае поговорит с Сувориным и выяснит ему дело в надлежащем свете, но надо помнить, что Суворин прежде всего купец и в газете ищет денежного барыша. Ему, я думаю, трудно будет понять разницу между корреспонденциями «Русского Странника»⁴ как и теми, которые могли бы доставлять Вы. Да, в самом деле печально положение у нас теперь в литературе и в обществе — восточного вопроса. Славянское благотворительное общество⁵ пристыдилось себя денежной помощью такому человеку, как М. Филиппов⁶. Нынешним же летом, потерпел фиаско со своей пеленой пропагандой в Чехии, он послал в редакцию — одной из Галицких газет печто в роде воззвания по галицко-польскому вопросу; галицкая же редакция эта — не будь глупа — взяла да и отослала подлинник этого воззвания прямо в Петербург, в Славянское Общество. Если Вы знаете, какие вздорные и оскорбительные для русского национального чувства понятия имеет вообще этот М. Филиппов по польскому вопросу, то можете себе представить, что почувствовали в Славянском Обществе при получении этой бумажки из Галиции. При таком положении дела Филиппов, разумеется, должен был оставить редакцию «Славянских известий»⁷.

Пожалуйста, Светозар Осипович не вздумайте мне послать за эти карточки какие-либо деньги; Вы бы меня этим тяжело обидели. Я бы очень рад был, если бы Вы мне дали более действительный случай отблагодарить Вас за Ваше трогательное радушие и за Ваш ласковый прием; дни, проведенные мною в Мартине, навсегда останутся для меня одним из лучших моих воспоминаний, и я не думаю, чтобы захехавши когда-либо к западным славянам, удержался от искушения посетить Св. Мартин я себя чувствовал там, как бы в родной, дорогой мне среде; видел расположение, которого не мог и имел времени заслужить. Передаю мой низкий поклон и горячий привет уважаемой Вашей матушке, Вашей супруге — всей вашей семье; также О. О. Шкультетому, А. А. Пьестору, Чайде, мудрому, Булле, доброй семье Шамков, г-же Дуловой, всем

² Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и издательский деятель; с 1876 г. стал владельцем газеты «Новое время», которая печатала материалы, связанные с жизнью славян.

³ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — видный славист, академик.

⁴ Вероятно, Е. В. Петухов имеет в виду еженедельное иллюстрированное издание «Русский паломник» (выходил с 1886 г.), описывающее церковные древности и путешествия по святым местам.

⁵ «Славянское благотворительное общество» учреждено в 1858 г. московскими славянофилами во главе с М. П. Погодиным; оказывало помощь славянам; издавало «Известия С.-Петербургского благотворительного общества» и др.

⁶ Филиппов Михаил Михайлович (1858—1903) — литератор, философ и общественный деятель, примыкал к «легальным марксистам». В 1889 г. стал фактическим редактором «Славянских известий», но вскоре разошелся с руководителями «Славянского благотворительного общества». Здесь в письме рассказывается о причинах этого разрыва.

⁷ «Славянские известия» — периодическое издание «Славянского благотворительного общества». Выходило в Петербурге в 1889—1891 гг., потом было преобразовано в «Славянское обозрение».

Влчкам, Пиулине Тоту, Римавскому и всем вообще участникам наших бесед и прогулок, не у Вас теперь А. Л. Петров? ⁸ Я ему писал раза два и не получил ответа, не уехал ли он из Праги? Нейреймеровым также мой поклон, если они гостят еще у Вас, но вероятно они уже продолжают свое путешествие по другим местам.

Буду ждать Вашего ответа относительно оставшейся у меня карточки. Мой адрес: Спб., Знаменская ул., д. 38, кв. 5. Евгению Вячеславовичу Петухову.

Дружно жму Вашу руку.

Ваш Е. Петухов ⁹.

Турчанский Св. Мартин 13 — II — 89

Дорогой Евгений Вячеславович!

Некто Mademoiselle Sackarof (Спбг. Пески; Rus 3 и 4 logemens 2) писала мне французское открытое письмо, где она меня известила о польском переводе моего романа в «Przegląd tygodniowy» ¹⁰. Я об ничем не знал и благодарен ее, что она меня об этом известила. Странно от господ издателей польских, ни слова не сказать автору, даже не прислать хоть-бы один экземпляр перевода. Вам легко узнать что такое? Я журнала не знаю. Г. Сахарова пишет далее, что она уже перевела некоторые мелкие произведения мои на русский язык, и готова перевести и «Suchá ratolest» ¹¹, только желает оригинала.

Я ее пишу, что было в Ваших руках, что я Вам отдал мой труд, и просил, чтобы она с Вами поговорила. Думаю, я с этим не сделал ошибки? Можно Вы можете пользоваться — впрочем, я ее не знаю! Пишите кто она? Кажется, что она с моим трудом познакомилась через Крупослава Геруца, мне лично незнакомого книгопродавца в Сп. (Невский Пр. 74). Я только Вам все отдаю.

И так: Преисова востриумфовала в Праге. Ей драма «Gazdinagoba» шла с большим успехом на сцене чешского народного

Я очень рад.

У нас ничего интересного!

Живем и баста! Я Вам писал заказное письмо дня 7 ноября (нашего) получили?

Пишите ради бога. Я Вам тоже буду писать.

Ваш

Светозар Гурбан-Ваянский

Thuracz-Szend-Marton Ungarn.

В следующем письме, датированном 22 II 1889 г., Гурбан-Ваянский продолжает информировать адресата о своих отношениях с польскими и русскими издателями и переводчиками. Публикуем наиболее интересные сообщения, содержащиеся в этом письме:

Я боюсь, с переводом романа не повезет, если Вы оставите Пальмиру Северную. Хотя я хорошо знаю что Нежин очень нам близок (там учил между прочим Будилович ¹², наш друг), то Вы в новых условиях жизни и духовных интересах скоро потеряете с виду бедных славаков — неговоря уже о бедном Светозаре!!

Итак прошу Вас, пока Вас еще держит петроградский гранит в холодном, но все таки центральном объятии, позаботиться поскорее о моем деле. Верьте — не одна кичливость меня манит и заставляет беспокоить Вас — это наш народный интерес. Незнакомого не любят, нелюбимого не покровительствуют. Я верно думаю, только литературными произведениями можно нас сделать известными и можно и любимыми.

Относительно польского перевода я писал на редакцию «Przegląd tygodniowy» и получил ответ, что они никогда ни строки моей не напечатали. Я этот ответ сейчас при-

⁸ Петров Алексей Леонидович (1859—1932) — филолог и историк-мадяровед, вместе с Е. В. Петуховым учился в Петербургском университете.

⁹ В биографии Е. В. Петухова сказано: «С начала 1889 г. П. был назначен по избранию факультета, приват-доцентом Петербургского университета, а в ноябре того же года — экстраординарным профессором по кафедре русской словесности в Историко-филологический институт в Нежине...» («Жизнь и труды профессора Е. В. Петухова», ИРЛИ АН СССР, фонд Е. В. Петухова). В письме Е. В. Петухов дает еще свой петербургский адрес, вероятно, оно было написано до ноября 1889 г.

¹⁰ «Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych» — Ежегодник общественно-литературный и изящных искусств (1866—1905, Варшава).

¹¹ Роман «Сухая ветвь» (1882 г.).

¹² Будилович Антон Семенович (1846—1908) — языковед, автор ряда работ по изучению старой славянской письменности, член-корреспондент АН.

слал г-же Сахаровой. Не знаю, получила-ли она мои два письма — прошу Вас, дайте мне точный адрес. Можно и Вы, в ПБ. узнаете, в каком именно журнале напечатан перевод; правду-ли сказала редакция. Было бы интересно.

И далее:

Что касается русского перевода, я со всем согласен, только прошу Вас поторопиться, а то дело завязнет на веки веков аминь!

Из моих мелких произведений самые лучшие новеллы из годов 1880—85. Они все в «Slov Prehled»¹³ а особняком не вышли. Их до 10 штук. Во многом лучше чем романы. Но об этом еще можно поговорить. Думаю об автобиографии заботиться пока преждевременно! Только хорошего издателя поискать, чтобы знал книгу бросит в публику! Потом отозваться о ней в журналах. После будет и биография, впрочем очень простая и мало интересная. Родился, писал и умрет когда и тогда! Чорт бери!

В конце письма представляют некоторый интерес реминисценции из Пушкина:

Впрочем: хотите-ли — я Вам напишу маленькие memoires, а вот что это надо писать так, что издать не можно, пока обстоятельства писателя не изменились коренно, или он «не заплатил дань земле» как убогой Ларин¹⁴. А иначе б выходит или холодный вздор, или иезуитизм, или рысовка. Не правда ли батюшка? А нам о наших убогих делах писать правду очень нелегко!

И еще:

О Ламанском ничего не писали: можно и Вы с ним на...¹⁵ А общество что? Видели Вы «Историю словацкой литературы» Волчка? изданную комитетом в Киеве? ¹⁶ Прошу Вас эту книгу читать, а можно-ли, написать о ней что нибудь в Новое. А Суворин глух для нас? Комарова даже не присылает «Известий». Что случилось? А я писал Аристову¹⁷, а он не отвечал. Но теперь довольно Вас мучил гадким почерком, плохим языком и прямо адскими ошибками орфографическими? Пушкин говорит, что ненавидит русской речи без грамматической ошибки? Хороши — только на устах хорошенькой русской северной розы, а не из глупого пера словацкого дилетанта! Итак довольно! Прощайте, а ради бога православного (он и мой) пишите мой профессор Нежинского Института князя Вазбородко!

Светозар Гурбан-Ваянский

Турчанский Святый Мартин 28 II 89

Дорогой Евгений Вячеславович!

Какая Вы прелесть? Разумеется, я очень рад сделаю все что хватит! Только, не знаю, не будет ли из этого грустное фиаско! Вы бы мне написали откровенно, можно-ли мне рисковать корреспонденцию! Вам, конечно не только из личного знакомства, но также из моих строк Вам писанных, очень ясно мое знание или лучше не знание русского языка. Я конечно, читал ужасно много русских газет, стиль газетчиков не труден, это боле шаблона чем стиль. Все таки очень боюсь! Ободрите меня!

Я бы хотел как пробную корреспонденцию написать маленькую автобиографию для редактора М. В.¹⁸ или для Майкова¹⁹. Что вы думаете? Прошу Вас пишите мне сейчас. Получили Вы мое последнее письмо? Г. Сахарова ничего не пишет.

Прощайте Вы друг паш! Целую

Вас Светозар.

Пишите: Я сейчас пришлю Вам корр. А куда? В Нежин???

¹³ Slov(anský)Prehled — чешский литературный ежегодник, основан в 1898 г. проф. Адольфом Черны.

¹⁴ Неточная цитата из «Евгения Онегина».

¹⁵ Вероятно: auf gutem Fuß stehen — быть в хороших отношениях.

¹⁶ «История словацкой литературы Ярослава Волчка» (Киев, 1889) издана на средства «Славянского благотворительного общества».

¹⁷ Вероятно, Аристов Владислав Иванович — член Славянского благотворительного общества.

¹⁸ Вероятно, «Московские ведомости».

¹⁹ Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — академик, историк литературы, был редактором «Журнала министерства народного просвещения» (1883—1890).

Turciansky Svaty Martin 27/9 89. Thurocz-Szent-Marton

Милостивый Государь!

Благодарю Вас Евгений Вячеславич за письмо Ваше и именем матушки за при-
сланные карточки! Она не знает как Вам отдать благодарность за Ваши услуги? Хотите-
ли Вы — она Вам дарит эту карточку, которая у Вас осталась? Хотите-ли? Впрочем
я надеюсь, что будет еще случай Вам показать, как мы все любим русских а именно Вас,
с которым нам пришлось так хорошо познакомиться!

Я всем отдал Ваш поклон. Мне теперь страшно грустно живется — у меня забот
много и беда большая. Работай, червяк, работай — но как детей прокормишь? Но что
с этим! Пишите! Прощу Вас не забудьте

Вашего Св. Гурбан-Ваянского

Читали Вы некоторые мои рассказы? Не было-бы можно устроить русский перевод?

T. S. M. 1/10 1889 Thurocz-Szent-Marton Ungark

Милостивый Государь!

Мне кажется, что Вы здесь в Мартине покупали у Мошкоци мой роман из словац-
кой жизни «Suchá ratolesť» Прощу Вас прочесть, и сказать мне — не было-ли бы можно
его перевести на русский язык? Мое имя немножко знакомо между учениками Ламан-
ского — можно-то бы принесло какую-нибудь пользу нам словакам. Скажите об этом
Влад. Ивановичу. Нам надо делать. Что Вы думаете? Госп. Крижановский имеет то-
же некоторые мое сочинения.

Сделайте одолжение — дайте ответ.

У Вас все в старом порядке.

Сидим на берегу и ждем погоды.

Ваш Светозар О. Гурбан-Ваянский

В последнем — недатированном — письме Гурбан-Ваянский благо-
дарит Петухова за доброжелательный отзыв о романе «Suchá ratolesť»:

Ваше письмо было для меня очень великой отрадой в моей жизни, грустной и тя-
желой. Вы можно преувеличиваете снисходительно значение моего романа. Я знаю что
есть в нем душа — но до сих пор мало был знаком и никто его критически еще не разби-
рал.

Переведен не был. Я Вас прошу сделайте, что нужно для русского перевода. Вы бы
не только лично мне — но словацкому делу сделали услугу выходящую из рамки обык-
новенных дружеских услуг.

В письме содержится также другие сообщения и просьбы.

Теперь пздало Киевское Благ. Общ. Историю Словацкой литературы Ярослава
Волчка. Пишите, как Вам понравился этот труд.

Слышал, что Вы переведены куда-то в Финляндию ²⁰. Правда? Пишите пожалуйста.
Это было бы препятствием неужели? В СП. Вы бы могли для нас удачнее действовать.
Слух пришел от Ваших прекрасных знакомых в юбках — Прейсенеровой и Neugeime-
novej. Надеюсь что неверен.

На всякий случай скажите о Вашем намерении моему лучшему другу г. Ламанско-
му. Он мне очень благосклонен.

Не могли-ли Вы мне прислать книги от СП. благ. общ. У нас они читаются, а при-
шли присланные А. К. в какую-то Галич или Буковину — лежат непересмотренные
через годы. У меня нет н. пр. Гончарова «Обломов», нет Короленко, Гаршина. Мне
очень понадобились бы издания по культурной истории, по русской литературе, эсте-
тике. Я писал Аристову — не получил. О, кабы они знали где надо помогать. У меня
книга не пропадет даром, Вы с нею встретитесь в моих статьях, где я учу свой народ, а
мой труды жадно читает всякий словак и даже премногие мадяроны. Что делать!
Я мучусь в крайней бедности, а другие, ничего не работая живут себе на воле. Вы бы
об этом поговорили с Ламанским! Он знает, что я и семья моя заслужила лучшей доли.

Ради бога, сделайте с романом, «Suchá ratolesť» что усмотрите. Я Вам даю полномо-
чие. Я бы очень рад при переводе посмотрел корректуры; это было бы важно для то-
чности. Впрочем не моя, а Ваша воля.

Жадно ожидаю Вашего ответа. Простите мои ошибки: у меня практики нет. Я по-
нимаю по русски, о очень мало писал, исключительно только письма. Но, Вы меня,
чаю — понимаете; довольно.

Неоставьте меня ждать ответа! Я похвастался с Вашим письмом. Оно меня
необыкновенно обрадовало!

Ваш Светозар Гурбан-Ваянский.

²⁰ В июле 1895 г. Е. В. Петухов был назначен ординарным профессором по кафедре
русской словесности в Юрьевский университет. Вероятно, вскоре после этого и было на-
писано данное письмо.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

А. КАУПУЖ

3. ДОЛЕНГА ХОДАКОВСКИЙ И И. Н. ЛОБОЙКО

Историк польской культуры не может пройти мимо трудов Зориана Доленги Ходаковского. Белорусские и украинские фольклористы и этнографы отмечают заслуги Ходаковского в их области. Его имя вошло в русскую и польскую историографию, в историю польской и русской этнографии, археологии и топониматики. И в общих работах и частных исследованиях, посвященных вопросам истории славистики начала XIX в., постоянно встречаем имя Ходаковского. Предметом исследования стали даже легенды, сложившиеся вокруг имени Адама Чарноцкого — Зориана Доленги Ходаковского¹.

Биографы и исследователи останавливали уже внимание на эпизодах из жизни Ходаковского, связанных с Виленским университетом и его профессорами². Первое обращение его (в 1818 г.) за поддержкой и одобрением ученых планов, как известно, было неудачным. Подробно этот вопрос рассмотрел С. Пигоń. О втором эпизоде бегло упоминает Ю. Маслянка в своей монографии о Ходаковском³. Речь идет о просьбе Ходаковского и о связанном с нею обращении литовского военного губернатора А. Римско-Корсакова к ученым, духовенству и шляхте западных губерний, которое было помещено в газете «Kurier Litewski» от 30 июня 1822 г. Известно также — по публикации В. Францева⁴ — письмо Ходаковского к А. Римско-Корсакову от 12 декабря 1822 г.

По неопубликованным письмам И. Лобойко к Ходаковскому (за 1822—1823 гг.)⁵ и Н. П. Румянцеву⁶, а также по документам Виленской римско-католической духовной консистории⁷ можно более подробно восстановить историю обращений Ходаковского к виленским властям. При этом выясняется, что основная роль по сбору материалов для Ходаковского принадлежала профессору русской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко, который с энтузиазмом приветствовал начинания Ходаковского.

В планах Ходаковского, составленных им перед началом учебного путешествия по России, предусматривалось посещение также и литовских земель⁸. Как известно, осенью 1821 г. закончился первый год его путешествия. Судьба дальнейших исследований зависела от оценки результатов первого года. В 1822 и 1823 гг. Ходаковский был в крайне стесненном материальном положении, но, видимо, еще надеялся на одобрение в Петербурге своих планов и на новые в связи с этим субсидии. Однако в марте 1823 г. ученый комитет министерства народного образования рекомендовал путешествие Ходаковского прекратить⁹.

¹ Cz. Zgorzelski. Z dziejów sławy Zoriana Dołęgi Chodakowskiego. — «Pamiętnik Słowiański», 1957, s. 110—136.

² S. Piгоń. Dyletant osobliwy przed sądem uczonych. — «Z dawnego Wilna», Wilno, 1929, s. 1—16.

³ J. Maślanka. Zorian Dołęga Chodakowski. Wrocław-Warszawa — Kraków, 1965, s. 74.

⁴ В. Францев. Польское славяноведение. Прага, 1906, стр. СХLIX — СL.

⁵ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем — ГПБ). Собрание М. П. Погодина, ф. 588, оп. 4, № 78.

⁶ ЦГАДА, ф. 17, № 61 доп.

⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 604, оп. 3, № 162, л. 722—730.

⁸ В. Францев. Там же, стр. 359.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 734 «Протоколы заседаний ученого комитета», оп. 1, хр. 36883, 36884.

Переписка с И. Лобойко и обращение к А. Римскому-Корсакову относятся именно к этому периоду. В это время Ходаковский работал в Москве над составлением общей карты «славянского городства», над словарем географических названий и над картой славянских племен. В связи с этим он обращался к ряду губернаторов, прося о присылке подробных карт (например, к гродненскому, белостокскому, минскому губернаторам)¹⁰. По этой же причине он обратился и к Лобойко.

Как свидетельствует в своих воспоминаниях Лобойко, он познакомился с Ходаковским еще в Петербурге¹¹ (в Петербурге Ходаковский был с октября 1819 г. по август 1820 г.).

В январе 1822 г. Лобойко стал профессором русской словесности в Виленском университете. Первое письмо к Ходаковскому он написал 6 февраля 1822 г.¹². Оно является ответом на письмо Ходаковского от 29 января 1822 г., отрывок из которого Лобойко поместил в журнале «Dziennik Wileński» за 1822 г. (т. I, стр. 540—542). Ходаковский писал в нем о своем путешествии и просил указать границы распространения русского языка в Литве. В письме Лобойко обещает содействие в собирании сведений о Литве, пишет, что надеется привлечь к этому студентов, которые летом поедут домой, а также о намерении напечатать воззвание о сборе материалов в местной печати. Ходаковскому он предлагает прислать инструкцию «для молодых людей, как им поступать при этом деле»¹³.

Для успеха предприятия Лобойко обратился за содействием к литовскому военному губернатору А. Римскому-Корсакову. Последний направил предписание всем исправникам Виленской и Гродненской губерний, а также исправникам Белостокской области «с приложением формы в графах с вопросами», соответствовавшими пожеланиям Ходаковского. Подобное же предписание по распоряжению Римского-Корсакова было несколько позже направлено виленской римско-католической консисторией всем плебанам трех губерний: Виленской, Гродненской и Митавской. Кроме того, при содействии Лобойко вопросы Ходаковского были направлены в виленские издания «Kurier Litewski» и «Dziennik Wilenski». О том, как Лобойко разработал вопросник, дает сведения его письмо к Н. П. Румянцеву от 8 февраля 1822 г.¹⁴. В частности, вот какая анкета была составлена для ксеидзов: 1) Название парафии с означением повета, губернии, также и тех парафий, с коими смежна. 2) Наименование деревень, принадлежащих к парафии. 3) Число душ обоего пола в каждой деревне. 4) Число домов в каждом селении, в коих простой народ говорит особым диалектом. 5) Какого вероисповедания. 6) При какой реке или речке, или озере деревья имеет положение и что известно достойного внимания об основании ее или о древних событиях. Какие в каждом поселении и окрестностях его находятся древние памятники, также книги литовские, латышские и проч., равномерно обряды религии или остатки древних обычаев и проч.». Далее Лобойко просит прислать «подробнейшие географические карты» трех губерний, так как намерен означить на них «с точностью полосы, идущие в лингвистическом отношении». Он указывает на ценность собираемых сведений для «пополнения географических карт и словарей».

Таким образом, первоначально конкретный и узкий вопрос Ходаковского о границах распространения русского языка в Литве превратился благодаря инициативе Лобойко в широкое предприятие по сбору этнографических, статистических, топонимических и других сведений о Литве, а также частично о Белоруссии и Латвии.

Анкетный метод исследования не был в то время новостью ни в русской, ни в польской науке. Лобойко мог при составлении своей программы воспользоваться опытом

¹⁰ См. Л. И. Ровнякова. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга Ходаковский и его архив. — «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М. — Л., 1963, стр. 58, 78, 79, 81.

¹¹ Рукопись воспоминаний Лобойко находится в ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 154, № 55, л. 10 — об., 11.

¹² ГПБ. Собрание М. Погодина. Там же, л. 2. О письмах Лобойко к Ходаковскому вскользь упоминает Л. Ровнякова (стр. 59).

¹³ ГПБ. Собрание М. Погодина. Там же, л. 3.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 61 доп., л. 33.

предшественников, а также советами современников. Как свидетельствуют его письма, помогали ему И. Лелевель, И. Данилович, позже — в 1823 г. — К. Незабитаускас, М. Хлевинскас, Л. Увайнис.

К декабрю 1822 г. уже были получены ответы из 10 деканий (общее число 22) Виленской епархии (50 листов записей). Лобойко показал собранные материалы И. Лелевелью, который признал их полными и вполне удовлетворительными¹⁵. Задумано было использовать их для будущего сочинения о литовском народе. Ходаковскому Лобойко сообщил, что решил быть в вопросах «пошире нежели поуже», поэтому увеличил их круг. «Сверх того, — писал он в письме от 5 ноября 1822 г., — мы имеем в рассуждении сего предмета и наши собственные претезии, кои мы хотим, пользуясь случаем, присоединить к вашим...»¹⁶. В письме от 12 октября 1823 г. Лобойко сообщает, что ответы из парафий собраны и виленская римско-католическая консистория высылает их Ходаковскому в Москву. Из письма консистории узнаем, что собрано было 238 ответов и все они высланы Ходаковскому¹⁷.

В переписке совершенно нет сведений о результатах обращения к исправникам и к общественности (через упомянутые виленские периодические издания). Можно предположить, что ответы в основном пришли только из парафий, которые в течение полутора лет после получения печатных анкет выслали много данных.

Ответов на анкету Лобойко нам найти не удалось, хотя они должны были существовать, по крайней мере, в двух экземплярах, так как Лобойко, как он сам пишет, собирался делать копии с приходивших материалов¹⁸.

Историк Виленского университета Белинский упоминает о существовании среди бумаг Лобойко обширной рукописи о Литве¹⁹. Возможно, что в состав ее входили и интересующие нас ответы на анкеты. Среди бумаг Ходаковского указанной рукописи нет. В делах римско-католической консистории нам также не удалось ее обнаружить. Ф. Равита Гавронский, специально занимавшийся исследованием судеб рукописей Ходаковского, писал, что М. Погодин видел сохранившиеся отрывки бумаг Ходаковского со сведениями по географии и мифологии России и Литвы, но что А. Н. Пыпин, автор «Истории русской этнографии», уже не обнаружил этих заметок в фондах Публичной библиотеки²⁰.

План Ходаковского и анкета Лобойко, включавшая среди прочих вопросов программу собирания местных названий, были шагом к постановке вопроса в историческом плане об отношении славянского и балтийского этнических элементов на территории Литвы и западных губерний России.

Для Ходаковского, занимавшегося составлением словаря географических названий, присланные материалы, несомненно, были ценным источником.

Любойко еще в петербургский период, составляя план своих занятий, отмечал, что собирается заняться изучением (по летописям и рукописям) «наименований лиц, народов, рек, гор, лесов, областей, городов, урочищ и др., разделив оные на слова славянского и неславянского происхождения»²¹. По прибытии в Вильно он начал готовиться к написанию сочинения «о литовском народе, его языке, истории». Анкета, разосланная для Ходаковского, должна была послужить и его целям.

В истории изучения учеными балто-славянских языковых отношений эпизод с обращением Ходаковского и анкетой Лобойко интересен тем, что благодаря им впервые были собраны обширные данные по топонимике западных губерний России.

¹⁵ ЦГАДА, Там же, л. 34.

¹⁶ ГПБ, фонд М. Погодина. Там же, л. 5.

¹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 604, оп. 3, № 104 «Акты консистории за 1823 г.», л. 421, письмо № 296 (оригинал хранится в ГПБ, ф. 558, оп. 4, № 59).

¹⁸ Письмо к Румянцеву, ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 61 доп., л. 34 об.

¹⁹ J. B i e l i ŋ s k i. Uniwersytet Wileński, t. 3. Kraków, 1910, s. 254.

²⁰ F. R a w i t a G a w r o ŋ s k i. Zorian Dołęga Chodakowski. Lwów, 1898, s. 166, 171.

²¹ Гос. библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, Р. О., оп. 12, ед. хр. 34:

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. РОГОВ

БЕЛГРАДСКАЯ ИКОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО И ЦАРЯ МАМАЯ

В Музее сербской православной церкви в Белграде хранится икона Дмитрия Солунского начала XVIII в., необычного типа. Чрезвычайно почитаемый у восточных и южных славян покровитель воинов Дмитрий Солунский представлен на ней повергающим царя Мамаю. Обычно Дмитрий изображался юным воином с мечом и щитом (либо без них со склоненной головой — в деисисах русских иконостасов). Реже встречаются конные изображения Дмитрия Солунского, видимо возникшие под влиянием соответствующих изображений Георгия Победоносца. Первое такое изображение на Руси мы встречаем в шиферных рельефах XI в. из Киевского Михайловского-Златоверхового монастыря (ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее). Там же запечатлен и ученик Дмитрия Нестор, повергающий гладиатора Лия. Впоследствии на иконах произошло как бы слияние этих двух изображений, и Дмитрий на этих иконах стал сам повергать гладиатора-язычника. Такова, например, икона московской школы XVI в. из Новосибирской картинной галереи. Икона из Белграда свидетельствует о дальнейшем видоизменении сюжета: гладиатор Лий заменен царем Мамаем. В левой части иконы изображены две девушки и ангел над ними на фоне палат. Они держат в руках щитое изображение Дмитрия Солунского в виде юноши-воина. Разгадку причудливой композиции можно найти в устном народном творчестве — в так называемых духовных стихах о Дмитрии Солунском и царе Мамае, записанных в Пермской, Новгородской, Симбирской и Смоленской губерниях и изданных П. Бессоновым в его сборнике «Калекы переходные» (вып. 3, М., 1861, стр. 586—587). В этих стихах рассказывается, что граду Салыму (в некоторых вариантах град не назван) угрожал своим разорением царь Мамай. Об этом известили Дмитрия Солунского два ангела. Дмитрий вышел на бой с Мамаем и разбил его войско. Мамаю, однако, удалось взять в плен двух русских девушек. «Безбожный царь» заставил их нарисовать и вышить изображение своего победителя. Уснув за работой, девушки чудесным образом были возвращены в Салым.

Этот духовный стих возник, видимо, под влиянием болгарских сказаний о чудесах Дмитрия Солунского. Согласно им, Дмитрий защитил город Солунь от разорения царя Калояна. Там же рассказывалось и о двух девушках (см. Четы-Миней под 26 октября). В русских стихах, однако, Калоян был заменен Мамаем, несомненно, по ассоциации между Дмитрием Донским, победившим Мамаю, и его соименным покровителем Дмитрием Солунским. Уместно напомнить в связи с этим, что именно в Дмитровскую субботу, ближайшую к дню памяти Дмитрия Солунского, на Руси поминали воинов, павших на Куликовом поле.

Писавший на эту тему Б. Соколов¹ обратил также внимание на две иконы с подобным изображением. Одну из них он видел в церкви села Николы на Рене Вьесьегонского

¹ Б. С о к о л о в, Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. М., «Этнографическое обозрение», 1909, № 2—3, стр. 182—185.

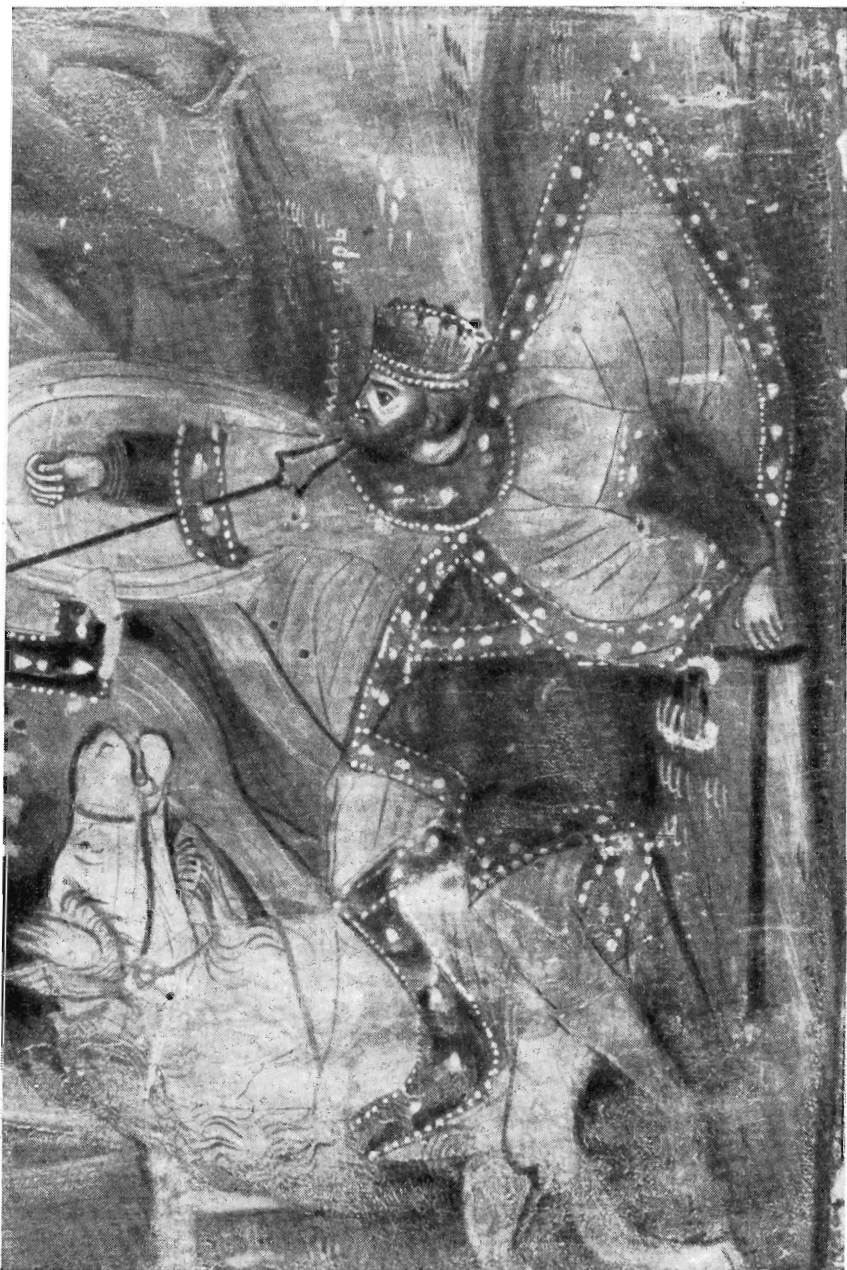
Дмитрий Солунский побеждает царя Мамай

уезда Тверской губернии. Дмитрий на ней изображен на белом коне, поверженный вместе с конем Мамай — в зеленой шапке с меховой опушкой. На белградской иконе мы видим коня Дмитрия темным, а Мамай здесь в короне. В настоящее время местонахождение всеьегонской иконы неизвестно.

Другая икона принадлежала Н. П. Лихачеву², коллекция которого хранится в настоящее время в Государственном Русском музее. На этой иконе Мамай изображен без коня.

Характерно, что на всех трех иконах Мамай изображен поверженным, о чем не говорится ни в одном известном в настоящее время духовном стихе. Видимо, устойчивость иконографической традиции изображения Дмитрия, побеждающего Лия, сыгравшая

² Воспроизведение ее см.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, т. II. СПб., 1906, табл. CCCIV.

Деталь иконы: поверженный Малай

ла здесь свою роль, так что говорить о том, что икона иллюстрирует стих, было бы неверно.

Белградская икона не является копией одной из двух русских икон, а представляет собой в известной мере самостоятельное произведение. Правда, особыми художественными достоинствами, как и большинство икон XVIII в., она не отличается. Довольно схематично на ней представлены ангел и девушки, палаты, одежда Мамаия. Основной композиционный стержень задуман, однако, интересно. Икону пронизывает одна вертикальная ось, образуемая головой победоносного Дмитрия и поверженного Мамаия, и диагональная линия, обозначенная головами двух коней.

К сожалению, пока остаются совершенно невыясненными обстоятельства, при которых икона попала в Сербию.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О СЛАВЯНСКИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Синонимические словари славянских языков появляются относительно поздно — лишь во второй половине XIX в., когда уже была проделана известная работа в области теории синонимов.

Исключение составляет русская лексикография, где различного рода синонимические справочники и небольшие словари (нередко всеголишь опытные образцы) создаются в первой половине XIX в., а первый синонимический словарь, автором которого был Д. И. Фонвизин, увидел свет еще в конце XVIII в.¹ Их появлению способствовала значительная теоретическая работа (П. Ф. и И. Ф. Калайдовичи, П. С. Кондырев, В. Г. Анастасевич, Н. М. Ибрагимов, С. Г. Саларев и др.)². Интересный опыт создания синонимического словаря русского языка предпринял И. И. Давыдов, опубликовавший в 50—60-х годах XIX в. в «Известиях Академии наук» свыше 150 синонимических рядов с толкованием большинства синонимов. Большой фактический материал для синонимического словаря был собран преждевременно умершим (1854 г.) И. Н. Бердниковым.

В дальнейшем интерес к вопросам синонимии в русской лексикографии несколько ослаб, словари стали появляться редко. И только в начале XX в. наблюдается некоторое возрождение и оживление прерванной традиции³.

¹ «Опыт Российского сословника». — «Собеседник любителей российского слова», СПб., 1783, № 1, 4, 10.

² Ср. П. К а л а й д о в и ч. Опыт словаря русских синонимов, ч. 1. М., 1818; А. И. Г а л и ч. Словарь русских синонимов, или Сословов, составленный «Редакцией нравственных сочинений». М., 1840, и др. Подробнее об этих словарях см.: Р. Ц е й т л и н. Краткий очерк истории русской лексикографии (Словари русского языка). М., 1958.

³ См. Н. А б р а м о в. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, изд. 1, СПб., 1900; изд. 2, СПб., 1904; изд. 3, СПб., 1911; изд. 4, Пг., 1915.

Из словарей синонимов, созданных в советское время, заслуживают быть отмеченными словарь В. Д. Павлова-Шипкина и П. А. Стефановского⁴ (который не оказал, впрочем, большого влияния на последующую лексикографическую практику) и завоевавший широкую известность краткий словарь синонимов, составленный В. Н. Клюевой⁵.

Словарь Клюевой состоит из 623 синонимических рядов, включающих около 3000 слов и выражений. Основным достоинством этого словаря являются удачные толкования значений. В нем сначала дается общее значение всей словарной статьи, затем — значения каждого члена синонимического ряда. Использован и богатый иллюстративный материал, главным образом из произведений русских писателей. Словарь содержит алфавитный индекс и индекс синонимических рядов, значительно облегчающие пользование словарем.

Нельзя не отметить и слабые стороны этого словаря. Так, вызывает возражение состав некоторых синонимических рядов. Вряд ли правильно объединение в одной словарной статье *большой, гигантский, исполинский, колоссальный*. Трудно признать *воодушевление* доминантой по отношению к слову *энтузиазм*, скорее отношение между ними обратное. Нет оснований включать окказионализм *чуточный* в синонимический ряд *маленький, малый, крошечный* и т. д., *сребролюбие* — в ряд *корыстолюбие, своекорыстие, стяжательство, алчность* и т. д.

Непонятно место фразеологизмов в данном словаре и не ясны критерии отбора фразеологии, которая, кстати, крайне бедно здесь представлена. Непонятно, например, почему в словарную статью

⁴ Учебный словарь синонимов русского литературного языка. Сост. В. Д. Павлов-Шипкин и П. А. Стефановский. Изд. 1, М., 1930; изд. 2, М., 1931.

⁵ В. Н. К л ю е в а. Краткий словарь синонимов русского языка. Изд. 1, М., 1956; изд. 2, М., 1961.

со словом *умереть* включено много фразеологизмов, а в других словарных статьях их вообще нет, хотя синонимы-фразеологизмы с соответствующим словом существуют. Так, есть *испокон веков* в словарной статье *издавна*, *искони*, *истари* и т. д., но в словарной статье *давно* нет фразеологизма *при царе Горохе*. Эти и подобные семантические близкие синонимические ряды следовало бы в словаре как-то связать. Не связаны и слова-омонимы, входящие в разные ряды (ср. *обитель* 'монастырь' и *обитель* 'приют').

К сожалению, некоторые синонимические ряды подаются не в полном составе. Так, приведен ряд *глаза, очи, зеницы*, но почему-то опущены *зеньки, буркала, шары* и др. (ср. ряд *лицо, лик, физиономия, рожа, рыло, морда*). Некоторые данные словаря уже устарели. Например, *воин* сейчас уже не «архаизм, употребляющийся... в торжественном стиле» (стр. 25), а слово активного словарного запаса (ср. *советский воин* и *воин Советской Армии*).

Несмотря на указанные недостатки, словарь Ключевой — один из лучших синонимических словарей современной славянской лексикографии⁶.

Большой размах приняла работа в области синонимологии в последние десятилетия⁷. Исследования А. Б. Шапиро, Ю. Д. Апресяна, А. П. Евгеньевой, А. С. Александрова, М. Ф. Палевской, А. Р. Скшидло, Л. Н. Саркисовой и др. являются ценным вкладом в теорию синонимии вообще и синонимию русского языка в частности. И все же, несмотря на многочисленные исследования советских и зарубежных лингвистов, общериванной теории синонимии еще нет. Очевидно, в этом одна из причин неослабевающего интереса ученых к данному разделу семасиологии.

В работах советских исследователей последних лет исследуются многие кардинальные проблемы синонимии: понятие синонима в его отношении к языку и речи,

⁶ Вполне естественно, что словарь Ключевой, предназначенный прежде всего для использования в школе, не может нас полностью удовлетворить. Именно поэтому Институт русского языка АН СССР подготавливает в настоящее время академический «Синонимический словарь русского языка» (руководитель — А. П. Евгеньева). Судя по детально разработанной инструкции этого словаря (см. А. П. Евгеньева. Проект Словаря синонимов. М., 1964), есть все основания предполагать, что в скором времени русская лексикография обогатится интересным и во многих отношениях оригинальным трудом.

⁷ Подробную библиографию см. в работе: С. Ф. Геккер. Библиография по синонимике русского языка. В Сб. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М.—Л., 1966.

принципы выделения и классификации синонимов, определение границы синонимического ряда и его доминанты, синонимические отношения на уровне лексики, фразеологии и грамматики и др.

Эти и другие проблемы синонимии освещаются, в частности, в двух недавно вышедших сборниках: «Очерки по синонимике современного русского литературного языка» (М.—Л., 1966) и «Лексическая синонимия» (М., 1967). Особенно следует выделить статью «К семасиологической интерпретации явления синонимии» (сб. «Лексическая синонимия») С. Г. Бережана, который, вслед за В. М. Григоряном, выдвигает при изучении синонимов метод сопоставления отдельных значений слов (в противоположность сопоставлению слов в целом).

В белорусской лексикографии, насколько нам известно, теоретические проблемы синонимии не разрабатывались⁸. Лишь совсем недавно М. Клышко были опубликованы первые материалы к синонимическому словарю белорусского языка⁹. В этих материалах обращают на себя внимание довольно богатое собрание синонимов литературного языка и других речевых стилей и удачно подобранные иллюстрации, главным образом из художественной литературы. Наряду с лексическими синонимами М. Клышко приводит и синонимы-фразеологизмы. Ср. *ап'янець, панюгаць корак* и т. п. («Польмя», 1965, № 6, стр. 178).

С лексикографической точки зрения материал, собранный М. Клышко, совершенно не обработан. Доминанта синонимического ряда не выделяется. Нет никаких стилистических или грамматических помет. Общее значение синонимического ряда, а также значения членов этого ряда не толкуются. Многие синонимические ряды составлены несколько произвольно (ср. *адзенне, спецадзенне, спецапратка, униформа* и т. д.). Синонимические ряды расположены друг за другом в алфавитном порядке (ср. ряд *адзенне*, за ним ряд *адмовіцца* и т. д.), внутри синонимического ряда трудно установить строгие закономерности следования его членов. Эти материалы нуждаются еще в основательной обработке, прежде чем они превратятся в настоящий синонимический словарь.

Несколько лучше обстоит дело в украинском языкознании. Хотя и здесь общетеоретических исследований пока еще мало, все же отдельные проблемы синонимии рассматриваются и в общих работах по истории украинской лексикографии и

⁸ См., например, библиографию по лексикологии в кн. «Беларускае мовознаўства». Мінск, 1967, стр. 311—314.

⁹ М. К л ы ш к о. Матэрыялы да слоўніка сінонімаў і блізказначных слоў.— «Польмя», 1965, № 5, 6, 7, 9, 10; 1966, № 1, 2, 6, 7, 9, 10; 1967, № 1, 3, 4, 6, 8.

в ряде специальных статей. В последние годы украинскими языковедами сделаны интересные попытки разработать новую методику составления синонимических словарей¹⁰.

В 1960 г. вышел в свет краткий словарь синонимов украинского языка П. М. Деркача с предисловием и статьей о строении словника и отборе синонимов С. П. Левченко¹¹. Словарь построен по алфавитному принципу: синонимический ряд приводится в той словарной статье, в которой по алфавиту находится доминанта, например: *азбука* — *абетка*, *алфавіт* (стр. 3). При членах синонимического гнезда, образующих соответствующие словарные статьи (в алфавитном порядке), дается отсылка на словарную статью с доминантой (иногда на несколько словарных статей), например: *абетка* — див. *азбука*, *алфавіт* — див. *азбука*. Такой принцип размещения синонимов сделал ненужным алфавитный индекс.

В словаре в основном приводятся синонимы литературного языка, в том числе и ипостасные заимствования, но привлекаются и синонимы других речевых сфер (диалектные, фольклорные и т. д.). Терминологические синонимы в словарь не включаются. Ограниченный объем словаря не позволил включить в его состав синонимы — служебные слова, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, причастия; редко приводятся префиксальные образования глаголов, отглагольные образования; в словаре нет совсем деспричастий и т. д. Очень редко в словаре встречаются уменьшительные формы слов. Система принятых в словаре помет («вульгарное», «доревольюционпое», «устаревшее», «неуважительное», «историческое», «ироническое», «канцелярское», «книжное» и др.) дает необходимую стилистическую характеристику синонимов.

В словарной статье, как правило, сначала приводятся наиболее употребительные синонимы, за которыми следуют менее употребительные. В некоторых статьях члены синонимического ряда располагаются в порядке возрастания или уменьшения присущего им какого-нибудь признака (особенно это касается прилагательных, реже — глаголов).

Хотя словарь П. М. Деркача принадлежит к типу словарей-справочников, в нем передко используются и толкования, например: *дрижати* — (*земляно під впливом психічних спонук*) *треміти*; (*при*

фізичній причині) *труситися*, *трястися*; (*від сильного поштовху тощо*) *двигітати*; (*про слово*) *бриніти* (стр. 63).

В словаре предусмотрены различные способы разграничения синонимов, отличающихся друг от друга амплитудой синонимической близости, разные способы подачи многозначных синонимов, а также синонимов, образующих большие ряды, в которых выделяются самостоятельные синонимические ряды с более специализированными значениями.

П. М. Деркач включает в словарь морфологические и фонетические варианты слова, но никакого теоретического обоснования он этому не дает. Трудно согласиться с автором, когда он приводит видоые пары в качестве синонимов и тем самым нарушает основные принципы составления синонимического словаря; ср. *борматати* и *бормотіти*, *мурмотати* и *мурмотіти*, *белькотати* и *белькотіти*, данные как синонимы к слову *мимрити* (стр. 102). Если автор руководствовался здесь соображениями культуры речи, то в этом случае следовало одну из видовых форм поместить в скобках, например *белькотати* (*белькотіти*). К сожалению, крайне бедно представлена в словаре фразеология.

Учитывая то, что лексикографический труд П. М. Деркача — первый опыт словаря украинских синонимов, его в целом следует считать вполне удавшимся.

Заслуживают внимания также материалы к словарю, составляемому А. Багметом¹². К положительным сторонам этого труда следует отнести довольно богатый синонимический и иллюстративный материал, к сожалению отобранный без должной научной строгости. Так, вряд ли была необходимость искусственно увеличивать состав словаря за счет образования с частцей *не* (особенно прилагательных и наречий). Нельзя не отметить и слабую лексикографическую обработку фактического материала словаря. Например, общее значение одних синонимических рядов дается, других — нет. Стилистически синонимы не разграничиваются, отсутствуют и грамматические характеристики. Нет попытки выделения доминанты синонимического ряда, отсутствует композиционное единообразие в построении словарных статей.

Приведенные как синонимы сочетания *до нестями*, *з нестямю*, *в нестямки*, *до нестямя*, *в нестямі* несомненно должны рассматриваться как варианты. Не являются синонимами и такие слова, как *непогасимий* и *негасимий*. Нельзя признавать удовлетворительной и семантизацию отдельных синонимов. Так, при *несамовитий*, *безтямний*, *нестямний* вто-

¹⁰ Н. П. Дзятківська, Б. І. Зданевич, С. П. Левченко, В. Г. Мариниченко, Л. С. Паламарчук, А. В. Хирна. Зразки розробки окремих синонімічних словників української мови. — «Лексикографічний бюлетень», вип. 5, 1955.

¹¹ П. М. Деркач. Короткий словник синонімів української мови. Київ, 1960.

¹² А. Багмет. Матеріали до синонімічного словника української мови. — «Вітчизна», 1959, 2—12; 1960, 1—12; 1961, 1—12; 1962, 1—7.

рым указано просто «переносное значение», но какое именно — неясно («Вітчизна», 1962, № 7, стр. 219). В синонимическом ряду приведены *несамоушність, безтямність, нестямя, нестямка*, а иллюстрации даны с фразеологизмом *до нестями* (У спорі грізному дійшовши до нестями—М. Рильський, там же). Неверно приводить после синонимов-прилагательных синонимы-наречия, а также и синонимы-существительные, и делать перекрестные ссылки. Известно, что объем значений и сфера употребления слов, принадлежащих разным частям речи, далеко не всегда совпадают. Что касается системы перекрестных ссылок, то она использована в словаре неумело.

Хотя фактический материал словаря Багмета значительно богаче, чем материал словаря Деркача, но по качеству лексикографической обработки второй неизмеримо выше первого¹³.

Слабо разрабатываются теоретические и практические вопросы синонимии южнославянских языков. До сих пор, например, нет синонимического словаря словенского языка, не говоря уже о самом молодом среди славянских языков — македонском.

Несколько лучше положение в болгарской лексикографии. Здесь уже начата серьезная разработка вопросов синонимии¹⁴ и изданы синонимические словари. Еще в 50-х годах был издан первый синонимический словарь М. Дабевой¹⁵. Правда, большой ценности он не представлял. В нем всего 1900 слов, входящих в 670 синонимических рядов, каждый из которых насчитывает по несколько синонимов. Словарь построен в основном на материале известного, уже давно устаревшего словаря Н. Герова. Значение словаря М. Дабевой в том, что он явился основой последующей работы над синонимическим словарем.

В 1936 г. вышел словарь Л. Нанова, трижды переизданный в 50—60-е годы¹⁶. Этот словарь характеризуется прежде

всего богатством синонимов (около 24 000). Его основу составляют синонимы литературного языка. Производные слова, образующие самостоятельные гнезда, выделяются в отдельные синонимические ряды. Для стилистической характеристики синонимов используются пометы: «книжное», «разговорное», «народное», «диалектное», «поэтическое», «канцелярское», «ироническое», «церковное» и т. д.

В словарь включены и фразеологические обороты, которые — и это составляет его особенность — нередко выступают здесь в качестве доминанты, например: *На всяка цена (разг.) — непременно, обязательно, безусловно, задължително, само и само (разг.)* (стр. 246); *Ден до пладне (разг.) — кратковременно, недълготрайно* (стр. 92). Вряд ли, однако, стоило включать в синонимические ряды описательные обороты, передающие (часто лишь приблизительно) значения синонима-доминанты, например: *излизам налице — ставам явен* (стр. 188); *среднощ (разг.) — полунощ, късно през нощта, късна нощ, потайна (късна) доба (поет.)* (стр. 539).

Особенностью словаря является и то, что в отличие, например, от нашей лексикографической практики доминанта здесь нередко избирается не из стилистической нейтральной лексики, а из слов, принадлежащих другим лексическим пластам. Ср., например, *мутвак (диал.) — готварница, кухня* (стр. 242); *престорня (разг.) — преструвня* (стр. 249) и под.

В некоторых статьях автор смешивает синонимы с фонетическими и морфологическими вариантами слов (в частности, синонимы-глаголы с видовыми формами глаголов), например *групирам — сгрупирам, събирам — сбирам*. Сравните также и варианты типа *демонски, демоничен*, указываемые как синонимы наряду с подлинными синонимами типа *пъклен, адски, сатанински, дяволски* (стр. 92).

Поскольку в словаре иллюстративный материал и толкования отсутствуют, то неизвестно, с какими словами (группами слов) связывается данный член синонимического ряда, иными словами, неясно, где именно и каким образом проявляется синонимичность слова.

Так как синонимы расположены в алфавитном порядке со всем своим синонимическим рядом, то в словаре нет алфавитного индекса. Вряд ли следует соглашаться с таким принципом расположения материала, ибо это во много раз увеличивает объем словаря.

В общем, словарь Л. Нанова следует рассматривать лишь как предварительную заявку на синонимический словарь, соответствующий современному состоянию лексикографической теории и практики.

На материале сербско-хорватского языка попытка создания синонимического словаря была предпринята Р. Йованови

¹³ В 50-х годах Институт языковедения им. А. А. Потемкина АН УССР начал интенсивную работу над синонимическим словарем украинского языка, но затем работа была свернута. В настоящее время такой словарь составляет кафедра украинского языка Днепропетровского университета под руководством В. С. Ващенко. См. «Мовознавство на Україні за п'ятдесят років». Київ, 1967, стр. 113—114, сноска.

¹⁴ См., например, обстоятельную статью Р. Мутафчиева «Синонимите в български език» («Известия на Института за български език», кн. VI. София, 1959).

¹⁵ М. Д а б е в а. Речник на български-те синоними. София, 1930—1934.

¹⁶ Л. Н а н о в. Български синонимен речник. София, изд. 1, 1936; изд. 2, 1950; изд. 3, 1958; изд. 4, 1963. Примеры приводятся по изд. 4.

чем¹⁷. Несмотря на довольно большой объем (248 стр., 2351 словарная статья), работа Р. Йовановича не может быть названа синонимическим словарем в строгом смысле этого слова. Скорее, это тематический словарь, в котором материал распределен по 18 тематическим группам (ср. названия некоторых групп: повседневная жизнь и работа, психология и логика и др.). Внутри тематических групп расположены словарные статьи. Каждая словарная статья состоит из слов, близких по значению, или же из слов, связанных только общим генетическим происхождением и сохранивших некоторое семантическое сходство (но не слов-синонимов), например *успех, успети, успева-ти, успешан, постићи, постигнути, постизати, постигнуће, постижати, постижљив, ић од руке, продрети, подеић* и т. д.). В одну и ту же словарную статью включаются слова, принадлежащие к разным частям речи, различные грамматические формы одного слова и т. д.

Вторая часть — орфографический словарь всех слов, вошедших в первую часть словаря, является одновременно и его индексом.

На разной стадии разработки находится и синонимия западнославянских языков.

На материале серболужицких языков теоретические вопросы синонимии еще вообще не исследовались. Нет и синонимических словарей этих языков.

Вопросами синонимии словацкого языка ученые стали заниматься, по сути дела, только после второй мировой войны в связи с развернувшейся работой по созданию толкового словаря словацкого языка¹⁸, хотя больших работ обобщающего характера и сейчас нет. До войны у словаков вышел небольшой синонимический словарь И. К. Гарая чисто практической направленности¹⁹. Он построен на непрочных теоретических основах, что в свое время было отмечено критиками. Никакого влияния на последующую лексикографическую практику данный словарь не оказал.

Иное положение в чешском языковедении, где вопросы синонимии издавна были предметом исследования. Уже в XIX в., особенно с середины и по конец столетия, появляется целый ряд работ по синонимии, которые однако не выходили из общего русла пуристических тенденций, направленных на очищение чешского языка от германизмов и укрепление

основы его литературной нормы. Вопросы синонимии занимались видные чешские лингвисты — Й. Юнгман, Я. Гебауэр, Й. Зубаты, В. Матезиус, Б. Гавранек²⁰ и др., однако в области синонимии крупных работ и у этих ученых нет. Может быть, в этом одна из причин отсутствия у чехов хороших синонимических словарей при очень высоком общем уровне современной чешской лексикографии (например, «*Průběh slovníku jazyka českého*» — один из лучших славянских словарей вообще). Единственный небольшой словарь чешских синонимов Я. Машина и Й. Бечки²¹ предназначен был прежде всего для учебных целей. В нем нет, за редким исключением, толкований синонимов, количество синонимических рядов невелико. Естественно, словарь не дает никакого представления о синонимическом богатстве современного чешского литературного языка. Видимо, в этом причина малой популярности данного словаря. Функцию словаря синонимов чешского языка в известной мере может с успехом выполнить третья часть знаменитого фразеологического сборника Я. Заоралека²², где указаны многочисленные синонимические ряды фразеологизмов.

В 1961 г. Й. Филипец опубликовал фундаментальную работу о чешских синонимах²³, в которой рассматриваются и оригинально решаются многие трудные вопросы общей теории синонимии. Эта работа создает благоприятные условия для составления чешского синонимического словаря академического типа.

Синонимические словари польского языка появляются уже в середине XIX в. Первым был словарь К. Бродзинского²⁴. В конце XIX в. вышел большой словарь А. Красицкого²⁵, содержавший 2993 синонима. В 20-х годах XX в. появляется словарь Р. Завилинского²⁶ (около 20 тыс. синонимов, разделенных на тематические группы).

Однако лучшим словарем синонимов польского языка (и едва ли не лучшим из всех современных словарей синонимов

²⁰ См. A. Dostál. *České a slovenské práce lexikografické*. — «*Slavia*», 1950, roč XIX, seš 3—4.

²¹ J. Mašina, J. V. Běčka. *Stručný slovník českých synonym*. Praha, 1947.

²² J. Zaorálek. *Lidová rčení*. Praha, 1947.

²³ J. Filipец. *Česka synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie*. Praha, 1961.

²⁴ K. Brodzinski. *Synonymy polskie*. Wilno, 1844 («*Dzieła Kazimierza Brodzinskiego*», t. 1X).

²⁵ A. Krasinski. *Słownik synonimów polskich*. Kraków, 1855.

²⁶ R. Zawilinski. *Dobór wyrazów. Słownik wyrazów bliskoznacznych i jednoznacznych*. Kraków, 1926.

¹⁷ Р. Јовановић. Систематски речник српскохрватског језика. Београд, 1938.

¹⁸ См., например, Е. Јобна. *Prehl'ad slovenskej a českej lexikografie*. — «*Slovenska reč*», 1950—1951, roc. XVI, N 9—10.

¹⁹ I. K. Gara j. *Průběh slovníku diferenciálny a synonymický*. Turčiansky sv. Martin, 1937.

славянских языков) является словарь, подготовленный группой языковедов под руководством известного польского лексиколога и лексикографа С. Скорупки²⁷. Этот большой по объему словарь (в нем 448 стр.) выполнен на высоком научном уровне. Созданию словаря предшествовала значительная теоретическая работа. Особенно большую роль здесь сыграли работы по теории синонимов В. Дорошевского и С. Скорупки.

По богатству фактического материала словарь С. Скорупки превосходит все предшествующие славянские синонимические словари. В нем около 30 тыс. синонимов — лексем и выражений. Первую его часть составляет собственно словарь синонимов, т. е. синонимические гнезда, расположенные в алфавитном порядке доминант. Вторая часть словаря — индекс. В структурном отношении словарь С. Скорупки характеризуется некоторыми особенностями.

Синонимы с яркой эмоционально-стилистической окраской, не требующие дополнительной характеристики, в словаре приводятся без поясняющих слов, например *brakorób, partota, partacz* (стр. 45) и под. Наоборот, если член синонимического ряда вступает в различные семантические связи, отличающие его от других синонимов данного ряда, то такие слова обычно сопровождаются иллюстративными выражениями. Правда, это в известной степени нарушает структуру словаря. Составители, однако, сознательно пошли на такой шаг, полагая, что этим они дают читателю в руки не только «чистую» лексическую синонимику, но и список наиболее типичных связей, присущих каждому синониму.

Во многих случаях члены синонимического ряда сами образуют свои синонимические подряды, в состав которых в свою очередь входят какие-то члены этого подряда. Общая структура словарной статьи такова: сначала следует основная доминанта (она набирается полу жирным шрифтом) всего синонимического ряда с указанием наиболее типичных связей, а вся словарная статья разбивается на части — подряды, во главе которых падают частные доминанты (они выделяются разрядкой) с членами своего синонимического подряда. Например: *Dodatek: niewielki, duży dodatek; dodatek funkcyjny, rodzinny, służbowy; dodatek do pensji. Dolewka: Dolewka zupy. Dokładka: Dokładka mięsa. Ko chce dokładki? Domiar: Domiar podatku. D o m i e s z k a, przymieszka: Domieszka miedzi, wody. U z u p e ł n i e n i e: Uzupełnienie zarządzenia. Nowela: Nowela do ustawy. Suplement: Suplement do encyklopedii. Por. część* (стр. 31). Таким образом устанавливается соответ-

ствующая иерархия семантических отношений синонимизирующих лексем: один (верхний) ярус — уровень общих значений (в нашем примере *dodatek||domieszka||uzupełnienie*) и несколько нижних ярусов — уровни частных синонимических значений.

В качестве доминанты выбирается наиболее типичное и чаще употребляющееся слово, как правило исконно польское, а не заимствованное, например: *u h r a n i e - ubiór, odzienie, przyodziewek, strój, szata, kostium, toaleta, uniform, mundur, mundurowanie, liberia, garderoba, konfekcja, fatalaszki, łazki* и др. (стр. 121). Расположение синонимов внутри словарной статьи подчинено такому принципу: чем ближе по значению данное слово к доминанте, тем оно ближе к ней располагается и в словарной статье; сначала следуют нейтральные синонимы, затем те, которые выходят за рамки данного стиля. Если члены словарной статьи (или подряда) семантически сильно отличаются друг от друга, то они отделены звездочкой, например: *Mieszaniec: Mieszaniec dwóch ras. Hybryda. Muł jest hybryda **. *Mułat. Metus. Kundel. Kundel podwórzowy, zwykły* (стр. 86). В конце статьи приводится помета, отсылающая к словам, которые имеют нечто общее в семантическом отношении с членами данного синонимического ряда.

Словарные статьи, посвященные разным частям речи, разрабатываются по-разному. Так, при синонимах-прилагательных подаются наиболее важные и типичные его связи с существительным (вероятно, по этой причине авторы отказываются от толкования значения этих синонимов), например: *Przedni — przedni potost, przednie zęby, nogi u zwierząt* и т. д. (стр. 166). Глаголы приводятся в форме несовершенного вида, но, чтобы показать регулярность синонимических отношений обеих видовых форм, в иллюстрациях подаются глаголы в форме совершенного вида. Если же видовые формы различаются семантически, то каждая форма приводится в отдельных словарных статьях. Приставочные глаголы-синонимы включаются в синонимический ряд в том случае, если приставка вносит в глагол новый оттенок, но не новое значение, выходящее за пределы семантики данной лексемы, причем указываются и лексико-синтаксические связи каждой из приставочных форм глагола. Ср.: *wozić (wode, ludzi), przewozić (towary), podwieźć (kogo pod samą dam)* и т. д. Строго говоря, эти приставочные образования уже не являются синонимами в традиционном понимании этого термина, но такой способ подачи близких (неадекватных) по значению слов как нельзя лучше раскрывает лексическое богатство языка и позволяет свободнее в нем ориентироваться. Разные приставочные образования от одного глагола приводятся и тогда, когда каждое из них характеризуется своеобразием своих

²⁷ Słownik wyrazów bliskoznacznych. Pod red. S. Skorupki [Warszawa, wyd. 1], 1957; wyd. 2, 1958.

синтаксических связей. Интересно решен вопрос и о синонимах-наречиях. Поскольку наречия обладают или очень широкой или очень узкой семантикой, составители обычно приводят весьма большое количество словосочетаний, позволяющих четко разграничить семантику синонимов-наречий.

Продуман вопрос о передаче переносных значений. Последние приводятся после прямых значений без соответствующих помет, ибо переносный характер значений хорошо виден из приводимых иллюстраций. В тех случаях, довольно редких, когда переносное значение не ощущается с достаточной ясностью, используется помета «переносное».

В словаре наряду с лексемами включены и многочисленные фразеологизмы, например: *umierać — przenieść się do wieczności, zejść do grobu, złożyć kości* и др. (стр. 230). Фразеологические обороты используются и для того, чтобы лучше отделить значение данного синонима. Ср.: *Cicho. W klasie zrobito się cicho, jak makijm zasiał; cicho aż w uszach dzwoni, — jak w kościele, jak w grobie, jak w katakumbach* (стр. 21).

В «Индексе» указаны все 30 тыс. синонимов, приведенных в соответствующих синонимических рядах.

Интересный словарь С. Скорупки заслуживает более подробного рассмотрения. Вполне возможно, что не все в этом словаре может быть использовано в нашей лексикографической практике. Однако несомненно, что опыт составителей польского словаря должен быть изучен и учтен при создании новых синонимических словарей, в том числе и академичес-

кого словаря синонимов русского языка. Также полезно будет детально ознакомиться со всем ценным, что накоплено в лексикографической теории и практике славянских народов.

На основании краткого обзора можно сделать вывод о том, что в настоящее время в славянской лексикографии выработано несколько типов синонимических словарей: а) словарь-справочник, состоящий только из синонимических рядов; б) словарь-справочник, указывающий наиболее типичные лексико-синтаксические и семантические связи членов синонимического ряда с другими словами; в) синонимический словарь-толкователь, указывающий общее и различное у членов синонимического ряда и иллюстрирующий каждое значение синонима примерами из произведений художественной литературы²⁸.

²⁸ Специального рассмотрения заслуживают попытки создания славяно-иноязычных синонимических словарей. Ср. Х. М. Икрамова. Построение словарной статьи в русско-таджикском синонимическом словаре. В сб. «Вопросы языкознания». Самарканд, 1967. Несомненный интерес представляет оригинальный (хотя и не во всем совершенный) словарь: С. D. В u c k. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949. По своему характеру это идиографический словарь 31 языка, в котором собрано довольно много синонимов индоевропейских языков.

Л. И. Ройзензон

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

История интернационалистского движения в годы Октябрьской революции и гражданской войны в России занимает в последнее время достойное место в проблематике Великого Октября. К числу публикаций на эту тему принадлежит вышедший в юбилейном году сборник статей — «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции» («Наука», 1967, 347 стр.). Рецензируемый сборник составлен из наиболее важных материалов Всесоюзной сессии, проведенной в ноябре 1965 г. в Одессе Научным советом Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» совместно с институтами истории и славяноведения АН СССР, Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Одесским государственным университетом.

Материалы рецензируемого сборника, несомненно, свидетельствуют о больших

успехах, достигнутых советскими историками в изучении проблемы интернационалистского движения в годы Октября. Это видно как из историографического обзора проблемы, составляющего один из разделов статьи А. Я. Манусевича «Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917—1920 гг.», так и из самого содержания сборника, отражающего целый ряд аспектов этой многогранной и сложной темы.

Успешной разработке вопросов, связанных с историей участия трудящихся зарубежных стран в борьбе за победу и укрепление Советской власти в России, способствовала большая работа, проведенная архивистами СССР по выявлению и изучению документальных источников по истории Великого Октября и в том числе по истории интернационалистского движения. Об итогах этой работы говорится в статьях Л. И. Яковлева «Об источни-

коведческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся» и Р. А. Ермолаевой «Материалы центральных и местных партийных архивов о деятельности интернационалистов в России». В названных двух статьях исследователи этой проблемы найдут много ценных указаний, которые будут способствовать их дальнейшей успешной работе.

В краткой рецензии мы не имеем возможности уделить равное внимание всем 270 статьям, составляющим сборник. Поэтому остановимся лишь на тех из них, в которых в той или иной мере затронута проблематика интернационалистского движения народов зарубежных славянских стран.

В большой содержательной статье А. Х. Клеванского «Некоторые нерешенные проблемы истории военнопленных и интернационалистского движения», наряду с такими общими вопросами, как политика Советского государства по отношению к военнопленным и политика Центральных держав по вопросу репатриации военнопленных из России, специально рассмотрены действия чехословацких мятежников в России и чехословацкого буржуазного правительства по срыву репатриации десятков тысяч чехов и словаков, его борьба против распространения в только что образовавшейся Чехословакии идей Октября.

Интересные малоизвестные данные о формировании весной — летом 1918 г. чехословацких коммунистических групп и секций в Тамбове, Уфе, Саратове, Пензе, Самаре, югославянских — в Самаре, Царицыне и других городах приведены в статье В. Р. Копылова «Из истории интернационалистских организаций военнопленных социал-демократов и местных иностранных групп РКП(б) в 1918 г.».

А. М. Лисецкий в статье «О положении военнопленных в России после победы Февральской революции» сообщает интересные факты, позволяющие ему сделать вывод, что в ряде случаев, особенно там, где Советы активно вмешивались в деятельность военных властей, положение военнопленных удавалось несколько улучшить уже после февраля 1917 г. В статье рассказывается о смелом шаге Бобровского Совета рабочих депутатов, принявшего по просьбе военнопленных чехословаков постановление, фактически освобождавшее их из плена и привравнившее в правах к гражданам России (стр. 116).

В статье А. А. Гамрецкого «Советы Украины — защитники интересов военнопленных», перекликающейся по своей теме и содержанию с предыдущей статьей, на обширном материале показано, как наиболее революционные, главным образом руководимые большевиками Советы Украины вопреки сопротивлению военных и гражданских властей Временного правительства стремились улучшить положение военнопленных. В ряде мест пред-

ставители военнополенных входили в состав Советов. В статье приводится яркий пример защиты Александровским Советом сербских добровольцев от жестокого обращения офицеров (стр. 129).

В статье А. А. Ткачука «Братанне на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов)» братанне справедливо рассматривается как одна из ранних форм интернационализма. К сожалению, из безличной массы «австрийских солдат» автором не выделены представители славянских народов, хотя именно на этих фронтах против окопов русской армии стояли основные контингенты австро-венгерских войск, значительную часть которых составляли солдаты-славяне; это затрудняет исследование вопроса об участии в братании с русскими солдатами чехословацких, югославянских и других славянских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

По мере нарастания антивоенного и революционного движения в армии и в тылу Временное правительство и реакционная военщина все больше и больше приходят к мысли об использовании национальных воинских формирований для подавления революции. Роль душилки русской революции по замыслу Корнилова предназначалась, в частности, и 1-му польскому корпусу, во главе которого был поставлен крайний реакционер генерал Ю. Довбор-Мусьницкий. Большую помощь прогрессивным силам России, возглавляемым большевистской партией, в их борьбе против корниловщины оказали организации польских социал-демократов. Этой яркой странице интернационалистского движения в дооктябрьский период посвящена статья И. И. Белякевича «Группы СДКПиЛ и секции ППС-левичи в России в борьбе против реакционных сил в период подготовки корниловского мятежа».

Славную страницу в историю победы Советской власти на юге Украины вписали красногвардейцы-интернационалисты. В статье А. И. Гуляка «К вопросу о формировании интернациональных отрядов Красной гвардии на юге Украины (1917—1918 гг.)» приводится ряд данных об участии болгарских, польских, чехословацких и югославянских интернационалистов в действиях Красной гвардии накануне установления Советской власти в Одессе и других городах южной Украины и Одесской интернациональной Красной гвардии, сформированной после начала австро-германского наступления. Следует отметить, что А. И. Гуляку не удалось найти подтверждения (ни в документах, ни в мемуарах) утверждениям А. Шипека, согласно которым в Одессе уже осенью 1917 г. имелся красногвардейский отряд, состоящий из словенцев, хорватов и чехов (стр. 160). Это важно, в частности, потому, что сведения из воспоминаний Шипека получили широкое распростра-

нение, особенно в публицистической литературе. Выводы А. И. Гуляка имеют значение и для исследования биографии О. Дундича, ибо, как показывает анализ литературы об этом герое гражданской войны, сведения о действиях Дундича в Одессе в 1917—1918 гг. во многих случаях восходят к воспоминаниям А. Шипека.

Статья А. Д. Бачинского, М. Д. Дыхана и М. Е. Раковского — «Деятельность болгар-интернационалистов на юге Украины (1919 г.)» существенно дополняет сравнительно немногочисленную литературу о болгарских интернационалистах. Следует, однако, отметить, что речь в названной статье идет преимущественно о болгаргах — жителях Юга России, ибо, как отмечают авторы статьи, к началу 1919 г. «большинство болгар-воиннопленных уже вернулось на родину» (стр. 189).

Заключение Брестского мира поставило целый ряд новых и весьма сложных задач перед большевистской партией и советским государством, в частности, и в вопросах политики по отношению к бывшим военнопленным — подданным Центральных держав. «Значительная часть военнопленных славянских национальностей, — пишет А. А. Мальков в статье „Деятельность партийных и советских органов Поволжья среди военнопленных после заключения Брестского мира“, — не понимала необходимости заключения мирного договора. Среди военнопленных славянских национальностей усиленно пропагандировалась „теория“ Масарика о том, что война стран Антанты против германского блока является войной за демократию, войной за защиту малых народов. По этой пресловутой „теории“ выходило, что стремление Советского государства к миру противоречит интересам чехословацкого и других славянских народов. Эта „теория“ успешно пропагандировалась среди солдат чехословацкого корпуса и среди военнопленных славянских национальностей в лагерях. Под ее влиянием находились не только рядовые военнопленные, но и часть деятелей организаций интернационалистов» (стр. 279—280). Партия большевиков пришлось провести очень большую работу среди военнопленных по разъяснению смысла Брестского мира, по разоблачению авантюристических лозунгов эсеров и «левых» коммунистов, по борьбе с подрывной деятельностью иностранных миссий и других врагов. Только с учетом всех сторон этой сложной проблемы можно, на наш взгляд, правильно объяснить, почему немало славян (чехословаков, югославян) оказались в стане врагов революции. И А. А. Мальков, и Н. А. Субаев в статье «Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.)» рассказывают о переходе к белым сербского отряда майора Благотича под Казанью в первые дни белочешского мятежа. Как нам представляется, объяснение Мальковым (стр. 280) причин

этого перехода приведенными выше обстоятельствами более убедительно, нежели вывод Субаева о том, что бойцы этого отряда, «несомненно, были обмануты офицерами» (стр. 287). В статье Н. А. Субаева содержится ряд малоизвестных фактов о деятельности славянских (польских, чехословацких и югославянских) организаций интернационалистов в Татарии, почерпнутых автором из местных архивов и прессы.

Отражая в основном уже намечившиеся направления в изучении интернационалистского движения, рецензируемый сборник одновременно ставит ряд проблем, требующих дальнейшего исследования.

К числу новых сюжетов, до сих пор еще почти не разработавшихся, следует отнести вопрос о роли, которую сыграли иностранные участники и свидетели Октябрьской революции в истории революционного рабочего и коммунистического движения своих стран. Ряд аспектов этой проблемы, заслуживающих пристального внимания историков, отмечен в статье А. Я. Маусевича (стр. 27—30), а А. Х. Клеванский подробно остановился на необходимости глубокого изучения роли «возвращенцев» из России в создании коммунистических партий в своих странах (стр. 106—108)¹.

Началом исследования деятельности «возвращенцев» из России можно считать несколько статей, опубликованных в рецензируемом сборнике. Этой проблеме посвящены статьи Ю. Н. Щербакова «Участие вернувшихся из Советской республики интернационалистов в развитии революционного движения в своих странах», касающаяся деятельности репатриантов из России, преимущественно в Австро-Венгрии, и П. М. Калепиченко «О революционизирующей деятельности польских трудящихся, возвратившихся на родину из Советской страны», положившие начало изучению этой важной темы.

Этой же проблеме посвящена статья И. Д. Очка «Югославянские „возвращенцы“ из России». В ней содержится немало биографических сведений об отдельных югославянских интернационалистах-участниках Октябрьской революции и гражданской войны, ставших впоследствии членами КПЮ. При этом в статье много материала, не имеющего прямого отношения к теме (например, о Сербском добровольческом корпусе в России, о Югославянской группе РКП(б) и др.). Отсутствие глубокого анализа той роли, которую сыграли интернационалисты в развитии революционного движения в Югославии, большое количество неточностей, искажений имен и географических назва-

¹ Вряд ли следует называть этих людей «резмигрантами» (см. стр. 10, 227—228 и др.); правильнее, на наш взгляд, определять их как «репатриантов».

ний в сочетании с перьяшливым стилем изложения и крайне рыхлой композицией вызывает у читателя чувство неудовлетворенности.

Редколлегия сборника — И. И. Миц (ответственный редактор), А. Я. Магусевич (зам. ответственного редактора), М. Е. Раковский, Г. Е. Рейхберг и Л. И. Яковлев — проделала, несомненно, огромную работу, и читатель получил интересную и ценную публикацию, разносторонне отражающую такое многогранное явление, каким было интернационалистское движение в годы Октября. Но как при всякой работе подобного рода, не обошлось без досадных огрехов. Так, во введении к сборнику (стр. 7) приводятся слова В. И. Ленина из письма Горькому: «Нет той мерзости, что в Австрии (где партия делилась по нациям: немцы, австрийцы и т. д. — *Ред.*), у нас не будет». Что это за немцы, существующие в Австрии, наряду с австрийцами? Надо, видимо, ответственно комментировать мысли В. И. Ленина.

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, 1918—1923 гг. «Наука», 1967, 300 стр.

В силу ряда причин (территориальная близость, длительное вхождение значительной части польских земель в состав Российской империи, общность традиций революционной борьбы) Октябрьская социалистическая революция оказала непосредственное и особенно сильное влияние на развитие революционного движения в Польше. Революционная волна, сдерживаемая штыками германских оккупантов, достигла сразу же после освобождения страны из-под оккупации, в конце 1918 г., такого уровня, когда в десятках городов стали возникать Советы рабочих депутатов как зародыши революционной власти, а также Красная гвардия — как вооруженная сила Советов.

Революционной борьбой рабочих руководили две революционные партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и ППС-левица, объединившиеся в декабре 1918 г. в одну партию — Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП).

Однако молодая КРПП тогда еще не овладела ленинской революционной теорией, не освободилась от люксембургских ошибок своих предшественниц, особенно по аграрному и национальному вопросам, и потому не смогла повести за собой большинство рабочего класса, а также приобрести надежного союзника в лице крестьянства. В ходе революционной борьбы КРПП стремилась освободиться от ошибок, овладеть ленинской стратегией и тактикой, изучить богатый революционный опыт РКП(б).

Этот сложный процесс борьбы за пре-

Далее, в сборнике, включающем статьи многих авторов, разумеется, неизбежны отдельные повторы. Но в этих случаях от редакции требуется особая внимательность. Допущенная небрежность вводит читателя в заблуждение, подрывает доверие к сообщаемому факту. Вот пример: в статье А. Х. Клевацкого рассказывается о вооруженном выступлении «запасного батальона 7-го егерского полка в Мурау» (стр. 103); в статье Ю. Н. Щербакова — о восстании «егерского батальона в Мурау» (стр. 225) и, наконец, у И. Д. Очака (стр. 256) — «произошло восстание солдат словенского гарнизона Маруау»!!! Подобных случаев, к счастью, немного, но хотелось бы, чтобы их не было вовсе.

Сборник статей — «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции» — является заметным вкладом советских историков в исследование проблематики интернационалистского движения.

В. В. Зеленин

вращение КРПП в партию ленинского типа, происходивший как в условиях подъема, так и наступившего затем спада революционной волны, явился предметом исследования И. С. Яжборовской.

Монография состоит из трех глав. Первая посвящена изложению событий, предшествовавших образованию КРПП. В ней исследуется сложный процесс постепенного сближения СДКПиЛ и ППС-левицы в ходе национально-освободительного и революционного движения на заключительном этапе мировой империалистической войны, главным образом после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Автор подчеркивает, что сотрудничество между обеими партиями укреплялось и расширялось по мере перехода ППС-левицы на позиции революционной борьбы за диктатуру пролетариата, перехода, который совершался под влиянием революционных событий в России и революционизирования масс в польских землях. Степень революционной зрелости любой социалистической партии в годы империалистической войны определялась отношением партии к этой войне. В книге сопоставляются точки зрения обеих партий. Достаточно аргументированно доказывается, что СДКПиЛ стояла на точке зрения революционного выхода из войны. Менее убедительно представляется вывод автора относительно позиции ППС-левицы — будто и она стояла за революционный выход из войны (стр. 15). В действительности же не только в начале войны, т. е. в 1914 г., но даже год спустя

ППС-левица по вопросу об отношении к империалистической войне склонялась к позиции центристов. Это ясно показала Циммервальдская конференция социалистов, состоявшаяся в начале сентября 1915 г. Участвовавшие в ее работе представители ППС-левицы не присоединились к созданной В. И. Лениным «Циммервальдской левой», продолжая поддерживать центристов¹. Это же центристское большинство на конференции, поддержанное ППС-левицей, отвергло ленинский проект резолюции и манифеста, в котором выдвигалось в числе других требование революционного выхода из войны путем превращения империалистической войны в гражданскую. Свою позицию по этому вопросу ППС-левица переменила уже под влиянием Октябрьской революции — тогда ППС-левица твердо стала на позицию социалистической революции, что явилось одним из важнейших моментов, ускоривших ее объединение с СДКП(Л).

В книге рассказывается об исключительно тяжелой обстановке, в которой вела свою работу в массах молодая КРПП, вынужденная вследствие жестоких полицейских репрессий уйти в подполье. Но и в этих условиях КРПП выступала как революционный авангард рабочего класса. Автор на обширном материале воспроизводит картину борьбы КРПП за создание, по примеру пролетариата России, Советов рабочих депутатов. Приводится много документальных данных, свидетельствующих о том, что КРПП стремилась сделать Советы центрами борьбы за захват власти пролетариатом. Рассказывается живо и ярко о большой роли, которую в развитии революционного движения сыграли возвратившиеся на родину из Советской России польские беженцы и бывшие солдаты русской армии. Многие из них были непосредственными участниками революционных событий в России. Возвратившись в Польшу, они становились пламенными агитаторами за революционные преобразования, активно участвовали в создании Советов, зачастую становясь во главе их, являлись организаторами Красной гвардии.

Автор концентрирует свое внимание на исследовании тех причин, которые помешали КРПП сплотить вокруг себя большинство революционного рабочего класса, повести на борьбу со старым строем крестьянские массы, — причины, которые способствовали торжеству контрреволюции, утверждению власти буржуазии и помещиков в Польше. И вполне оправданно, что в книге много места отведено анализу ошибок КРПП по аграрному и национальному вопросам. Автор прослеживает

трудный путь партии — через острые дискуссии, яростное сопротивление противников — к утверждению ленинских установок. Автор отмечает, что начало решительного поворота КРПП к ленинизму связано с работами III конференции партии, состоявшейся в апреле 1922 г. Конференция признала необходимым пересмотр аграрной программы партии в направлении поддержки борьбы безземельных и малоземельных крестьян за землю. КРПП уже стала рассматривать крестьянство как союзника рабочего класса в революционной борьбе.

В книге убедительно показано влияние учения В. И. Ленина, в частности его труда «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», на формирование стратегии и тактики КРПП: КРПП пересмотрела свое отношение к буржуазному парламенту, решив перейти от тактики бойкота выборов в польский сейм к участию в них с целью использования трибуны сейма для борьбы с буржуазным строем; усилилась работа партии в профсоюзах, больничных кассах и других массовых организациях рабочего класса.

В книге на более широком, чем в предшествующих работах, документальном материале рассказывается о том, какое большое значение придавал В. И. Ленин развитию революционного движения в Польше, как внимательно следил за деятельностью КРПП. И. С. Яжборовская, пожалуй, впервые в нашей историографии обстоятельно анализирует письмо В. И. Ленина польским коммунистам от 19 октября 1921 г., содержание которого лишь сравнительно недавно стало достоянием широких кругов читателей². И. С. Яжборовская подчеркивает, что предостережение В. И. Ленина от преждевременного выступления, его советы не поддаваться на провокацию, а «во что бы то ни стало вырастить революцию до полного созревания плода»³ оказали КРПП неоценимую помощь в выработке новой революционной стратегии и тактики в обстановке спада первой революционной волны, в борьбе за единый фронт.

Однако в КРПП вначале не все понимали необходимость установления единства рабочего класса. Автор анализирует процесс острой внутрипартийной борьбы вокруг вопроса о едином фронте, предшествовавшей принятию этой тактики всей партией. С другой стороны, КРПП наталкивалась на резкое сопротивление руководства партии польских социалистов (ППС), не желавшего иметь никаких контактов с коммунистами. Естественно, КРПП была вынуждена обращаться через голову руководства ППС к ее партийным низам и к тем рабочим и профсоюзам, которые находились под влиянием ППС.

¹ См. F. T u c h. Z dziejów PPS-lewicy w latach wojny 1914—1918. В сб. «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923», Warszawa, 1960, s. 206.

² См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 180—181.

³ Там же, стр. 181.

Это обстоятельство укрепляло некоторых руководителей КРПП в мнении, что с руководством ППС вообще не следует вести никаких переговоров о совместных выступлениях. Однако было бы ошибочным, по нашему мнению, искусственно распространять эту точку зрения на все руководство КРПП. Между тем И. С. Яжборовская, ссылаясь на резолюцию ЦК партии от января 1922 г., явившуюся откликом на тезисы Исполкома Коминтерна о едином фронте, приходит к иному выводу. Резолюция ЦК призвала пролетариат Польши к совместной борьбе за удовлетворение частичных требований, к борьбе против исключительных законов польского правительства — единым фронтом, «вопреки усилиям соглашательских вождей». Однако автор приводит упомянутую резолюцию лишь для того, чтобы подкрепить свои выводы о том, что КРПП в то время «еще не отрешилась от прежней узкой, пропагандистской (?) трактовки лозунга о едином фронте» (стр. 227).

Но обратимся к резолюции III конференции КРПП, состоявшейся всего лишь два месяца спустя, которая одобрила решение берлинской конференции трех интернационалов, касающееся восстановления единого фронта во всех странах. Кстати, резолюция III конференции КРПП уже исходила из вероятного противодействия лидеров социалистических партий и Амстердамского интернационала создававшемуся единому фронту масс и ориентировала партию на использование этого для критики позиций соглашательских партий⁴.

Специальный раздел посвящен II съезду КРПП, явившемуся исключительно важным этапом на пути превращения

КРПП в партию ленинского типа. На II съезде, состоявшемся осенью 1923 г., в полной мере, пишет автор, выявилось стремление партии взять на вооружение идеи Ленина, опыт Октябрьской революции, применение его в практической работе по подготовке революционных преобразований в Польше. Большинство участников съезда выступило с позиций понимания ленинской теории о крестьянстве как союзнике рабочего класса в борьбе за власть, и съезд «в целом решил аграрный вопрос по-ленински» (стр. 290). Съезд признал необходимым выработать и по национальному вопросу программу, исходя из ленинских установок, что, как отмечает автор, явилось крупной победой ленинских идей в КРПП.

В книге уделено много внимания освещению борьбы КРПП за установление дружественных отношений между польским народом и народами советских республик, приводятся многочисленные факты выступлений партии в защиту советских республик. КРПП смело разоблачала империалистические планы пилсудчиков, решительно выступала против антисоветской войны, развязанной польскими правящими кругами в 1920 г., против захвата польским империализмом белорусских, украинских и литовских земель.

В целом монография И. С. Яжборовской, несомненно, представляет собой серьезное научное исследование, а в советской историографии первую попытку научного анализа истории борьбы компартии Польши за овладение теорией и практикой ленинизма, истории благотворного влияния Октябрьской революции и идей Ленина на развитие революционного движения в Польше в первые годы деятельности КРПП.

П. Ольшанский

⁴ См. KPP. Uchwały i rezolucje, t. I. Warszawa, 1953, s. 142, 143.

Незборима сила ідей Жовтня. Матеріали наукової сесії «Історичне значення Великої Жовтневої соціалістичної революції в житті українського і польського народів». В-во Київськ. ун-ту, 1967, 184 стор.

Рассматриваемое издание содержит материалы научной сессии, посвященной историческому значению Великой Октябрьской социалистической революции. Сессия была проведена в декабре 1966 г. в Киеве Украинским обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Украинским отделением Общества советско-польского дружбы совместно с Институтом истории АН УССР и Министерством высшего и среднего специального образования УССР.

В докладах д-ра истор. наук А. В. Лихолата и научного сотрудника Института истории польско-советских отношений ПАН доктора Эузэбуша Басиньского имеется интересный материал об уста-

новлении Советской власти на Украине и о том решающем влиянии, которое оказала Октябрьская революция на исторические судьбы польского народа. Польский ученый, широко используя документы того времени, убедительно доказывает, что только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным восстановление независимого Польского государства. Он приводит факты, свидетельствующие о внимании молодой Советской страны к национальным интересам польского народа. Это проявилось в создании Польского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, в декрете об охране памятников и произве-

дений искусства польского народа. Э. Басинский подчеркнул значение идей Великого Октября для Польши: «Дважды за последние полстолетия ленинские идеи Великого Октября сыграли освободительную роль в истории польского народа. В конце первой мировой войны они дали возможность Польше вырваться из иностранного ига, а в конце второй мировой войны спасти польский народ от уничтожения гитлеровскими извергами, дали возможность вернуть ему старинные пясковские земли, ввели Польшу в великое социалистическое содружество народов во главе с Советским Союзом» (стр. 47).

В годы борьбы за установление Советской власти на Украине немало интернационалистов — сербов и болгар, чехов и словаков, поляков и венгров, немцев и румын. Ст. научн. сотр. Института истории АН УССР П. М. Калениченко рассказал о деятельности СДКПнЛ и ППС-левицы на Украине, показал эволюцию взглядов руководства левых пепезовцев, свидетельством чего явилось их участие в работе II Всеукраинского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в марте 1918 г. в Екатеринославе. Докладчик остановился на малоосвещенной деятельности органов Советской власти по защите интересов поляков, оказавшихся в нашей стране. Он сообщил об организации и выпуске периодических изданий польскими интернационалистами, о работе среди молодежи.

В докладе доктора Зыгмунта Ижиковского (Познань) анализируется политика буржуазно-помещичьей Польши в отношении к Советской Украине в 1918—1921 гг. Подробно характеризуется война между Польшей и Страной Советов, которая по существу являлась войной между силами международного империализма и силами социалистической революции.

Новое поколение польских трудящихся в сложных условиях буржуазно-пеме-

щичьего польского государства продолжало бороться за свое социальное освобождение; в докладе канд. истор. наук А. Д. Ярошенко освещена совместная борьба украинских и польских трудящихся на западноукраинских землях под руководством КПП и КПЗУ.

Новую страницу дружбы советского и польского народов вписала Великая Отечественная война. В огне титанической борьбы выковались прочные узы нерушимого братства народов СССР и Польши. Плечом к плечу сражались героические советские и польские партизаны против общего врага. Рейды партизанских соединений дважды Героев Советского Союза С. А. Ковпака и А. Ф. Федорова и активизация в связи с этим партизанского движения на Волыни, в Восточной Галиции и Польше освещаются в докладах контр-адмирала Юзефа Собесяка, который в годы войны был одним из руководителей партизанского движения в Западной Украине, и заведующего отделом Института истории АН УССР, Героя Советского Союза В. И. Клокова. Значительными событиями в борьбе против фашизма было создание в 1944 г. Польского штаба партизанского движения, в распоряжение которого были переданы польские партизанские формирования. Польским партизанам была оказана значительная материальная помощь Украинским штабом партизанского движения.

О послевоенном периоде — периоде тесного экономического, научно-технического сотрудничества между советским и польским народами — рассказали д-р истор. наук И. Ф. Евсеев и председатель правления Украинского отделения Общества советско-польской дружбы Н. А. Скачко.

Интересны и воспоминания дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова, генерал-майора запаса А. Л. Кроника, докторанта Стефана Козака.

Н. Е. Индутьна

СИЛА ПРОЛЕТАРСКОГО ЕДИНСТВА

В современных условиях в борьбе против гнета монополий идет сложный процесс формирования широкого антиимпериалистического фронта, ядром и руководителем которого выступает рабочий класс. В связи с этим важной задачей является преодоление раскола в рабочем движении, обеспечение монолитной сплоченности всех его рядов. Поэтому большое научное и общественное практическое значение имеет изучение опыта борьбы коммунистических партий за единство действий рабочего класса и всех трудящихся на разных исторических этапах и в различных странах. Каждая коммунистическая партия, каждое национальное рабочее движение вносят вклад в решение этой важнейшей

проблемы всемирного социально-исторического прогресса.

Издательство Болгарской коммунистической партии в 1967 г. выпустило в свет монографию Георгия Радева¹, посвященную героической борьбе компартии Болгарии за укрепление единства рабочего класса в условиях монархо-фашистского режима. Самоотверженная работа коммунистов по сплочению рядов болгарского пролетариата увенчалась успехом и тем самым были заложены основы для создания народного антифашистского фронта,

¹ Георгий Радев. Единият пролетарски фронт (1934—1939 гг.). Изд-во на БКП. София, 1967.

сыгравшего решающую роль в последующей истории Болгарии.

Борьба БКП за обеспечение пролетарского единства в 1934—1939 гг. не нашла пока достаточно полного освещения в исторической литературе. Книга Радева представляет собой одну из первых попыток полно осветить проблему, показать особенности и разнообразные формы работы партии среди масс в целях привлечения их под знамя единого пролетарского фронта.

Автор исследует сложную тему на основе глубокого изучения ленинских работ, в которых рассматриваются вопросы стратегии и тактики коммунистических партий. Показано значение для выработки правильной политической линии БКП и ее практической работы выступлений выдающегося деятеля болгарского и международного революционного рабочего движения Г. Димитрова. Радев привлек много новых, ранее не публиковавшихся архивных материалов, что также составляет существенное достоинство монографии.

Анализ проблем, поставленных в исследовании, ведется при строгом соблюдении принципов научного историзма, объективности и марксистско-ленинской партийности. Первую главу автор посвятил положению в стране накануне и после военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г. Он показал трудности развертывания борьбы партии за единство рабочего класса Болгарии. Отметив стремление фашистских правящих кругов, сочетавших дикий террор с разнузданной демагогией, изолировать компартию от всех демократических сил, Радев подчеркнул, что власти старались расколоть рабочий класс. С этой целью в Болгарии были созданы так называемые государственные профсоюзы рабочих и служащих, в которых к концу 1935 г. насчитывалось около 80 тыс. рабочих (стр. 50). Кроме того, некоторая часть рабочих испытывала буржуазное и мелкобуржуазное влияние, находясь в составе различных реформистских, анархистских и других профсоюзов.

В этой обстановке, отмечает автор, важная роль принадлежала организованности и правильной стратегической и тактической линии партии. Между тем тогдашнее руководство БКП придерживалось ошибочной сектантской тактики, изолировавшей партию от масс. Вместо политики совместных действий с социал-демократической партией, Земледельческим народным союзом, различными профсоюзными и массовыми организациями в общей борьбе против фашизма проводилась линия на их «разоблачение» и «изоляцию».

Автор отмечает, что для решения проблемы единого пролетарского фронта надо было прежде всего ликвидировать лево-сектантские взгляды и практику в дея-

тельности НБКП, разработать правильную политическую линию, отвечающую новой обстановке. Он показывает большую роль Коминтерна, Заграничного бюро партии и Профинтерна. Важной и достаточно аргументированной представляется мысль автора о том, что, несмотря на трудности и ошибки, уже в 1935 г. наблюдалось усиление совместных действий коммунистов, социал-демократов и других антифашистов в среде рабочего класса. В книге ведется полемика с теми болгарскими историками, которые утверждают, что во второй половине 1934 и в 1935 гг. в стачечном движении не было перемен. Радев считает, что в этот период наблюдается оживление в рабочем движении и доказывает это.

На основе анализа многочисленных фактов и документальных данных делается правильный вывод о том, что длительный поворот в партийной работе произошел после исторических решений VII Конгресса Коминтерна и VI Пленума ЦК БКП. VII Конгресс Коминтерна указал, что главным содержанием единого пролетарского и народного фронта является совместная борьба всех демократических сил против фашизма. Автор показывает, как VI Пленум ЦК БКП нацелил партию на создание единого пролетарского фронта совместно с социал-демократами и другими антифашистами и выработал практическую программу действий.

В двух последующих главах Радев обстоятельно анализирует практическую деятельность партии по укреплению единого рабочего антифашистского фронта на основе нового марксистско-ленинского стратегического и тактического курса. Используя богатый фактический материал, он показывает две стороны решения проблемы единого фронта: борьбу за непосредственные экономические интересы трудящихся и борьбу за восстановление и защиту политических прав и свобод, демократии и мира. В этих разделах прослеживается содержание, формы и методы борьбы коммунистов за сплочение пролетариата и всех антифашистских сил. На основе единого фронта классовая борьба пролетариата поднималась на новую ступень и стала более эффективной. Так, болгарские трудящиеся принудили правящие монархо-фашистские круги пойти на ряд уступок (стр. 113, 125 и др.), показав силу единства рабочих и всех трудящихся, сплоченных в антифашистский фронт под руководством Болгарской коммунистической партии.

Рассматривая богатый арсенал форм и методов работы коммунистов в гуще масс, автор придает особое значение использованию легальных средств, в частности работе в государственных профсоюзах (стр. 94, 97, § 2 гл. 3 и др.). При этом коммунисты ставили следующие задачи: «Борьба против капитала, борьба

против фашизма и внутривпрофсоюзная демократия»².

Г. Радев отмечает, что компартия не считала обязательным организационно-политическое единство с социал-демократической партией, а установила тесные контакты с ее рядовыми членами, что привело к укреплению в ней левого крыла и созданию предпосылок для перехода его на марксистско-ленинские позиции. Подчеркивая необходимость тесного взаимодействия по партийной линии, автор показывает, что основной «механизм» единого фронта (комитеты, комиссии и т. д.) создавался прежде всего на предприятиях, в гуще рабочего класса.

Большое внимание уделено в книге работе партии с пролетарской молодежью и показу той роли, какую сыграла партия в создании антифашистского фронта.

Успехи в деятельности партии по созданию и укреплению единого рабочего фронта автор связывает с правильной стратегией и тактикой, с процессом большевизации БКП. «Именно успешная большевизация партии, — пишет он, — обеспечила достижение таких больших

² Г. Д и м и т р о в. Избр. произв., т. 1. М., 1957, стр. 424.

результатов по линии единого пролетарского фронта», подчеркивая интернациональное значение опыта КПСС, на который опирались болгарские коммунисты.

На наш взгляд, книга выиграла бы, если бы ей было предпослано более обстоятельное введение, посвященное основным теоретическим вопросам темы, которые связаны с современными проблемами коммунистического движения. Следовало бы подробнее разобрать литературу, имеющуюся по вопросам истории создания единого антифашистского фронта в Болгарии. Документальная оснащенность книги, как уже отмечалось, является бесспорным ее достоинством, однако она несколько перегружена фактическим материалом (например, в гл. 3).

В целом монография Г. Радева представляет серьезное исследование важных проблем истории болгарского и международного коммунистического движения, истории борьбы против фашизма в последнее пятилетие перед второй мировой войной, которые сохраняют актуальность, научное и политическое значение для современного коммунистического движения.

В. И. Владимирская

F. GESTRIN, V. MELIK. Slovenska zgodovina 1792—1918. Ljubljana, 1966.

Ф. ГЕСТРИН, В. МЕЛИК. Словенская история 1792—1918

Рецензируемая книга представляет собою второе издание труда этих же авторов¹. В борьбе с буржуазной идеологией за становление марксистской науки в словенских землях первое издание, несомненно, сыграло свою положительную роль. Вместе с тем оно отражало и слабость словенской марксистской науки того времени. Краткость изложения материала в этой книге, доходившая до схематичности, в значительной степени объяснялась неразработанностью многих проблем новой словенской истории.

За 16 лет, прошедших между первым и вторым изданием труда Ф. Гестрина и В. Мелика, словенская историческая наука сделала значительные успехи. Появились серьезные исследования Ф. Цвиттера, Б. Графенауера, Д. Керманвера, Р. Киевского, Я. Плетерского и др. Во втором издании расширены и хронологические рамки работы. Если конечная дата — 1918 г. — кажется нам вполне оправданным рубежом в истории Словении, знаменующим освобождение ее от тысячелетнего немецкого гнета и вступление в югославское государство на правах автоном-

ной единицы, то 1792 г., по нашему мнению, не является сколько-нибудь важной вехой ни в социально-экономическом, ни в национальном развитии словенцев. На наш взгляд, более оправданным было бы начать изложение с 60-х годов XVIII в., ибо, во-первых, без реформ Марии-Терезии и Иосифа II невозможно понять социально-экономическое развитие словенцев в конце XVIII — первой половине XIX вв., а, во-вторых, именно в это время зарождается словенское национальное движение. В 1768 г. вышла «Краинская грамматика» Марко Похлина, которая содействовала пробуждению национального самосознания в Словении; развертывается деятельность янсенистов и кружка Цойса. Практически и сами авторы вышли за рамки собственной хронологии, коснувшись как реформ просвещенного абсолютизма, так и деятельности первых словенских просветителей (стр. 7—8, 13—15, 26—27).

Достоинством второго издания книги Ф. Гестрина и В. Мелика является сравнительный анализ положения и национального движения словенцев в различных провинциях габсбургской монархии: Штирии, Каринтии, Крайне, Приморье. Удачны разделы, посвященные промышленности и торговле Словении.

¹ F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina 1813 do 1914. Ljubljana, 1950.

В частности, в книге ставится вопрос о промышленной революции, рассматриваются причины развития и упадка ряда отраслей словенской промышленности, показывается роль Триеста в экономическом развитии Словении и т. д. Интересны разделы о политике германизации, о просвещении и культурной жизни, о национальном и рабочем движении в словенских землях. В книге подробно описаны события 1848 г., всесторонне рассмотрены программы словеских либералов и консерваторов в 60—70-е годы XIX в., их отношение к рабочему движению и Парижской коммуне.

Интересны страницы, посвященные откликам словенской общественности на балканские события середины 70-х годов XIX в., экономическому сотрудничеству чешской и словенской буржуазии в борьбе против засилья немецкого капитала в словенских землях и т. п.

Заслужено авторов «Словенской истории» является исследование причин возникновения в конце XIX в. клерикализма в словенском национальном движении. Особенно интересны страницы, посвященные Янезу Креку. Нам кажется вполне приемлемой характеристика авторами взглядов Крека как разновидности христианского утопического социализма. Вместе с тем, по нашему мнению, следовало бы сильнее подчеркнуть, что в эпоху пролетарских битв и существования научного социализма, утопический социализм Крека не мог играть прогрессивной роли, ибо отвлекал трудящиеся массы от классовых борьбы.

Убедительно показано в книге и развитие югославянской идеи у словенцев, видоизменение ее на протяжении десятилетий. К сожалению, деятельность

и идеология предшественников югославянского течения в словенском национальном движении — иллиров освещается очень скупо. А ведь с конца 30-х годов и вплоть до революции 1848 г. сторонники иллиризма играли важную роль в словенском национальном движении. Иллиры были создателями одной из первых читален в словенских землях (Целовец, ок. 1845), они участвовали в создании первой словенской политической программы Объединенной Словении. Во всяком случае их деятельность имела для словенцев не меньшее значение, чем деятельность кружка Преперна. Кстати, радикализм последнего авторы, по нашему мнению, несколько преувеличили. Вряд ли можно говорить что он, как утверждается в книге, «бескомпромиссно против всей общественной и политической системы» и что «его конечной целью было: полная независимость и самостоятельность словенского народа» (стр. 85). Слабо, на наш взгляд, освещен в книге вопрос о развитии сельского хозяйства в словенских землях. Это, по-видимому, объясняется в первую очередь отсутствием по данному вопросу монографических исследований. Вызывает также возражения и употребляемый авторами расплывчатый и лишенный конкретного социального содержания термин «маленький человек».

Однако несмотря на некоторые недочеты, книга Ф. Гестрина и В. Мелика заслуживает высокой оценки как первый в марксистской литературе труд, освещающий этот, столь важный в истории словенцев период.

И. В. Чуркина

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ СЕРБСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

По инициативе Института истории рабочего движения Сербии, Исторического архива Воеводинского областного комитета Союза коммунистов Сербии и Исторической комиссии Косово-Метохийского областного комитета Союза коммунистов Сербии с 1967 г. в Белграде началось издание периодического сборника исторических трудов под названием «Токови револуције»¹. Целью сборника является публикация работ, в которых бы исследовались как крупные проблемы из исто-

рии сербского рабочего движения, так и отдельные частные вопросы по этой проблематике.

Первый том, вышедший в 1967 г., содержит ряд работ, посвященных истории рабочего движения в Сербии и Воеводине во второй половине XIX — начале XX в.², борьбе молодежи Сербии против оккупантов в первый год Народно-освобо-

¹ В редколлегию сборника входят директор Института истории рабочего движения Сербии д-р Богумил Храбак, д-р Иован Марьянович, д-р Сергие Дмитриевич, д-р Бранко Бошковиц, д-р Йосип Мирнич, Али Хадри, Данпло Кеичич, публицист Слободан Босильич и Мирослав Николич.

² М. В у к о м а н о в и ћ. Радничке организације у Србији до 1903. године; К. Ч е х а к. Војвођанске испоставе Опште радничко-болесничке и инвалидске кесе (1874—1879); С. Д е в и ћ - У б а в и ћ. Српска социјал-демократска партија и женски покрет у Србији 1903—1914. године; Ј. И в а н о в и ћ. Акције радничке класе у Србији у вези са доношењем Закона о радњама од 1905. године.

дательной войны³, о зверствах фашистских оккупантов в Банате в 1941—1944 гг.⁴

Второй том сборника вышел из печати в феврале 1968 г. Его содержание разнообразнее, исторические рамки опубликованных в нем исследований расширились. Том в основном посвящен пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Он открывается статьей д-ра Богумила Храбака о югославянских советах в России и на Украине в 1919—1921 гг., содержащей ряд новых сведений о возникновении и развитии югославянских Советов рабочих и крестьян в первые годы Советской власти, о деятельности югославянских интернационалистов — членов Советов⁵. Статьи воеводинских историков Данило Кецича, Миленко Палича и Джордже Мплановича посвящены истории Коммунистической партии Югославии и рабочего движения на территории Воеводины в первое десятилетие существования Югославского го-

³ М. Боркович, СКОЈ и оmlаднички покрет у Србији од априла до краја 1941. године.

⁴ Б. Ивковић. Уништење Јевреја и плачка њихове имовине у Банату 1941—1944.

⁵ Б. Храбак. Југославенски совети у Русији и Украјини 1919—1921. године.

сударства⁶. Ряд статей посвящен развитию рабочего движения в Бачке в 90-х годах XIX в. и истории Сербской социал-демократической партии в 1903—1914 гг.⁷ В статье Милутина Фолчи рассказывается о деятельности коммунистов Косова и Метохии в югославской армии накануне нападения фашистов на Югославию и в период так называемой «апрельской войны» 1941 г.⁸

В печать сдан третий том сборника.

⁶ Д. Кецић. Комунисти Војводине у изборима за Конституанту 1920. године; М. Палић. Првостајске прославе у Војводини од 1922. до 1928. године; Б. Милановић. Иволацја и распад РПЈ и СКОЈа у Војводини за време шестојануарске диктатуре од 1929. до 1931. год.

⁷ Ш. Месарош. Развитак радничког покрета у Бачкој од формирања социјал-демократске партије Угарске до четвртог конгреса (1890—1896); М. Топаловић. Српска социјал-демократска партија на општинским изборима 1903—1914; С. Браво. Радничке социјалистичке школе у Србији 1903—1914. године.

⁸ М. Фолчи. Рад комуниста Косова и Метохије у бившој југословенској војсци учесника у априлском рату 1941. год.

Надежда Йованосич

С. АНТОЛЯК. *Помошни историски науки*. Издание на универзитетот от во Скопје. Скопје, 1966, 449 стр.

С. АНТОЛЯК. *Вспомогательные исторические дисциплины*

При чтении книги профессора философского факультета в Скопье Степана Антоляка нередко возникает желание поспорить с автором. Можно спорить, скажем, по поводу того, как толковать само понятие «вспомогательные исторические дисциплины». Автор, например, относит к ним археологию, филологию, антропологию, этнографию (стр. 5), хотя они давно уже считаются самостоятельными науками. Но тот метод отбора материала, который автор применил в своей книге, на наш взгляд, бесспорен: крупный историк-исследователь и знаток югославских (главным образом, хорватских) архивов, С. Антоляк уделил основное внимание палеографии, дипломатике и архивному делу (характеристика этих дисциплин полна и разносторонняя); в сжатой форме им освещены также хронология, сфрагистика, геральдика и генеалогия.

Структура каждого раздела, посвященного отдельной дисциплине, примерно одинакова. Он открывается историческим очерком развития научной дисциплины, до XIX в., как правило, предельно сжа-

тым, в XIX—XX вв. — значительно более развернутым; при этом палеография и архивное дело характеризуются начиная с римской эпохи. Затем определяется предмет занятий специалиста в данной области (особенно подробно в разделе об архивном деле), характеризуются тексты, с которыми он имеет дело, дается классификация источников, методика палеографического анализа, система изучения печатей или составления генеалогических таблиц и т. п. Как и во всяком издании подобного рода, в книге С. Антоляка много текстов, приводимых в качестве образцов, таблиц и списков литературы (хотя полнота последних не везде одинакова), что придает ей характер справочника широкого профиля для специалистов-историков. Приходится сожалеть, что такой фундаментальный труд издан способом ротационта.

Большой интерес представляет материал о развитии вспомогательных исторических дисциплин в Югославии, содержащийся в каждом из разделов, посвященных отдельным сюжетам. Читатели

ясно видит, что югославская наука является составной частью общеевропейской науки.

Остановимся на содержании основных разделов книги.

Страницы, посвященные греческой палеографии (стр. 19—28), играют явно дополнительную роль — основное внимание автор уделяет палеографии латинской. Немалый интерес представляет исторический очерк развития латинского письма в древности, характеристика каролингского минускула, особенно его разновидности «беневентаны», появившейся в Далмации в IX в. и получившей распространение в XIII—XIV вв. При этом автор в соответствии с существующей традицией относит появление минускула к VIII в. А между тем несколько лет назад появилась и получила признание выдвинутая Ж. Маллоном в его «*Paléographie romaine*» (Paris, 1952) теория о возникновении минускульного письма уже в III в. Таким образом, возникновение этой, до сих пор считающейся чисто средневековой системы письма отодвигается к римской эпохе, в связи с чем изменяется и содержание понятия «римского наследства»¹, полученного народами средневековой Европы в области письменности². Однако С. Антоляк обходит полным молчанием это открытие. Трудно ожидать, конечно, что все новые научные концепции будут сразу же учитываться в учебных пособиях, по серьезно аргументированная позиция Ж. Маллона заслуживает упоминания хотя бы в историографической части книги.

В разделе о палеографии, безусловно, нуждается в расширении чересчур сжатый параграф об аббревиатурах. Здесь следовало бы не только сообщить о наиболее распространенных системах сокращений (путем суспензий, сигл, контракций), но и привести побольше примеров чаще всего встречающихся аббревиатур; таблицы на стр. 65 явно недостаточны. Интересен раздел о миниатюрах, техника их воспроизведения в книге оставляет желать много лучшего. Автор не стремится (и это, на наш взгляд, правильно) разрешить сложный и давно дебатирующийся вопрос о происхождении кириллицы и ее соотношении с глаголицей; он лишь сообщает краткие сведения о распространении этих систем письма и приводит сравнительные таблицы знаков. Он особо отмечает роль Климента Охридского в усовершенствовании кириллицы (отсюда и ее название в отдельных памятниках IX—X вв. — «климентица»), уточняет время появления устава и скорописи в южнославянских странах и обращает внимание на те изменения, которые претерпе-

ла кириллица у южных славян. Подробно охарактеризованы латинские и греческие (византийские) грамоты, анализируется их состав. Автор тщательно разбирает, что такое инвокация, ипитуляция, инскрипция, аренга, промульгация, диспозиция, аппрекация, корроборация и пр.; где применяются и как модифицируются эти части грамоты (стр. 143—153).

Большой интерес представляет раздел, содержащий характеристику публично-правовых документов (грамот) из разных областей, ныне составляющих Югославию, — из Хорватии с Далмацией и Славонией, Боснии, Хума (Герцеговины), Зеты, или Дукли, Сербии. Грамоты, относящиеся к территории Македонии, характеризуются вместе с греческими источниками. Автор не ограничивается лишь анализом состава, содержания и системы оформления грамоты; он приводит и краткую историю местных канцелярий. Заслуживают внимания страницы, на которых рассказывается о развитии нотариата в Далмации и Дубровнике — о появлении нотариусов с XI в., превращении нотариата в публично-правовой институт в XIII в., итальянском влиянии на развитие нотариальной службы в Далмации (акты полатыни составлялись в Дубровнике уже с XII в., в то время как первые славянские документы — «писания» — появляются здесь лишь в 1238 г.). Хотелось бы только, чтобы более четко были даны определения таких документов, как *memoriale*, *notitia*, *instrumentum* — различие между ними для читателя остается неясным.

Глава об архивном деле — самая обширная; она составляет треть всей книги (стр. 296—447). В ней содержится подробная информация о том, как следует организовать в архивах контроль за текущим делопроизводством, сбор, хранение и реставрацию документов, что такое научно-информационные средства, как вести микрофильмирование и создавать микротексти, в чем заключается научная и культурно-просветительная работа в архивах, каким должно быть внутреннее устройство архивных помещений. Значительное внимание С. Антоляк уделяет организации архивной службы в СССР. Для историка-слависта особый интерес представляют очерки истории развития архивов и архивной службы (автор, хоть и не всегда последовательно, разделяет эти понятия) в югославских землях. Так, раньше всех был создан знаменитый дубровницкий архив (XIII в.); он существует и по сей день (любопытно, что даже шкафы для хранения документов остались теми же). Значительно позднее (в XVII в.) появляется еще несколько архивов: в 1625 г. создается архив в Задаре; сейчас это — одно из крупнейших государственных архивохранилищ Югославии; в 1643 г. в Загребе возникает архив для Хорватии и Славонии, а с 1744 г. появ-

¹ См. А. Д. Л ю б л и н с к а я. Новая теория развития позднеримского письма. — В сб.: «Средние века», вып. XI. 1958, стр. 145—155.

ляется и хорватская архивная служба. В Словении регистрация актов начинается в XVI в., но к сбору документов приступают только в XIX в.; в остальных землях архивы еще моложе — в Сербии они возникают с 1846 г., а в Боснии — с 1865 г.

Не все разделы книги написаны одинаково. Некоторые главы (например, посвященные сфрагистике и геральдике) отличаются лаконичностью, другие перепасыщены материалом, в третьих (особенно в главе о дипломатике) встречаются повторы. Пополнить можно было бы

и списки литературы. В них заметны досадные пробелы: автору, например, остались неизвестными работы О. А. Добляш-Рождественской, Л. В. Черепнина и ряда других советских исследователей. И тем не менее в целом книга профессора С. Антолика заслуживает высокой оценки. Она является одним из наиболее крупных пособий подобного рода в современной югославской литературе и вносит несомненный вклад в развитие молодой македонской историографии.

М. М. Фрейденберг

ПОЛЕЗНЫЕ ИЗДАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ АРХИВИСТОВ

За последние годы сотрудники Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде подготовили и выпустили в свет несколько изданий, необходимых ученым различных отраслей знания, в том числе и славистам.

В сравнительно небольшой книге Л. Е. Шепелев¹, ориентируясь в основном на документы XIX — начала XX, в., объясняет важнейшие архивные термины (архивный фонд, фондообразователь, единица хранения и т. д.); рассказывает о системе научно-справочного аппарата к архивным материалам, начиная от справочника «Государственные архивы СССР» и путеводителей по отдельным архивам и кончая описями отдельных фондов, тематическими обзорами и различными вспомогательными картотками внутреннего пользования; приводит разнообразные справочные сведения: о чинах по действовавшей в царской России таблицы о рангах (стр. 92—96), о министерствах и их структурных частях (стр. 116—122), о вышедших из печати путеводителях по материалам центральных и местных архивов (стр. 122—127).

Далее следует назвать более значительный по объему сборник, посвященный документальным материалам ЦГИА СССР и помогающий работе над ними². Авторы статей — Л. Е. Шепелев, Р. Ю. Мацкина, О. Н. Шепелева, Г. М. Горфейн, Л. В. Виноградова, А. В. Гапонова, Э. С. Паина, З. И. Кудрявцева, З. И. Малкова и М. А. Плюхина, А. Л. Вайнштейн и В. П. Павлова. Для слависта могут быть полезными статья Г. М. Горфейна об основных источниках по истории высших и центральных учреждений (стр. 73—110) и особенно статья З. И. Малковой и М. А. Плюхиной о биографических материалах из фондов ЦГИА СССР (стр. 204—

228), необходимых при изучении истории развития в России славистических дисциплин и деятельности отдельных ученых из зарубежных славянских стран, оказавшихся на службе в России, а тем более тех русских деятелей, которые были связаны с зарубежными славянами.

Назову, наконец, фундаментальный справочник о тех печатных изданиях, в которых были использованы документальные материалы, хранящиеся ныне в ЦГИА СССР³. Книги, статьи, публикации расположены в справочнике в алфавитном порядке (по фамилиям авторов или по названиям), в первом выпуске — 1655, а во втором — 2239 позиций. Имеющаяся в каждом выпуске система вспомогательных указателей (именной, географической, предметно-тематической, использованных фондов) позволяет исследователю установить, например, что материалы об Адаме Мицкевиче имеются в делах V (Уголовного) департамента Сената (ф. 1345), Главного управления цензуры (ф. 772) и Петербургского комитета по печати (ф. 777), что использовались эти материалы в работах С. С. Ланды и С. С. Советова, названия которых приведены в основном тексте справочника.

Издания ленинградских архивистов заслуживают положительной оценки, хотя, с точки зрения слависта, в сборнике обзоров, например, мало внимания уделено истории зарубежных славянских стран и истории славяноведения в России; в библиографическом указателе не расписаны такие издания Института славяноведения, как «Литература славянских народов» и «Вопросы славянского языкознания». Однако недостатков немного. Несомненно, являясь ценными пособиями, рас-

¹ Л. Е. Шепелев. Работа исследователя с архивными документами. М.—Л., 1966, 126 стр.

² «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века». Сборник статей. Л., 1967, 262 стр.

³ Документы ЦГИА СССР в Ленинграде в работах советских исследователей. Библиографический указатель. Вып. 1. Статьи и публикации в периодических и продолжающихся изданиях 1917—1957 гг. Л., 1960, 282 стр.; вып. 2. Книги, статьи и публикации на русском языке. 1958—1962 гг. Л., 1966, 326 стр.

смастриваемые работы помогут преодолеть ту «архивобоязнь», которая еще встречается среди исследователей.

Следовало бы продолжить публикацию библиографического указателя к испол-

зованным материалам ЦГИА СССР и подготовить аналогичные указатели по материалам других центральных архивов.

В. А. Дьяков

ПОВЫЕ РАБОТЫ О ГОГОЛЕ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Свидетельством устойчивого интереса в Чехословакии и Польше к Н. В. Гоголю явились две интересные книги — Диопсиа Дюришина и Богдана Гальстера. Это разные монографии не только по типу и задачам исследования, но и по концепциям, в чем сказываются особенности развития словацкой и польской литературы.

Книга Диопсиа Дюришина называется «Словацкий реалистический рассказ и Н. В. Гоголь»¹. Она посвящена переводам произведений Гоголя и их распространению в Словакии. Обращаясь к переводам и истории словацкой литературы, автор решает основной для него вопрос о закономерностях становления и развития жанров словацкой повести и рассказа под влиянием русского классика. Автор учитывает литературу, освещающую отношение словацких писателей к Гоголю (работы П. Шкулетьа, А. Мраза, А. Поповича, Ю. Ного, М. Придавковой и др.), в том числе теоретические труды, и в частности, исследования М. Бакоша по общей проблематике сравнительного литературоведения и жанровой специфике словацкой прозы. В соответствии с главной задачей своей книги Дюришин рассматривает процесс усвоения творчества Гоголя в Словакии по разным периодам общего литературного развития.

В первой главе автор характеризует отношение штуровцев к русскому сатирику,² во второй — идейно-творческие предпосылки обращения к «Тарасу Бульбе» виднейшего из прозаиков штуровского периода (40—50-е годы XIX в.), романтика Яна Калличака. В третьей главе анализируется «вхождение» Гоголя в словацкую литературу в период перехода от романтизма к реализму (60—70-е годы), в четвертой — реценция его произведений в 80-е годы, в период утверждения реализма. Следующая глава посвящена разбору творчества крупного словацкого реалиста Мартина Кукучина, его первым пролам пера и его переводам из Гоголя, а также сопоставлению повествовательной манеры словацкого и русского художником, образности, сюжетно-композиционных особенностей их произведений и т. д. В шестой главе, где рассматриваются словацкие переводы из Гоголя до 1918 г. и прежде всего первые книжные издания «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроков»,

а также «Мертвых душ» (1923), проблема значения Гоголя для развития жанров словацкой повести и рассказа решается на примере творчества одного из выдающихся словацких реалистов Янка Есенского.

Итоги своего исследования автор кратко резюмировал на русском и немецком языках.

В освещении Дюришина реценция Гоголя в Словакии во многом зависела от умонастроений общества; в частности, здесь (особенно во времена Л. Штура) важную роль играли идеи славянской взаимности и русофильство. Но в разные периоды на передний план выступали различные стороны творчества Гоголя — те именно, которые соответствовали актуальным задачам самой словацкой литературы и уровню ее развития.

До 60-х годов XIX в. Гоголь был известен словакам главным образом лишь по чешским, немецким и польским переводам. Отсутствие словацких переводов Дюришин объясняет рядом причин, из которых важнейшими были, во-первых, русофильские настроения штуровцев, которым гоголевская сатира на российскую действительность представлялась одиозной, идущей вразрез с их стремлением к славянской взаимности (19); во-вторых, то, что штуровцы, выступавшие с позиций прогрессивного романтизма против классицистов, и реалист Гоголь представляли «различные стадии развития отечественных литератур» (21); и, наконец, то, что в этот период в Словакии «поэзия преобладала над драмой и прозой» (22). Несколько особняком среди штуровцев стоял лишь Ян Калличак; он как зачинатель современной словацкой прозы проявлял более живой интерес к Гоголю. Именно потребностью создания национального жанра словацкой повести объясняется, в частности, его внимание к «Тарасу Бульбе», откуда он заимствовал некоторые художественные приемы.

Точно так же в переходный период от романтизма к реализму, когда словаки получили возможность познакомиться с частью произведений Гоголя уже на своем родном языке, отношение к нему со стороны восприимчивой словацкой литературы во многом обуславливалось все теми же внутренними потребностями в жанровом развитии национальной прозы. Эту мысль Дюришин раскрывает не только убедительным анализом переводов Б. Носака-Незабудова и А. Труглы-Сыт-

¹ D. Ďuriš in. Slovenská realistická poviedka a N. V. Gogol'. Bratislava, 1966, 240 s.

^{1/2} 6 Советское славяноведение. № 3

нянского, но и не менее тщательным разбором адаптации М. Ферпенчэка («Комиссар», т. е. его попытки (так и не нашедшей издателя) приспособить гоголевского «Ревизора» к условиям словацкой жизни).

80-е годы в истории рецепции Гоголя в Словакии ознаменовались повышенным интересом к нему, что нашло свое выражение, в частности, в появлении первых значительных литературно-критических работ о нем (С. Бодицкий, Й. Шкултетей, С. Гурбан-Вайянский и др.). Именно в эти годы популярность гоголевских повестей и рассказов в Словакии достигает своей кульминации. Вместе с тем в обстановке утверждения словацкого реализма ясное, чем прежде, выступает на передний план реалистическая сущность произведений Гоголя. Все более частые переводы петербургских повестей, оттеснявших «Вечера на хуторе близ Диканьки», а также своеобразное преломление гоголевской традиции в рассказах М. Кукучина и, наконец, его мастерские переводы из Гоголя, раскрывшие перед читателями новые выразительные возможности словацкого художественного слова, — все это, по Дюришину, указывает на закономерный характер такого изменения рецепции русского писателя в Словакии.

Необходимые предпосылки для более глубокого и полного восприятия произведений Гоголя, включая его пьесы и «Мертвые души», сложились в Словакии, по наблюдениям Дюришина, лишь к концу 90-х годов. Как можно судить по творчеству Янка Есенского, повести и рассказы русского классика продолжали сохранять существенное значение для словацкой литературы вплоть до 1918 г. Однако в стиле Есенского — в отличие от его предшественников, испытавших влияние Гоголя, преобладают уже приемы гоголевской сатиры и юмора, сопряженные с выбором соответствующей тематики и необходимых для ее раскрытия композиционно-сюжетных элементов.

Три узловых момента в истории освоения гоголевских традиций в Словакии: творчество Яна Каличача, Мартина Кукучина и Янка Есенского — убедительно доказывают правильность того положения рецензируемой книги, что отношение словацких писателей к Гоголю определялось потребностями развития словацкой литературы и зависело от уровня творческой эволюции писателей.

У Дюришина нет сомнений, что автор «Ревизора» — реалист. Уже сам факт причастности Гоголя к развитию реализма в Словакии побуждал его подчеркивать реалистическую основу гоголевских произведений. Иначе оценивает их сущность Богдан Гальстер в книге «Николай Гоголь»².

Основные интересы польского русиста связаны с эпохой романтизма, о чем свидетельствует, в частности, и его предыдущая книга «Творчество Рылеева на фоне течений эпохи»³. С точки зрения периодизации польской литературы, где романтизм удерживал господствующие позиции вплоть до 1863 г., Гоголь также относится к этой эпохе.

Книга «Николай Гоголь» — первая в Польше монография о русском классике. Полагаясь на известность гоголевских сочинений в Польше, Гальстер анализирует их без пересказа, с помощью почти одних обобщенных понятий, которые накопила пытливая исследовательская мысль со времен Пушкина и Белинского. Это придает труду Гальстера синтетический характер. Польский ученый с односторонней обстоятельностью освещает как идейное, так и художественное богатство произведений Гоголя, анализирует их жанровую структуру и устанавливает ее связь с традиционными сюжетными схемами, выявляет роль пластического слова и фабульного начала в гоголевском искусстве лепки образов и, наконец, останавливается на особенностях гоголевского юмора, эпоса и сатиры и таким путем раскрывает своеобразие оригинального гоголевского стиля. К наиболее удачным местам книги я бы отнес страницы, где речь идет о новаторстве писателя и о его исторической повести «Тарас Бульба». Приятно отметить также, что автор не только сам тонко чувствует Гоголя, но и умеет подать его читателям, показав таким, каким видели его друзья и недруги. При решении спорных вопросов Гальстер широко привлекает суждения Гоголя об истории, о призвании писателя, о назначении литературы и т. д. Словом, как и книга о Рылееве, «Николай Гоголь» основан на добросовестном изучении огромного материала, в котором автор свободно ориентируется.

Хотелось бы отметить следующие важнейшие, на мой взгляд, достоинства рецензируемого труда.

Первое — это сравнительно-типологический метод анализа произведений Гоголя на историческом фоне русской, западноевропейской и отчасти польской литератур. В этом плане особенно любопытны сравнения, которые проводит польский исследователь между отношением к Петербургу Мицкевича и Гоголя, доказывая, что оно было очень сходным и привело к типологически родственным результатам в их творчестве (163—167).

Второе — это попытка автора по-своему прочесть Гоголя, т. е. истолковать его творчество в свете многонационального опыта, чем опыт истории русской литературы. Для всестороннего освоения

² B. G a l s t e r. *Mikołaj Gogol*. Warszawa, 1967, 394 s.

³ B. G a l s t e r. *Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

наследства великих писателей такие попытки необходимы, и значительная ценность труда Гальстера состоит именно в особом подходе, с которым нам придется считаться при обсуждении спорного пункта его концепции.

Но сначала вкратце о самой концепции. В ее основе лежит идея о неразрывном единстве мировоззрения Гоголя с его методом. Гальстер — решительный противник так называемого вопрекизма — той упрощенной точки зрения, согласно которой писатель расщепляется на два противоборствующих типа, из коих один — художник — сознательно стремится к жизненной правде, а другой — идеолог — сам не ведает, что творит и таким способом побеждает самого себя. Оспаривая эту вульгарную теорию, позволяющую некоторым исследователям Гоголя представлять его чуть ли не революционером, Гальстер, однако, не просто отбрасывает ее. Как исследователь, по-настоящему чувствующий диалектику, он постоянно учитывает возможность заблуждения писателя насчет реальной общественно-исторической перспективы, а значит, и насчет истинного значения своего участия в происходящей борьбе. Конфликт Гоголя с привилегированной частью русского общества, по Гальстеру, объясняется отнюдь не расхождением между его идеологической и художественной установками. Напротив, — доказывает Гальстер, — доказывает очень убедительно, — только благодаря глубокой, искренней вере в нравственную высоту своих идеалов (в сущности консервативных и несбыточных) Гоголь мог так смело нападать на бюрократический режим царской России и обличать общественные пороки. Упоная на благоразумие людей и силу правдивого слова, т. е. исходя из просветительских идеалов, он очень строго сообразовал свои убеждения с методом их художественного раскрытия. Стадо быть, если писатель достигал неожиданных для себя результатов, т. е. оказывался «непонятым», по его признанию, то совсем не вопреки своей идеологии, а вследствие ее особенностей, ее внутренних противоречий. Именно в таком ракурсе и рассматривает Гальстер трагедию Гоголя, его мировоззренческую и творческую эволюцию, истолковывая ее как закономерный процесс, обусловленный идеологической ориентацией писателя (его отвращением к буржуазному укладу жизни, патриархальными симпатиями, утопическим идеалом просвещенной монархии, нравственной требовательностью к себе и людям и т. д.), и объективными общественно-политическими (например, тиранией Николая I, которая, противореча гоголевскому идеалу просвещенной монархии, становилась в свете этого идеала объектом критики) и литературными условиями ее раскрытия. Гальстер доказывает — и большей частью доказывает убедительно, опира-

ясь на анализ исторических, моральных и иных убеждений Гоголя, — что его мировоззрение совпадало с романтическим типом мышления, причем с элементами реакционной утопии, которая со временем привела его к мистике и вызвала губительный творческий кризис. Ученый делает вывод, что и метод писателя в основном был тоже романтическим. Это обобщение распространяется не только на «Вечера на хуторе близ Диканьки», но и на весь «Миргород», пьесы и «Мертвые души».

Советские специалисты по Гоголю могут, пожалуй, подумать, что такая точка зрения не нова. Но это не совсем так. Концепцию польского ученого нельзя свести к простому повторению уже известного. В ней есть нечто оригинальное, идущее от современных споров вокруг проблем романтизма и реализма. Читая Гальстера, испытываешь противоречивое впечатление. С ним безусловно соглашаешься, когда он доказывает, что без достигнутый романтизм Гоголь — такой, каким мы его знаем, — был бы невозможен. Но когда автор, опосываясь на проблемно-тематическом сходстве и вытекающей отсюда жанрово-стилевой близости сочинений писателя к романтическим произведениям, заключает, например, что «петербургский цикл из всего творчества Гоголя наиболее типичным образом был связан с романтизмом» (218), невольно напрашивается возражение. Если исследователь прав в том, что в творчестве Гоголя романтизм достигал своего апогея, то спрашивается: откуда в России того времени брался «эпигонский романтизм» (см., например, стр. 68, 70 и 218)? Ведь «эпигонский романтизм» — это не просто плод бездарных писак, а вырождающееся направление. Расцвет и упадок — понятия несоместимые... Словом, возникает вопрос: а в романтизме ли только величие Гоголя?

То, что у художника, отталкивавшегося от романтизма, «романтический элемент глубоко коренился во всем мировоззрении и писательском методе» (130), не удивительно. Наоборот, странным было бы, если бы его не было. Но именно поэтому, имея дело с писателем переходного периода — с писателем, у которого этот «романтический элемент» переплетался к тому же, как отмечает Гальстер, с чертами не только реализма, но и классицизма и сентиментализма, — очень важно все время, забегая мысленно вперед, учитывать преемственность его традиций, которая позволяет четко отграничить романтизм от реализма и тем самым провести «демаркационную линию» также внутри рассматриваемого творчества смешанного типа. Между тем Гальстер все свое внимание концентрирует на гезевисе творчества только самого Гоголя (характеристику «натуральной школы» на стр. 157—158 и 214 в расчет не приходится

принимать, так как здесь Гоголь сравнивается со своими последователями не столько в плане метода, сколько по степени одаренности, что лишь затемняет суть дела). Причем бросающийся в глаза «возврат» к просветительским традициям, столь характерный для писателей, преодолевших романтизм, — «возврат», который, как мы знаем от Дюринина, помещал штурмовцам верно оценивший Гоголя, — польский ученый интерпретирует не в аспекте преодоления романтизма, а, наоборот, в аспекте его становления или непосредственного перехода от классицизма к романтической фазе литературного развития. Почему?

Еще во времена Белинского его польские соратники, например сотрудники киевской «Гвизды» (1846—1849), поддерживавшие «пейстового Виссарьона» в его борьбе с российской политической и литературной реакцией, весьма скептически относились к поборникам польской «натуральной школы». Как и Э. Дембовский, они выступали в защиту романтизма, считая его наиболее прогрессивным направлением в условиях угнетенной Польши. И действительно, в Польше романтизм достиг таких высот художественного расцвета и на протяжении целой эпохи играл такую выдающуюся политическую роль, каких не достигало и не играло впоследствии ни одно направление. Такой исторический опыт не может, понятно, не сказываться в подходе польских ученых и к оценке ввозимых писателей. Благодаря ему, в частности, и Гальстер с исключительной глубиной раскрывает внутренние связи гоголевского метода с романтическим мироощущением. Он констатирует наличие таких связей у Гоголя и в его разладе с действительностью, и во взглядах на историю, и в отношении к искусству, и в возвышенном представлении о миссии поэта, и в обращении к украинской тематике, и в особом способе использования фольклора, и в понимании народности литературы, и в приверженности к определенным сюжетам, и в особенностях его прозы, пародии и сатирического гротеска, обнажающего абсурдность господствующих порядков, и т. д. Очень ярко демонстрирует автор свой тезис, подробно разбирая повесть «Старосветские помещики» (91—106), «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (131—147), а также петербургские повести, и прежде всего «Невский проспект» (169—179). Эта добросовестность детальной аргументации и создает впечатление убедительности. Но стоит только задаться вопросом: а чем же в таком случае реалистический метод отличается от романтического, — как тотчас же закрадывается сомнение.

В самом деле. Ведь многие из тех примет романтизма, какие обнаруживает Гальстер у Гоголя, наблюдаются также у Тургенева, Л. Толстого и Достоевского

(а в Польше — у Крашевского, Я. Ляма, Балучко, Нажимского, Ожешко, Сенкевича, Конопницкой и у многих других). Означает ли это, что и они тоже были романтиками? В известном смысле да, потому что в литературе ни одно направление не исчезает бесследно; оно сходит со сцены лишь тогда, когда его почти полностью заменяет другое, вбирающее в себя, по крайней мере, основные достижения своего предшественника. Стало быть, при простой констатации связей с романтизмом у писателей позднейшего этапа мы еще ни на шаг не продвигаемся в решении вопроса: кто же они, эти последние романтики, — его ортодоксы или основатели нового метода, в чем-то существенно противостоящего старому? Для ответа на этот вопрос, очевидно, и надо выделить то самое существенное, чем один метод отличается от другого, и потом, исходя из него, оценивать уже все остальное: тематику, проблематику, гротеск и пр.

Итак, чем же существенно отличается романтический метод от реалистического? Способом типизации характеров, или иначе говоря — способом раскрытия связей индивида с обществом. Романтики изображали не один только исключительные характеры, у них тоже можно найти немало превосходно индивидуализированных типов. Однако все романтики первой половины XIX в., с теми или иными различиями, стремились раскрыть тайну связи индивида с обществом путем обобщения непосредственных отношений человека к своей нации или даже ко всему человечеству. В период формирования буржуазных наций, когда масса людей, еще недавно прикрепленных («звечными узам») к определенным сословиям, отрывалась от них и перемещалась в процессе образования новых общественных групп, такая поисковая установка, известная под названием романтического отношения к действительности, была естественной и исторически неизбежной. Роль особых социальных условий в жизни человека, а значит, и их типизация стали предметом внимания лишь тогда, когда начала проясняться та истина, что в обществе, разделенном на классы, люди относятся к нему как представители этих классов и общественных прослоек, определяющих главное различие в образе их жизни, психологии, этике и т. д. Причем на первых порах эта истина не столько осознавалась, сколько угадывалась внимательными наблюдателями быта, как это было, например, в Польше с А. Фредро, Ю. Кожановским, Ю. Крашевским и др. Изображение человека как индивидуального характера, главные типичные черты которого — бытовые, психологические, моральные и пр. — обуславливаются общественной средой или группой, опосредующей его отношения к нации или обществу в целом, резко повысило историческую конкретность раскры-

тия образов, и именно это новое качество конкретности образов выилось тем существенным открытием, которое четко отграничило реалистический метод от прежнего, романтического. У Гоголя эта грань выступает уже достаточно отчетливо, что, впрочем, с присущей ему добросовестностью фиксирует сам же Гальстер. Так, на стр. 256 он констатирует: «Человека, по мнению Гоголя, формирует среда, именно она делает его добрым или злым, сама же она вырастает из определенного уклада жизни, который в зависимости от своего характера высвобождает либо благородные, либо в основе злые, поэтические задатки личности. Доказывали это уже повести „Миргорода“ и петербургского цикла» (256). Аналогичная констатация содержится на стр. 99, 121—122, 131, 134, 147, 159, 160, 183—184, 193, 199, 229, 237, 312—313, и др. Но при этом Гальстер,следователь скрупулезный с широким диапазоном, не акцентирует внимания на этой существеннейшей стороне творчества Гоголя (которую иной, предвзятый автор вообще считал бы за благо не замечать).

Есть и другой аспект рассматриваемой проблемы. Ведь и в творчестве романтиков тоже наблюдаются некоторые черты реализма (песпроста К. Выка пользуется даже специальным термином — «романтический реализм» — для обозначения такого типа творчества). Но они все же не преобладают и потому справедливо не выдвигаются исследователями

на передний план. Именно так поступает и Гальстер: он смотрит на творчество Гоголя сквозь призму польского исторического опыта, приводящего к иной оценке тогдашнего романтизма, хотя в России, где на повестке дня наиболее остро стояла проблема не национального, а социального освобождения, романтизм играл далеко не такую роль, как в Польше.

Здесь, правда, нетрудно предвидеть возражение: а возможно ли, чтобы писатель при романтическом образе мышления стал защитником критического реализма? Думается, что если бы польский ученый с такой же тщательностью, с какой он сравнивает мировоззрение Гоголя с романтическим мифопопманнем, сопоставил его хотя бы с некоторыми типами позднейшего реалистического мышления, то он обнаружил бы не меньше доводов в пользу противной точки зрения и под влиянием этого вынужден был бы определить и подчеркнуть самое существенное, самое главное различие между романтическим и реалистическим методом.

В целом же научное значение концепции Гальстера не подлежит сомнению. Рецензируемую книгу можно считать одним из блестящих достижений польской русистики наряду с монографиями «Достоевский и, проклятые проблемы» Р. Пшибульского, «Алтон Чехов» Р. Сливовского и др.

И. К. Горский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПРАГЕ

Славянская библиотека в Праге, являющаяся одной из самостоятельных частей Государственной библиотеки Чехословакии, насчитывает в настоящее время в своих фондах более полумиллиона книг по истории, филологии, экономике, философии, этнографии, археологии, искусству, истории культуры и другим областям гуманитарных наук славянских народов, а также художественных произведений славянских писателей. Она принадлежит к крупнейшим за пределами СССР хранилищам славянской книги. Около 250 тысяч разного рода изданий составляет русское отделение библиотеки, одним из украшений которого считается так называемый Фонд Смирдина (Sm), куда вошли как подлинные книги смирдинского собрания, так и рекопструируемые его экземпляры¹. Есть в русском отделении малоизвестные старопечатные книги, есть книги с ценными автографами (Толстого, Достоевского, Горького, Блока и др.). Для комплекто-

вания своих фондов библиотека приобрела книги в букинистических магазинах многих славянских и неславянских стран. Сейчас трудно себе представить деятельность чехословацких славистов без Славянской библиотеки. Нередко в ней работают также и зарубежные ученые. В этом отношении библиотека пользуется большим и заслуженным международным признанием. Ее по праву можно считать одним из важных славистических центров Чехословакии.

Наряду с обеспечением ученых-славистов необходимым изданием, нередко уникальными, небольшой коллектив сотрудников Славянской библиотеки ведет также научно-исследовательскую² и библиографическую работу. Последняя особенно оживилась после 1964 г., когда библиотека отмечала свое сорокалетие. Эта работа заслуживает внимания, ибо издаваемые Славянской библиотекой

² Одним из результатов работы в этой области явилась книга «Материалы к истории чехосло-русских культурных связей» (Прага, 1965). См. о ней: «Советское славяноведение», 1966, № 3.

¹ См. об этом: И. Савицкий. Новая жизнь русской библиотеки в Праге, «Советское славяноведение», 1967, № 4.

брошюры-листовки³, знакомящие читателей с ее деятельностью и книжными богатствами, доступны не только чехословацким ученым, но и зарубежным. Перед нами 14 таких брошюр. Из них № 1—3 (Ю. Долоцкий — «О назначении Славянской библиотеки», И. Горак и И. Стриадел — «Славянская библиотека», И. Стриадел — «Библиографическая деятельность Славянской библиотеки...») вышли в конце 50-х годов. Остальные 11 появились в 1964—1967 гг. О них и хотелось бы рассказать. Это не совсем обычные библиографические издания. Но прежде назовем их: № 4. О. Зелинский и др. Украинская литература в Славянской библиотеке, 1964; № 5. О. Беркопец, Б. Богданова, Г. Георгиевский. Югославская литература в Славянской библиотеке, 1964; № 6. М. Бидлас. 500 лет проектов мира Ирки Подебрадского, 1964; № 7. Я. Петр. Серболоужицкая литература в Славянской библиотеке, 1964; № 8. П. Стриадел, В. Бехишва. Болгарская литература в Славянской библиотеке, 1964; № 9. П. Ф. Максимович, А. В. Флоровский. Русская литература в Славянской библиотеке. Из рукописных собраний, 1964; № 10. П. Стриадел. Сорок лет Славянской библиотеки, 1964; № 11. М. Бидлас. „Еретик“ Тараса Шевченко, 1965; № 12. П. Савицкий. Русская литература в Славянской библиотеке. Вольное экономическое общество. 1765—1965. 1966; № 13. Б. Догнал, П. Стриадел. Русская литература в Славянской библиотеке. Русские бытны, 1967; № 14. П. Савицкий. Русская литература в Славянской библиотеке. Русская периодическая печать 1751—1855. 1967.

Мы привели названия библиографических брошюр Славянской библиотеки в переводе с чешского; надо, однако, заметить, что некоторые из них (№ 12 и 14) имеют и русские подзаголовки. Существенную особенность ряда брошюр составляет то, что обзорные статьи о тех или иных национальных литературных фондах библиотеки (украинском, болгарском и т. д.) даны в них не только на чешском языке, но и на языках тех народов, о чьих литературах идет речь. Как видно уже из названий,ряду с общей характеристикой национальных фондов отдельные брошюры (№ 6, 10, 11) включают в себя и специальные тематические библиографии, приуроченные к определенным датам. Описание русского фонда, который особенно велик, посвящено несколько листовок. Помимо обзорных статей в ряде брошюр дается либо библиография библиографий, либо непосредственный перечень основных изданий по той или иной теме. Отличительную черту «Листовок

Славянской библиотеки» составляет то, что они не только информируют об имеющихся в библиотеке книгах, но и активно пропагандируют их. Нередко в них помимо библиографических обзоров и библиографических перечней включаются и отрывки из художественных произведений. Так, например, в брошюре «Болгарская литература...» мы встречаем стихи К. Христова и Е. Богряны, а в листовках № 4 и 11, посвященных украинской литературе, — чешские переводы произведений Шевченко «Три года» и «Еретик». Целям популяризации славянской книги служит и внешнее оформление отдельных брошюр, содержащийся в них иллюстративный материал (репродукция автографа Шевченко, титульного листа первого издания поэмы Г. Раковского «Лесной путник», обложки «Трудов вольного экономического общества», изданных в Санкт-Петербурге в 1766 г.).

Еще один вид полезной информации, который содержат листовки, — это сообщения о проводимых библиотекой мероприятиях (в частности, книжных выставках) и сотрудничестве библиотеки с зарубежными деятелями. Так в брошюре «Украинская литература...» опубликовано письмо писателя Л. Первомайского, пославшего свои книги в библиотеку. А вот как охарактеризовал издававшийся Славянской библиотекой в Славянском институте ЧСАН журнал «Библиография Славянской библиотеки» (1956—1958) акад. М. П. Алексеев: «Нет необходимости говорить о том, как интересен и ценен для меня этот журнал, с такой полнотой сообщаящий о выходящей славянской литературе. Для меня и моих коллег, которые так же, как и я, высоко ценят это важное периодическое издание, особенно ценна полнота библиографического перечня литературы, о которой мы нередко узнаем лишь из вашего журнала» (листовка № 10).

В брошюре, посвященной литературе Югославии, можно прочесть отзыв о хранящихся в Славянской библиотеке материалах, принадлежащий известному советскому ученому Ю. В. Бромлею. «Для славистов-историков Славянская библиотека, — замечает он, — несомненно представляет огромный интерес. Фонды библиотеки содержат материалы, важные для изучения не только западных, но и южных славян. В частности, большую ценность представляет архив Решетара». Такого рода информация со всей очевидностью показывает, сколь существенно и плодотворно участие такого учреждения, как библиотека, в международном культурном и научном сотрудничестве.

Русских историков и филологов могут особенно заинтересовать листовки № 9, 12, 13 и 14, посвященные русской литературе. Остановимся на них подробнее.

В первой из них говорится о собраниях русских рукописей, хранящихся в Сла-

³ Имеется в виду серия брошюр с общим обозначением «Leták Slovanské knihovny» («Листовка Славянской библиотеки») и сквозной нумерацией.

TARAS ŠEVČENKO KACÍŘ

Обложка брошюры № 11

вянской библиотеке. На первом месте среди них документы XVII—XVIII вв., связанные с феодальным землевладением в России (более тысячи). Особый интерес среди них представляют относящиеся к 80—90 годам XVII в. бумаги Поместного приказа о спорах из-за земли, в которых участвовал видный государственный деятель того времени, приближенный царевны Софьи — князь В. В. Голицын (1643—1714). Внимание ученых может привлечь также находящиеся в Славянской библиотеке собрание рукописей проф. А. Д. Григорьева, собранных им в Архангельском крае. В основном — это разного рода (религиозные и светские) старорусские литературные тексты, по преимуществу в списках XVIII и XIX вв.

Краткая характеристика публикаторской деятельности «Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», основанного в 1765 г., а также список имеющихся в библиотеке книг и печатных поточников по вопросам экономики и развития экономической мысли в России XVIII в. составляют содержание листовки № 12. Интересно, что при работе над нею наряду с такими изданиями, как «История русской экономической мысли» (т. 1, ч. 1, М., 1955), использовался и печатный каталог библиотеки Смирдина, книгами из фонда которого полностью представлен первый раздел библиографии «Издания XVIII века» и в ряде случаев второй — «Публикации документов».

«Русские быльи» — так называется листовка № 13. Помимо библиографичес-

кого списка имеющихся в библиотеке изданий русских былин и литературы о них эта брошюра содержит довольно большую вводную статью «Из истории чешского перевода русских былин». В ней говорится: «С самого начала, когда Ф. Л. Челаковский своим „Отзвуком русских песен“ (и несколькими переводами былин) открыл нам мир русских былин, мы видели за этими героическими песнями их творца: русский народ со всеми чертами его характера и способностями». Знаменитый чешский историк Франтишек Палацкий приравнивал значение «Отзвуков...», посредством которых Челаковский пытался донести до чешских читателей содержание и образную самобытность русских былин и песен, к «Дочери славы» Коллара. «Отзвуки...» Челаковского, а также его переводы былин («Богатырь Суворов», «Поток Михайло Иванович» и др.) уже в 20-е годы XIX в. положили в Чехии начало традиции творческого восприятия и поэтических переводов русского героического эпоса. В 30-е годы русские быльи из сборника Кирши Данилова («Свадьба князя Владимира», «Добрыня чудь покорила», «Калин царь», «Михайла Казаршова») переводит Йозеф Ярослав Лангер. Далее «Илью Муромца и Соловья-разбойника» переводит К. Я. Эрбен (ум. в 1870 г.). В 60-е годы русские баллады переводит Ян Гебауэр, в 70-е — Франтишек Вымазал. О популярности русских былин у чешских читателей говорит следующее: их прозаический перевод, сделанный Брониславой Гербецовой, с 1909 по 1933 г. издавался девять раз. В 20-е годы нашего века для «Сборника

RUSKÉ BYLINY

Обложка брошюры № 13

мировой поэзии» русские былины переводит Антонин Курц. Накануне второй мировой войны книгу переводов «Русские былины» подготовил Эмануил из Лешехграда. Много былин перевел в годы оккупации поэт Петр Кржижика. «Шла от них сила поистине богатырская, которая была мне лекарством и утешением в самые черные дни», — писал он о русских былинах. Одновременно с ним в годы войны к переводу былин обращались также поэты Йозеф Гора и Франтишек Таборекый. Список переводов можно было бы продолжить, но и из сказанного видно, сколь велик был интерес к русским былинам в Чехии. В статье делается сопоставительный анализ чешских переводов былин, называются издания, в которых они публиковались.

В листовке № 14 содержится библиографический список имеющихся в Славянской библиотеке русских периодических изданий за время с 1751 по 1855 г., среди которых также довольно много помещено шифром «Sm». В предваряющем перечне тексты говорится: «Пресловутое „fossica pop leguntur“ нанесло громадный вред формированию русских фондов крупнейших библиотек за пределами Советского Союза». Далее отмечается, что русские фонды XVIII и XIX вв. Славянской библиотеки «не уступают крупнейшим западноевропейским библиотекам и даже советским библиотекам, за исключением Москвы и Ленинграда».

Вышедшие брошюры знакомят лишь с частью огромного четвертьмиллионного фонда русского отделения библиотеки. Работу по дальнейшему ознакомлению с ним читателей, как это отмечено в последней листовке, предполагается продолжить.

Из брошюры, посвященной украинской литературе (№ 4), мы узнаем, что в украинском отделе Славянской библиотеки насчитывается 21 тысяча каталогизированных единиц (книг, серийных изданий, газет и журналов). В библиотеке имеется целый ряд старопечатных украинских изданий, в том числе львовский Апостол И. Федорова (1574 г.). Богато представлены издания Западной Украины и Закарпатья. Интересна коллекция альманхов 1863 г. Украинский фонд включает

в себя сочинения всех украинских классиков, особую ценность представляет обширное собрание произведений Шевченко и работ о нем.

Брошюра «„Еретик“ Тараса Шевченко» была выпущена к 550-летию сожжения Яна Гуса. Помимо перевода поэмы „Еретик“, она содержит два библиографических списка: 1. Переводы „Еретика“ Т. Г. Шевченко на чешский язык; 2. Библиография работ о Яне Гусе и гуситском движении (восточнославянских).

Как видно из сказанного, типы библиографических брошюр Славянской библиотеки, структуры их построения не одинаковы, они не канонизируются и обуславливаются конкретным назначением каждой из них. Общим для всех листовок является то, что они пока, как правило, преследуют цель не столько дать исчерпывающие библиографические сведения, хотя в ряде случаев делается и это, сколько привлечь внимание читателей к тем или иным фондам, собраниям или коллекциям, указать круг проблем и тем, по которым можно успешно работать в библиотеке. И эту задачу они выполняют.

Надо заметить, что «Листовки Славянской библиотеки» — не единственный вид библиографических и книговедческих изданий библиотеки. О разного рода изданиях Славянской библиотеки, начиная с ее основания в 1924 г., сообщается в листовке № 10, которая содержит статью об истории библиотеки, краткую характеристику ее издательской деятельности за 40 лет и соответствующую библиографию.

В августе 1968 г. в Прагу на очередной VI Международном съезде славистов собрались ученые (литературоведы, лингвисты, историки) из разных стран. Надо полагать, многие из них с пользой для себя заглянули в Славянскую библиотеку воочию убедились в том, какую большую и важную работу проводят ее сотрудники по пропаганде и популяризации славянской книги, в частности русской и украинской. Эта работа не может не вызывать чувства уважения и признательности.

Л. С. Кишкин

«„Slezské písně“ v korespondenci 1898—1918». Redigoval Jaromír Dvořák. Odeon, Praha, 1967, 367 s.

«„Силезские песни“ в письмах 1898—1918»

Издание подготовлено к столетию со дня рождения известного чешского поэта Петра Безруча (1867—1967), автора всемирно прославленных «Силезских песен».

Есть писатели и поэты, которым путь к славе, путь в историю мировой литературы открывало всего лишь одно произведение, с наибольшей полнотой выражающее сущность их творчества. Петр

Безруч — автор единственной книги стихов, рождение которой восторженно приветствовала передовая чешская общественность на пороге XX столетия. Судьба книги необычна — поэт тщательно скрывал свое настоящее имя, желая чтобы его стихи воспринимались как проявление коллективного народного гнева, как выступление народного барда. Вокруг лич-

ности поэта и его стихов в литературных кругах того времени ходило много сплетен и легенд, отголоски которых звучат и в позднейших работах о поэте.

Корреспонденция Безруча, разбросанная по архивам и частным собраниям, еще ни разу не издавалась в сколько-нибудь полном виде. Некоторые письма Безруча стали известны широкой литературной общественности благодаря трудам видных чешских специалистов по творчеству Безруча — Ф. Бурианека, О. Кралика, А. Заводского и др. Отдельные письма поэтов или отрывки из писем публиковались другими исследователями в различных малоизвестных, а часто и малодоступных библиофильских изданиях.

Рецензируемая книга, подготовленная Я. Дворжаком, Д. Шайтаром и О. Вашечком (в ее составлении принимали участие также А. Заводский, В. Фицек, Й. Моравец, И. Урбанец и др.), с предисловием поэта В. Завады и послесловием О. Кралика, является по существу первым изданием корреспонденции Безруча. В этом ее большая научная ценность. Составители знакомят читателя с важнейшими письмами поэта 1898—1918 гг., т. е. двадцатилетия, связанного с созданием «Силезских песен». Составители ограничили «героическим периодом» жизни и творчества Безруча, не включив в издание обширную корреспонденцию Безруча позднейших лет. Споры нет, в книге собраны ценнейшие из доступных писем Безруча, но все-таки жаль, что составители совершенно отказались от публикации его писем, написанных за пределами избранного двадцатилетия. Некоторые из них (пусть немногие) могли бы обогатить облик поэта интересными штрихами. (См., например, его письмо И. Магену от 4 XII 1934 г., опубликованное в книге «Адресат Иржи Маген», Прага, 1967.)

В книгу вошли некоторые письма адресатов Безруча, в частности его первого издателя Я. Гербена, художника Войтеха Прейссига, который способствовал изданию «Силезских песен» 1909 г., а также дважды издавал Безруча в США, и поэта Антонина Мацека, который ведал вторым и третьим изданием «Силезских песен» в Обществе библиофилов. Интересны письма к Безручу Ф. К. Шальды.

Переписка Безруча со своими издателями, друзьями и близкими содержит чрезвычайно ценный материал. Она проливает свет на некоторые неясные моменты истории создания «Силезских песен», помогает проникнуть в творческий замысел и лабораторию поэта, полнее и ярче раскрывает его личность. Наконец, многие письма интересны тем, что они представляют собой как бы прозаическую параллель к стихам Безруча.

Ядро издания составляют письма поэта к первому издателю и редактору его стихов — Яну Гербену. Посылая редактору журнала «Час» свои стихи, Безруч делал

его своим «доверенным лицом», полностью полагаясь на его литературный вкус, считаясь с его замечаниями и правкой («...Исправляйте, что хотите, я знаю, что у меня есть банальные строки и обороты...», стр. 13). Гербен практически был «составителем» «Силезских песен», он определил композицию сборника в первом книжном издании (1903), которая, в основном, мало изменялась в дальнейшем. Его дружеская поддержка помогла поэту выйти из острого душевного кризиса, когда была раскрыта тайна его псевдонима. Это было для Безруча истинной трагедией. «Ваша поэзия, Ваша известность как поэта, ожидание Ваших дальнейших слов о Силезии, — писал ему тогда Гербен, — не могут зависеть от случайного разоблачения псевдонима... Нет никаких оснований Вам не писать больше, нет никаких оснований требовать от меня, чтобы я сжег Ваши еще не опубликованные стихи» (стр. 36). «Вы просто обязаны писать, — убеждал он Безруча в другом письме, — потому что то, что живет в Вашей душе, не является Вашей частной собственностью» (стр. 38).

Известно, что последующие издания «Силезских песен» все же обогатились новыми стихами.

Раскрытию тайны псевдонима посвящена переписка Безруча с братьями Мрштиками и большое письмо Вилема Мрштика брату Норберту, содержащее высокую оценку поэзии Безруча и в то же время критические высказывания, касающиеся направления журнала «Час».

В письмах В. Прейссигу, Я. Кабелику, Я. Странскому и другим адресатам поэт подробно рассказывает о замысле и создании «Силезских песен», о рождении поэта Петра Безруча, настойчиво и неоднократно подчеркивая, что он «один из 70 000» и все, что он сказал в своих стихах, он сказал от имени 70 000 угнетенных чехов Силезии, стонущих под ярмом Габсбургов. Безруч откровенно пишет о своей ненависти к монархии, к помещикам и фабрикантам, которые сделали адом жизнь трудового люда под Бескидами. Поэт отдавал себе ясный отчет в том, что многие его стихи могут быть восприняты наверху как антиправительственные (особенно «Отвратительное явление», «День Палецкого», «Маркиз Геро», «Par nobile»), что естественно повлечет за собой и преследование властей. («Это будет чудо, если мне удастся сохранить свою шкуру целой... Мое существование держится на тонкой нити...», стр. 107.) Поэтому порой поэт колебался дать разрешение на публикацию этих своих стихов. Так, он пишет к В. Прейссигу в 1909 г.: «Я был бы рад, если бы Вы подождали с этим изданием до падения вражеской государственной системы... она обречена...» (стр. 131). А в 1918 г., пережив арест по ложному обвинению в государственной измене, Безруч писал одному из друзей: «Я знал уже

двадцать лет тому назад, что арест меня не минует» (стр. 115).

Опубликованная корреспонденция Безруча, в частности его письма братьям, помогают уточнить хронологию создания «Силезских песен», неопровержимо доказывая, что рождение могучего и своеобразного поэта Петра Безруча следует датировать именно 1899 годом, когда одно

вслед за другим были созданы почти все лучшие его стихотворения.

Издание корреспонденции Безруча 1898—1918 гг.— ценный вклад чешских ученых в изучение творчества замечательного поэта, полезная книга для всех, интересующихся его поэзией.

А. Соловьева

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 Г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩЕПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Вербичкий А. Братство навек. (О болгаро-советской дружбе). Коммунист Вооруж. Сил, 1968, № 5.

Головина Е. П. Творческое применение ленинских принципов идейно-политической работы среди трудящихся масс компартиями социалистических стран Восточной Европы. Тр. Ленингр. ин-та сов. торговли, 1967, вып. 30.

Гомулка В. Фундамент независимости. (Выступление на первомайских торжествах в Варшаве). «За рубежом», 1968, № 20.

Громушкин Е. За мир и сотрудничество на Балканах. Междунар. жизнь, 1968, № 5.

Гусаров В. Страны социализма и Арабский Восток. Экон. газета, 1968, № 20.

Документы совещания Политического Консультативного Комитета стран—участниц Варшавского Договора (София). Парт. жизнь, 1968, № 6.

Кекконен У. К. Благоприятные предпосылки для развития сотрудничества между Финляндией и Югославией в деле укрепления мира во всем мире. В кн. «Кекконен У. К. Дружба и добрососедство. Речи и выступления. 1963—1965». М., 1968.

Комочин З. Единство умножает силы марксистов-ленинцев. (О единстве в международном коммунистическом движении). «Правда», 1968, 21 февраля.

Маыкин А. В. Межгосударственные связи в мировой системе социализма. Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз., 1967, т. 40.

Накануне консультативной встречи (представителей коммунистических и рабочих партий). «Правда», 1968, 22 февраля.

«Руде право» о внешней политике Чехословакии. (Разоблачение спекулятивных домыслов, появившихся в Западной Европе в связи с последним пленумом ЦК КПЧ. 10 I 1968). «Новое время», 1968, № 3.

Самошенко Ю. М. О факторах интернационализации в мировой системе социализма. Зап. Воронежск. с.-х. ин-та, 1967, т. 33, вып. 2.

Советско-польский союз. «Новое время», 1968, № 16.

Совещание Политического Консультативного Комитета государств—участников Варшавского договора. (София, 6—7 III 1968). «Правда», 1968, 5—9 марта.

Суслов М. А. Речь главы делегации КПСС товарища М. А. Суслова на Консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий. «Правда», 1968, 29 февраля.

Трофимова И. Варшава: совещание министров иностранных дел европейских социалистических стран в связи с положением на Ближнем Востоке (19—21 XII 1967). «Новое время», 1968, № 1.

Трофимова И. Поездка президента Югославии. (О поездке И. Броз Тито по странам Азии и Африки). «Новое время», 1968, № 6.

Ярошевич П. Договор дружбы, братства и общности интересов. Экон. газета, 1968, № 17.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Арзамасцева Л. В. Порайонные различия в специализации сельского хозяйства Югославии. В кн. «География и хозяйство», 1968.

Баутина Н. О международных

социалистических производственных отношениях. Мировая экономика и междунар. отнош., 1968, № 4.

Беляев Ю., Заволжский С. Экономика стран СЭВ в 1967 году. Экон. газета, 1968, № 12.

Будкин В. С. Міжвародній поділ праці і комплексність народного господарства в соціалістичних країнах. Вісн. Київськ. ун-ту, сер. екон., 1967, вип. 9.

Бутаков Д. Финансы европейских социалистических стран в новых условиях хозяйствования. Финансы СССР, 1968, № 3.

Валевски Я. Материальное хозяйство: задачи и перспективы. (О «Программе упорядочения материального хозяйства» в ПНР). Экон. газета, 1968, № 13.

Васякин Ю. Внешняя торговля СССР с социалистическими странами Европы. «Внешняя торговля», 1968, № 4.

Вылчанов В., Тангыров Й. Жилищное строительство в Болгарии. Жил. стр-во, 1968, № 3.

Ганев А. Оплата труда и материальное стимулирование в ТКЗХ Болгарии. Экономика с. х.-ва, 1968, № 2.

Герцович Г., Шамрай Ю. Внешнеэкономический аспект хозяйственных реформ в странах СЭВ. Вопр. экономики, 1968, № 4.

Гойко Л. В. Экономическое сотрудничество Казахстана и Польской Народной Республики (1952—1960 гг.). «История» (Алма-Ата), 1967, вып. 2.

Горизонтов Б. Б. Речной транспорт и международное социалистическое разделение труда. Тр. Центр. н.-и. ин-та экономики и эксплуат. водн. транспорта, 1967, вып. 60.

Гуров Ю., Караваяев В. Стимулы, показатели, нормативы. Экономика стр-ва, 1968, № 5.

Гущин В. Новое в чехословацкой деревне. «Новое время», 1968, № 10.

Достижения стран—членов СЭВ в изучении геологического строения их территорий и создании минерально-сырьевых баз. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

Дудинский И. О закономерностях мирового социалистического хозяйства. Вопр. экономики, 1968, № 3.

Дякин Б. Технический прогресс и межгосударственная специализация машиностроительного производства. Научн. докл. высш. школы, экон. науки, 1968, № 2.

Ендриховский С. Новая система планирования и руководства народным хозяйством Польши в действии. Пробл. мира и социализма, 1967, № 12.

Жиромский С. Семинар демографов в Ольштыне. Науч. докл. высш. школы, экон. науки, 1968, № 2.

Золотарев В. Экономическое сотрудничество стран СЭВ. «Внешняя торговля» 1968, № 4.

Иванов И., Напокин В. Гигант болгарской нефтехимии (в Бургасе). «Внешняя торговля», 1967, № 12.

Каждан Э. Гигант тяжелой промышленности. (О концерне «Шкода»), «Наука и техника», (Рига), 1968, № 2.

Карпич В. Развитие системы управления и планирования в Польше. План. х-во, 1968, № 1.

Карцев В. И. Совершенствование механизма распределения дохода промышленных предприятий в Народной Республике Болгарии. Вестн. Моск. ун-та, экономика, 1968, № 2.

Конычев Д. Польские ученые-экономисты о хозяйственной реформе. Вопр. экономики, 1968, № 2.

Крайинска И. Планирование денежного обращения в Болгарии. «Деньги и кредит», 1968, № 1.

К расширению экономического сотрудничества между Югославией и Англией. Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, № 51.

Кырова В. Некоторые вопросы нэпа в свете опыта КПЧ (1945—1959 гг.). Вопр. истории КПСС, 1968, № 2.

Латер В. На новом подъеме. Экономика стран—членов Совета экономической взаимопомощи в 1967 году. Пробл. мира и социализма, 1968, № 4.

Лидванова Л. П. О показателях экономической эффективности межгосударственной специализации химических производств стран—членов СЭВ. Вестн. Ленингр. ун-та, экон., филос. и право, 1968, № 5, вып. 1.

Лукин И. В Постоянной комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам. (Об XI заседании, Бухарест 28 IX—2 X 1967). «Финансы СССР», 1967, № 12.

Марков Л. Страны СЭВ в 1967 году. Междунар. жизнь, 1968, № 4.

Масленников И. Социалистическое международное разделение труда. Коммунист Вооруж. Сил, 1968, № 9.

Материальное обеспечение производства в новых условиях. К итогам V Междунар. симпози. (Матер. симпози. европ. соц. стран, Варна). Экон. газета, 1968, № 5.

Мплов Е. П. Сельское хозяйство и внешняя торговля Польши. Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, № 33.

Милич М. Некоторые новые принципы планирования в Югославии. Экон. реформы в соц. странах Европы, 1967, вып. 1.

Мирошниченко Б., Канищев О. Координация планов СЭВ. «Внешняя торговля», 1968, № 1.

Митрофанова Н. Новые хозяйственные стимулы повышения эффективности производства социалистических стран. «Деньги и кредит», 1968, № 3.

Мишев К., Лилленберг Д. А., Чумичев Д. А. Развитие географии в социалистической Болгарии. Изв. АН СССР, сер. геогр., 1968, № 2.

Молчанова И. Варшава строится. Экон. газета, 1968, № 15.

Морозов В. Сотрудничество социалистических стран — объективная необходимость. Вопр. экономики, 1968, № 5.

Москальков С. П. География черной металлургии Польши. В кн. «География и хозяйство», М., 1968.

О вопросах механизации процессов работ и автоматизации процессов в пищевой промышленности стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

О XXI сессии Совета (Будапешт, 12—14 XII 1967). Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

О методологии исчисления индексов физического объема и цен внешней торговли стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

О программе и порядке осуществления регулярного обмена информацией и документацией в области теории и практики статистики. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

О разработке эффективных мер по улучшению работ в области специализации и кооперирования производства. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

О расчетах при совместном строительстве (между странами — членами СЭВ). Экономика стр-ва, 1968, № 1.

Осипов И. Дунайский гигант. «Новое время», 1968, № 14.

Основные показатели развития электроэнергетики европейских стран — членов СЭВ за 1961—1965 гг. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

О сотрудничестве в научно-технических исследованиях в области радиотехники и электроники. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

Петрова В. О работах по межотраслевому балансу в европейских социалистических странах. Плап. х-во, 1968, № 5.

Планы 1968 года. (Экономические задачи, стоящие перед Болгарией, Венгрией, Румынией и ГДР в 1968 г.). Экон. газета, 1968, № 6.

Полишка М., Ржигга Л. Научные исследования и международное сотрудничество. (Участие Чехословакии в международном разделении труда в области научно-технических исследований). Экон. газета, 1968, № 3.

Польско-венгерское акционерное общество «Халдэкс». Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

Попов К. Некоторые проблемы сотрудничества (О совершенствовании системы внешнеэкономических связей стран — членов СЭВ). «Внешняя торговля», 1967, № 12.

Постников М. Варшава сегодня. (Городское строительство). Городское х-во Москвы, 1968, № 1.

Применение цифровой вычислительной техники в энергетике стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1963, № 1.

Проблемы судового дизелестроения в странах — членах СЭВ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

15 лет деятельности Совещания представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

Радев Р. Районирование потребления угля и определение оптимальных показателей продуктов обогащения с применением методов линейного программирования. В кн. Сборник докладов по применению математических методов и вычислительной техники в экономике угольной промышленности. М., 1967.

Развитие народного хозяйства стран — членов СЭВ в 1967 году. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 2.

Роглич Й. География в социалистической Югославии. Изв. АН СССР, сер. геогр., 1968, № 2.

Рокитко А. І. Здійснення принципу матеріальної заінтересованості в сільськогосподарських коопераціях європейських країн народної демократії. Вісн. Київськ. ун-ту, сер. екон., 1967, вип. 9.

Рутгайзер В. Тенденции развития экономики социалистических стран. «Новое время», 1968, № 13.

Рыбалкин В. Проблемы эффективности сотрудничества в машиностроении стран СЭВ. Научн. докл. высш. школы, экон. науки, 1968, № 2.

Савельев В. Валютно-расчетные отношения между развивающимися и социалистическими странами. Экон. науки, 1968, № 1.

Савостина Л. План и рынок: мнения польских экономистов. Вопр. экономики, 1968, № 5.

Сергеев Ю. Н. О сотрудничестве фрахтовых и судовладельческих организаций стран — членов СЭВ. Торг. мореплавание и морское право, 1968, вып. 5.

Совещание представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран — членов СЭВ. Мор. флот, 1968, № 4.

Срога А. Особенности развития польской деревни. «Новое время», 1968, № 6.

Стапнев С. Великий Октябрь и развитие статистики в социалистических странах. Вестн. статистики, 1968, № 2.

Столпов Н. Рост материального благосостояния и культурного уровня трудящихся в европейских социалистических странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1968, № 1.

Строгова А. Производство предметов народного потребления в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, М., 1968, № 5.

Струженцев Д. Друзья обмениваются опытом. (О техническом сотрудничестве двух предприятий: чехословацкой ГКД — Прага и ленинградской «Электросилы»). Экон. газета, 1968, № 7.

Сюлемезов С. Новая система руководства сельским хозяйством в Болгарии. Пробл. мира и социализма, 1968, № 1.

Такач С. О дружбе и взаимной помощи (Сотрудничество чешских и советских строителей в рамках СЭВ). Экономика стро-ва, 1968, № 1.

Тейхма Ю. Достижения и задачи сельского хозяйства Польши. Пробл. мира и социализма, 1968, № 3.

Терехов В. Некоторые тенденции экономического развития социализма и капитализма. Пробл. мира и социализма, 1968, № 3.

Турек О. Чехословацкие экономисты о роли плана и рынка при социализме. Пробл. мира и социализма, 1968, № 4.

Тягувенко Л. Развитие экономической реформы в Югославии. «Новое время», 1968, № 7.

Унификация и стандартизация изделий ядерного приборостроения. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

Участие Болгарии в международном социалистическом разделении труда. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 1.

Фаддеев Н. В. Сообщение Секретаря Совета Н. В. Фаддеева на пресс-конференции 21 декабря 1967 года об итогах XXI сессии СЭВ и тридцать второго заседания Исполнительного Комитета. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

Холевицка - Гожьджик К. Качество — лозунг дня. Экон. газета, 1968, № 21.

Шагалов Г., Давидович Г. Оптимизация внешней торговли в социалистических странах. «Внешняя торговля», 1968, № 2.

Шимунк О. Чехословакия в системе СЭВ. Междунар. жизнь, 1968, № 3.

Шипов Ю. П. Нормализация торговли Восток — Запад. Ее роль и значение для развития мировой торговли. Бюл. иностр. коммерч. информ., 1967, прилож. 12.

Шульц З. Экономические проблемы Чехословакии. «Новое время», 1968, № 16.

Экономисты Чехословакии о хозяйственной реформе. Экон. реформы в соц. странах Европы, 1967, вып. 1.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество ЧССР с отдельными странами СЭВ и СФРЮ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

Экономическое сотрудничество с СССР — важный фактор решения основных проблем социалистического строительства в НРБ. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1967, № 6.

3. Государственное строительство. Право

Ильин А. Два десятилетия новой жизни. К 20-й годовщине победы демократии в Чехословакии. «Коммунист Белоруссии», 1968, № 2.

Кукля Т. Забота о матери и ребенке в Польше. Сов. здравоохранение, 1968, № 3.

Малев Е. На конференции адвокатов Словакии. Сов. юстиция, 1968, № 8.

Москвин Д. Общие закономерности и особенности строительства социализма в различных странах. Вопр. экономики, 1968, № 3.

Новое правительство Чехословакии. «Новое время», 1968, № 16.

Поппе Е., Шюсселер Р., Шюссель Г. О теории функций социалистического государства. Сов. государство и право, 1968, № 4.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Боучек М., Дейл Эд. Февраль 1948 г. в Чехословакии. Вопр. истории КПСС, 1968, № 4.

Вильк М. Экономическая помощь СССР польскому народу на заключительном этапе войны (1944—1945 гг.) «Новая и новейшая история», 1968, № 2.

Гроссман Ю. М. Изучение аграрной истории Западной Украины эпохи позднего феодализма в советской литературе. «История СССР», 1968, № 2.

Джиггов Г. Городище эпохи раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии. Сов. археология, 1968, № 2.

Злупко С. Материали з історії польського визвольного руху. «Архіви України», 1968, № 2.

Калениченко П. М. Сучасна польська історіографія Жовтневої революції. Укр. істор. журн., 1968, № 4.

Королюк В. Д. Памяти Зденека Нееллы (1878—1962). Вопр. истории, 1968, № 4.

Куршакова Ю. С., Дунаевская Т. Н. Консультация специалистов по антропологической типологии для стран — участниц СЭВ. (Берлин, 28 III—1 IV 1967). Вопр. антропологии, 1967, вып. 27.

Лабан П. Великая победа чехословацкого народа. (К годовщине февральских событий 1948 г. в Чехословакии). Пробл. мира и социализма, 1968, № 2.

Лелюшенко Д. Дружба, испытанная временем. О совместной борьбе советских и чехословацких воинов против фашизма. «Агитатор», 1968, № 9.

Липатникова Г. И. К вопросу о взглядах И. И. Срезневского на историю и культуру славянских народов

(30—40-е гг. XIX в.). Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, 1967, т. 76.

Льоба С. Польские рабочие в Октябрьских боях в Москве. «Прометей», 1967, т. 4.

Маевский К. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1966 г. Сов. археология, 1968, № 1.

Манусевич А. Я. Пролетарии всех стран ... Документы интернационалистов (1917—1919 гг.). «Прометей», 1967, т. 4.

Матвеев А. М. Западная мемуаристика и историография об иностранных интернационалистах в Средней Азии. «История СССР», 1968, № 1.

Мещеряк И. Знаменательная дата в истории болгарского народа. (К 90-летию со дня освобождения Болгарии от османского ига). «Коммунист Молдавии», 1968, № 3.

Митряев А. И. Впівчення в радянській історіографії соціально-економічних передумов гусьтського руху. Вісн. Харків. ун-ту, істор. сер., 1967, № 22, вип. 2.

Орлов А. Симпозіум молодих учених соціалістичних країн. «Воплощені ідеї Октябрия в розвитку стран мировой соціалістической системы» (М., 1967). Нар. творчість та етногр., 1967, № 6.

Павелко В. У. З. Р. Неєдлий — друг радянського народу. Укр. істор. журн., 1968, № 3.

Пашковський Л. О. Організація і діяльність товариств болгаро-радянської дружби (1934—1944 рр.). Вісн. Харків. ун-ту, істор. сер., 1967, № 22, вип. 2.

Підлісний М. П. Про ставлення прогресивної громадськості Росії до Квітневого повстання 1876 року в Болгарії. (До 90-річчя з дня повстання). «Питання історії народів СРСР», 1967, вип. 4.

Под знаменем социализма. Торжественное заседание в Праге (посвященное 20-летию исторической февральской победы трудящихся республики над силами реакции). «Правда», 1968, 23 февраля.

Тищенко К. Документальні матеріали концтабору в Березі Картузькій про комуністичний рух на Західній Україні та Західній Білорусії (1933—1938 гг.). «Архіви України», 1968, № 2.

Почапський А. М. Боротьба західноукраїнської прогресивної інтелігенції проти заперечення націоналістами ролі народних мас в історії (20—30-ті р. XX ст.). Пробл. філософії, 1967, вип. 5.

Шулус А. ППР о предпосылках перерастания национально-освободительной борьбы во всенародное антифашистское восстание. Уч. зап. вузов ЛитССР, филос., 1968, № 8.

Шнитман А. М. Рец. на кн.: Ламбрев К. Работническо и професионално движение в България. 1891—1903.

С., 1966, 241 с. «Новая и новейшая история», 1968, № 2.

Ясевич З. Исследования социальной и культурной интеграции на Западных и Северных польских землях. Сов. этнография, 1967, № 6.

2. К у л ь т у р а

Альтшуллер А. Петербург — София. (Письма 1908 г. А. Кирчева Ю. П. Морозову.) «Театр», 1968, № 4.

Андрич И. Сердце, вспыхнувшее огнем (О творчестве М. Горького). «Звезда», 1968, № 3.

Баршевский Е. Будущее польской науки. «Неделя», 1968, № 13.

Бернштейн И. Не близнецы, но сестры. Анализ ст. Э. Хароуза «Различия и сходства» о чешской и словацкой литературе. Иностран. лит-ра, 1968, № 5.

Виглшова М. О сотрудничестве центральных библиотек высших сельскохозяйственных учебных заведений в Польше. В Сб. «Библиотечное дело и библиография за рубежом», вып. 24, М., 1968.

Ворошильский В. От имени поколения (К годовщине со дня смерти Збигнева Цибульского). «Искусство кино», М., 1968, № 2.

Второе совещание министров высшего образования социалистических стран (Будапешт, 18—21 X 1967). Вестн. высшей школы, 1967, № 12.

Галките Г. Опыт Польской Народной Республики в организации профессиональной ориентации и консультации учащихся. Научн. тр. вузов ЛитССР, пед. и психология, 1968, № 9.

Грабак Й. Иржи Левый (Некролог). Уч. зап. Тартуск. ун-та. Тр. по знакам системам, 1967, вып. 198, № 3.

Груза И. Субъект, объект и идеология. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1968, № 1.

Рыхард Ю. Организация санитарно-эпидемиологической службы в Польше. Сов. здравоохранение, 1968, № 3.

Дем'яненко О. Ф. VII Українська славістична конференція (Днепропетровск, 30 IX—30 X 1966 г.). В сб. Академія наук УРСР. Наукова Рада з проблеми «Закономірності розвитку національних мов у зв'язку з розвитком соціалістичних націй», вып. 4, 1968.

Дзюбинская О. Люди и страсти. (О спектаклях Пражского национального театра в Москве. VIII 1967.) «Театр», 1967, № 12.

Димитров-Рудар П. Современность и детская литература. Детская лит-ра, 1968, № 1.

Долгих Н. С. Издание произведений В. И. Ленина в Югославии. Вестн. Моск. ун-та, Журналистика, 1968, № 2.

Жирмунский В. М. V Международной конгресс по сравнительному литературоведению (Белград, 30 VIII—

5 IX 1967). Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 1.

Журналист. От какого поезда отстал Ян Прохазка... Комментар. к одному интервью. Лит. газета, 1968, 8 мая.

Заброварный С. Видано в братній Польщі. (О перев. произведений укр. лит-ры в ПНР.) «Всесвіт», 1967, № 12.

Иванов А. Пресса социалистической Югославии. Междунар. жизнь, 1968, № 1.

Иванович М. Октябрь на сцене. (О театральном сезоне в Белграде, 1967 г.) «Театр», 1968, № 3.

Иорданов Х. Праздники и будни болгарской культуры. Вопр. лит-ры, 1968, № 4.

Кантор А. Художественный салон в Праге. Заметки о выставке (современного чехословацкого искусства). «Искусство», 1967, № 12.

Караганов А. Октябрь и мировое кино. (О работе междунар. симпоз. киноведов соц. стран. Ленинград, VII 1967). «Искусство кино», 1967, № 11, 12.

Караколов Р. Октябрьская революция и ленинский этап развития марксистской философии в Болгарии. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1968, № 2.

Касвин Г., Рубенчик Е. Средняя школа в социалистических странах. Нар. образование, 1967, № 12.

Киселев И. Н. Контакты советских и югославских ученых. Вестн. АН СССР, 1968, № 2.

Коварж Б. Новые задачи чехословацкой государственной библиографии. В сб. «Библиотекведение и библиография за рубежом», вып. 24, 1968.

Красевска Х. Октябрь в творчестве польских художников. «Творчество», 1968, № 4.

Краевская Х. Иден Октября и революционное искусство Польши. «Искусство», 1967, № 11.

Кулешов В. И. Конгресс Международной ассоциации сравнительного литературоведения в Белграде. (Осень 1967 г.) Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 2.

Кульчицкий В. С. Возз'еднання Західної України з Українською РСР. Пробл. правознавства, 1967, вип. 7.

Левінська С. Й. Архівна справа про діяльність Шимона Конарського на Україні та поезії Юліуша Словацького. (Публ. документів.) Укр. істор. журн., Київ, 1968, № 1.

Лемешко К. П'єси О. Корнійчука на болгарській сцені. «Мистецтво», 1967, № 6.

Лозинський І. Червоний бард життя і революції. О творчестве З. Броневского (1897—1962). «Йовтень», 1968, № 3.

Лопушанський Б. Етнографічні музеї в Польщі. Нар. творчість та етнологія, 1968, № 1.

Марков С. Школа продленного дня в Болгарии. Нар. образование, 1968, № 4.

Медведева Н. В. В детских библиотеках Югославии. В сб. «Библиотекведение и библиография за рубежом», вып. 24, 1968.

Мерварт Я. Милада Марешова (современ. чешск. художница-иллюстратор). «Искусство», 1968, № 1.

Минач В. Боже, сохрани нам разум и память! (Выступл. на конф. словацких писателей — из братиславской газеты.) «Лит. газета», 1968, № 21.

Молчанова И. При поддержке общественности (О деятельности болгарских научно-технических союзов). Экон. газета, 1968, № 3.

Нестьев И. Варшавские мелодии. Сов. музыка, 1968, № 3.

Новомеский Л. Разве я малую черта? «Лит. газета», 1968, 22 мая.

Нудьга Г. Українська пісня і дума в Югославії. Нар. творчість та етнологія, 1968, № 1.

О'Рурк М. А. Рекомендательная библиография детской литературы в Народной Польше. В сб. «Библиотекведение и библиография за рубежом», вып. 24, 1968.

Петров В. Заметки о Братиславской биеннале. Дет. лит-ра, 1968, № 2.

Пожарская М. Пражская Квадриеннале. Международная выставка театрально-декорационного искусства и архитектуры театра. (Осень 1967.) «Творчество», 1968, № 1.

Попова И. Е. «Диалектика» — философский журнал Югославии. (Обзор 4 номеров с 1966 г.) Вопр. философии, 1968, № 1.

Попова Т. Лекции профессора М. Поповича. Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 2.

Путилов Б. Н. XIV конгресс фольклористов Югославии. Сов. этнография, 1968, № 2.

Разова И. И. Конференция молодых ученых социалистических стран. (Воплощение идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы.) Филос. секц., М., VIII 1967. Вопр. философии, 1968, № 2.

Сапего И. Художник и предметный мир. (О творчестве словацких скульпторов Я. Кулихе и Т. Бартфане.) «Искусство», 1968, № 2.

Сапронова Н. Т. Народное образование в Болгарии накануне реформы 1921 г. Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, 1967, т. 76.

Секерыч К. Массовые библиотеки Польши и бурное развитие аудиовизуальных средств пропаганды литературы. В сб. «Библиотекведение и библиография за рубежом», вып. 24, 1968.

Скалкова Я. О некоторых современных направлениях развития дидактической мысли в Чехословацкой Социалистической Республике. Сов. педагогика. М., 1968, № 1.

Скаржинская В. Д. Актуальные проблемы марксистской социологии в Чехословакии по страницам журнала «Sociologický časopis». Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1967, № 6.

Стойкович А. Ленин и гуманизм. Вопр. философии, 1968, № 4.

Сучков Б. Сын Хорватии. (Заметки о творчестве Мирослава Крлежи.) Иностр. лит-ра, 1967, № 12.

Танчер В. Религія і атеїзм у народній Польщі. «Людина і світ», 1968, № 4.

Ускова Н. Художественное воспитание в Югославии. Нар. образование, 1968, № 2.

Ученые Латвии о науке в ЧССР. «Наука и техника» (Рига), 1968, № 2.

Хробак Г. І. Про торгівлю жінками в Галичині наприкінці ХІХ ст.— на початку ХХ ст. Укр. істор. журн., 1968, № 3.

Цесляк Т. Институт Истории польско-советских отношений Польской академии наук. Вопр. истории, 1968, № 3.

Шимерова Э. Правда о родной земле. Творчество Матина Мартинчека. Сов. фото, 1968, № 4.

Якимович Т. Славомір Мрожек і його «Танго». «Всесвіт», 1968, № 2.

3. Языкознание

Белецкий Ф. М. Форум ученых-славистов Украины (Днепропетровск, 30 IX—3 X 1966). Вопр. рус. лит-ры, 1968, вып. 3.

Гурьева Е. И. Предложения с атрибутивной зависимой частью в старославянском языке. Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1967, Тр. по рус. и слав. филол., вып. 200, № 10, сер. лингвист.

Гурьева Е. И. Употребление соотносительных слов в относительных конструкциях. На материале памятников старославянского языка. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1967, Тр. по рус. и слав. филол., вып. 200, № 10, сер. лингвист.

Плотникова О. С. Из наблюдений над пассивом в современном сербско-хорватском языке. Вестн. Моск. ун-та, филол. 1968, № 2.

Сигалов П. С. К истории эловых причастий — прилагательных. Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1967, Тр. по рус. и слав. филол. вып. 200, № 10, сер. лингвист.

Шулико И. С. Из истории взаимодействия продуктивных и непродуктивных глагольных классов и групп в чешском языке. Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1968, № 1

Л. Толев. История Болгарии и патриотическое воспитание; В. Хаджиниколов. О болгарях в Освободительной войне и о ее характере; Х. Христов. Георгий Раковский и болгарская национальная революция; С. Радев. Новисадский журнал «Стража» о балканских проблемах в 1878—1879 гг.; Ц. Генев. Болгарская эмиграция и национально-освободительное движение в канун русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; Р. Босев. Еще об участии болгар в Крымской войне (1853—1856 гг.); И. Димитров. Некоторые особенности развития фашизма в Болгарии; А. Улунян. Новые документы из истории русско-турецкой войны в 1877—1878 г.; Г. Димитров. «Московские ведомости» о событиях в Болгарии во время и после Апрельского восстания 1876 г.; А. Райкова. Документы о национально-освободительном движении в Македонии в 70-е годы XIX в.

«Литературна мисъл», 1967, № 6

В. Бояджиева. Вечная и святая Багряна; М. Шишкова. Идеи и герои в ранних рассказах Д. Талева; К. Генев. Социалистическое историческое самосознание — новаторский эстетический принцип социалистического реализма; О. Дейкова. К вопросу о творческом развитии Димчо Дебелянова; Х. Дудевский. Формирование нового героя в творчестве Алексея Толстого; Г. Димов. Георги С. Раковский в развитии болгарской литературы; Е. Хилшер. Цикл романов Арнольда Цвейга о первой мировой войне; Д. Василев. Современная шведская беллетристика.]

1968, № 1

С. Каролов. Димитр Димов; А. Натев. Игра — формотворчество — искусство; П. Русев. Участие и роль различных компонентов психики в про-

цессе художественного восприятия; И. Конев. Неизвестные факты из жизни и деятельности Светослава Миларова в Хорватии и Румынии; Х. Недялков. В юмористическом мире поэта; Г. Константинов. Воспоминания об Асене Расцветникове; Н. Дючев. Воспоминания о Светославе Минкове; М. Шишкова. Верность поэта; Х. Йорданов. Молодость и красота подвига; Х. Й. Один из перегиб бессмертных; С. К. Минко Николов; С. Минков. Колочие мысли; С. Данаилов. Неизвестный доклад Димчо Дебелянова о Пенчо Славейкове.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1968, № 1

А. Брожек. Начало эмиграции из Верхней Силезии в Америку в свете современной силезской польской печати; К. Вайда. Сельскохозяйственные рабочие Пруссии на переломе XIX—XX вв. Обострение законодательства; А. Бергманова. Бронислав Тарашкевич и левое крыло Бельведера; З. Ляндау. Денежная реформа на территории Польши в 1945 г.; А. Вычаньский. Некоторые проблемы развития исторической науки в Польше до 1895 г.; Э. Звольский. Новые источники по истории ранней Этрурии: надписи из Пырги; Г. Коцуэй. Общественное мнение Штутгарта по вопросу ноябрьского восстания.

№ 2

Т. Грудзиньский. Переговоры в Медзбурге в 1135 г.; Я. Рейхман. Ликвидация польских дипломатических представительств после второго и третьего разделов Речи Посполитой; С. Сальмонович. Сен-Жюст — революционер-романтик (1767—1794); Е. Томашевский. Положение рабочего класса Тешинской Силезии: октябрь 1938 — сентябрь 1939; Т. Мантойфель. Пятнадцатилетие Института истории; Р. Пальмер. Американская и европейская революции XVIII в. Попытка сопоставления; И. Русинова. Американские историки о своей революции; Б. Круликовский. Мартин Матушевич и его реляция о саксонском периоде; Е. Жадковска. Филип Бюше об отношении Франции к Польше в 1789—1794 гг.

«*Slavia Orientalis*», 1968, № 1

Б. Мериджи. Источники и происхождение былии; Б. Егоров. Категория времени в русской поэзии середины XIX века; А. Захаркин. Чехов и его младшие современники; И. Гальстер. Заметки о древнерусском переводе «*De Republica emendanda*»

Анджея Фрыча Моджевского; Ю. Мяслянка. Фольклор и история. Заметки о взглядах на устное народное творчество в польской словесности эпохи преромантизма и романтизма; Э. Славенцка. Письма Владимира Спасовича Вуколу Лаврову; Я. Ригер. Уменьшительные женские имена в новгородских кабальных книгах конца XVI и начала XVII веков; В. Змарзер. Вторичные трехчленные предлоги в русском языке в сопоставлении с польским; А. Груццо. Придаточные предложения времени в белорусском языке; А. Кравчикевич. К вопросу о влиянии русского языка на угрофинские языки в Советском Союзе в свете проведенных до сих пор исследований.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1967, № 6

Ф. Граус. *Necrologium bohemicum—martyrologium Pragense* и следы некомовского толкования чешской истории; В. Рутенбург. Источники итальянского Ренессанса; С. Гарт, И. Полишенский. Прага и Амстердам XVII и XVIII веков; Я. Цезар. Мнения о британской колониальной политике в эпоху «второй империи»; Ф. Бартош. Образование союза гуситских городов во главе с Прагой в начале революции; Я. Мезник. К реплике Ф. М. Бартоша; И. Коржалька. К дискуссиям о понятии «нация».

1968, № 1

Р. Бржах. «Русский вопрос» в чехословацкой внешней политике в начале 1924 г.; М. Тейхман. Внешняя политика Румынии в период второй мировой войны (1942—1944 гг.); О. Ржига. О концепции всемирной истории; М. Хибл. О методологии истории II Интернационала; З. Гледикова. Чешские визитационные интервьюеры до начала XV века; В. Псотова. История немецких театров в годы так называемого «протектората».

└ «*Přspěvky k dějinám KSČ*», 1967, № 6

В. Дубский. Формирование политической линии КПЧ в период руководства Шмерала (окончание); И. Колеса. К вопросу о единстве действий и взаимоотношениях между Коммунистическим Интернационалом и Социалистическим рабочим Интернационалом осенью 1934 г.; В. Куш. Характерные черты ленинских организационных принципов в период их возникновения; И. Слачил. Некоторые итоги коллективизации в средней и северной Моравии в

1952—1953 гг.; Ф. Моркес. Место истории в преподавании марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях; И. Билек. О преподавании современной истории; О. Громадко. Еще замечания об истории чехословацких добровольцев в Испании; М. Рейман. История СССР в Чехословакии; М. Гакек. К изданию Берги архива Таски; И. Ноймапова. Военная пропаганда Гебелса.

«Revue deĵin socialismu», 1968, № 1

А. Вацлаву. Аграрный вопрос в социалистическом движении; В. Курал. Путь к программе национального сопротивления; И. Белда, М. Боучек, З. Дейл, М. Климеш. К вопросу участия Чехословакии в плане Маршалла; Я. Ирша. Вопросы демократии в записках Шалды (1—3 годы издания).

«Slovanský přehled», 1968, № 1

К. Герман. 70 лет журналу «Slovanský přehled» — традиции и перспективы; В. Старчевич. Возникновение Югославии; Р. Пайович. Черная Гора во время войны и революции (1941—1945); Я. Опат. Югославские перемены; В. Жачек. 100 лет со дня смерти Михаила Обреновича; Ф. Червинка. Историк в эмиграции (Зд. Неedly в СССР); И. Колейка. Идея «югославянства».

«Česká literatura», 1968, № 1

М. Червенка. Семантические контексты; Е. Штросова. Карел Чапек; А. Гаман. Попытка реабилитировать миф; В. Карфик. Иржи Колларж; З. Адамова. Сказка о крысолове; Р. Бартес. Критика и истина.

№ 2

И. Брабец. Чешская литература в период 1929—1938 гг.; В. Достал. Две драматические «притчи о действии»; Р. Рочек. Структура чешской «комедии положений»; А. Эйнгорнова. Самые яркие представители нашей научной фантастики; В. Марчок. Проблема национальной специфики современной поэзии.

«Slovenská literatúra», 1968, № 1

К. Розенбаум. Профессору Милану Пишуту 60 лет; Д. Окал. Журнал Творба в период второй мировой войны; П. Штевчек. Метаморфоза первая: спонтанное движение к утили-

таризму; М. Гамада. О новом образе поэзии (1945—1949); В. Петрик. Критические усилия по преодолению лирической прозы; И. Вашко. Характер творчества и творчество характера; Д. Окал. К проблематике «Народная специфика и интернациональные элементы в современном литературном развитии»; Я. Штевчек. Парадокс творчества Ивана Хорвата.

№ 2

Б. Ковач. Прологомены к истории словацкого сюрреализма; Я. Брезина. Принципы организации вольного стиха Рудольфа Фабры; Я. Рознер. К портрету Леопольда Лагола — драматурга; М. Гафрик. Тимрафа и Словацкая модерна; Ш. Друг. Критик Даниел Окал; В. Дубцова. Об одном методологическом недоразумении в теории литературы; Э. Панова. Ответ Кирилу Краусу; К. Краус. Ответ на ответ Эмы Пановой.

«Izraz», 1967, № 10

Х. Тахмишчи. Поэзия Сараева; П. Вуичич. Литературное творчество Ярослава Ивашкевича; П. Волк. Авангардизм — бунт кинематографа против самого себя; М. Капор. Телевизионная клетка; Р. Барт. Критика и правда; М. Пражич. Фрагментарность бытия; М. Пешич. О переводах стихов с русского языка.

№ 11

З. Беньковский. Преступление и наказание цивилизации; С. Луквич. Литературная жизнь и современная югославская литература; Д. Шегга. Проза Андрея Хюенга; Е. Денегри. Живопись Любена Поповича; П. Волк. Насилие.

№ 12

М. Бегич. Четыре романа; В. Короман. Поэзия Славко Михалича; Н. Ковач. Лирические эссе Камю; П. Волк. «Чудо в Милане» или момент героизма.

«Български език», 1967, № 6

В. Георгиев. Основные проблемы языковедческой методологии; Ю. С. Маслов. О некоторых чередованиях фотем в современном болгарском литературном языке (Опыт фонологической их интерпретации); И. Добрев. Неподкрепленное греческими оригиналами повторение предлогов в древнеболгарских текстах; Т. Пожелязков. Снова относительно вопроса о переска-

зываетельном наклонении; М. Джана нова. Задачи и структура болгарско-русского словаря словосочетаний с существительными именами; Г. Батаклиев. Произношение и транскрипция древнегреческих имен в болгарском языке; Х. Василев. Славянские соответствия литовской конструкции *im-ti* + инфинитив — 'начать + инфинитив'; М. Виденов. Название села *Gúbes*; А. С. Львов. Можно ли связывать болгарское слово *манатарџа* с чувашским словом *mántar kámpa*?

«Език и литература», 1967, № 6

И. Лекков. Древняя общность и новые конвергенции в развитии белорусского и болгарского языков; К. Грпгорян. Из истории армянско-болгарских общественно-литературных связей во второй половине XIX в.; К. Попов. Новые данные о происхождении пересказывательных глагольных форм в болгарском языке; С. Баева. Бугарские песни Петко Славейкова; С. Русакчиев. Путь Владимира Маяковского к революции; Р. Гельгардт. О лингвистической основе работы над художественными произведениями; Т. Бояджиев. Диалектные названия некоторых частей одежды; Ст. Стоянов. Открываются открытые двери.

1968, № 1

Ж. Видев. «Рыцарский замок» в творческом развитии Христо Ясенова; П. Пенкова. Глотометрическая характеристика древнеболгарской морфемы *-н-*; Б. Мейлах. По пути комплексного изучения художественного творчества; Ст. Стефанов. Возможности беспредложной сочетаемости существительных имен с атрибутивной функцией в современном болгарском литературном языке; Л. Лашкова. Замена славянского генитива аккузативом в сербско-хорватском языке; Т. Саздов. Несколько народных сказок банатских болгар; Р. Русев. Одна английско-болгарская параллель: король Альфред и Черноризец Храбр; О. Микитенко. Иван Микитенко — писатель-интернационалист.

«Slavia», 1968, № 1

И. Марван. Тяжение гласных в системе славянских изоглосс; Е. Кржижкова. К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках; Т. Бешта. Чешские элементы в языке древнепольского «Завета о зарытом сокровище» XV в.; Т. Голыньская-Баранова. Этимология названия месяца *prosinie*; П. Линтур. Новые

записи балладной песни о сестре-отравительнице. Проблема происхождения балладной песни; К. Рейчн. «Пяст Дантышек» Словацкого и его видение ада; Р. Пражак. О связях Иосифа Добровского с венграми; Б. Догнал. Чешские переводы сказки Пушкина о царе Салтане; И. Бечка. Борьба пражских книгоиздателей за произведения Сенкевича; В. Бехинёва. Адам Алонси Барчичевич и Вацлав Фортунат Дурих; М. Квапил. Письма Иосифу Голечку из Боснии и Герцеговины.

«Język Polski», 1968, № 1

З. Клеменевич. Пути и бездорожье языкового творчества (по поводу одного словообразовательного конкурса); М. Карась. Название местности *Szyce* (п уменьшительный суффикс *-c*); К. Писаркова. Местоимение в польском предложении. 2. Наблюдения над местоименным определением; Х. Поповская-Таборская. Замечания о языке кашубского памятника «Смольдзинские Перикопы»; Ф. Нецкула. Ономастические мелочи. 1. *Strzyżew*; Е. Павловский. *Sądceczuzna* или *Sądceczuzna*? Е. Павловский. Диалектные тексты; А. Стеффен. Этимологические размышления. 1. *Wurczek, wuczek, wartolka*; 2. *Kaczka*; 3. *Koza*; 4. Польск. *brusznica* || *brusznica* 'Vaccinium vitis idaea'; 5. Др.-польск. *sumnica* || *sumniczki* 'земляника'; З. Клеменевич. К вопросу о формуле имматрикуляционной присяги; Ю. Радкевич. «Окрапная» лексика на любуской земле.

«Studia Slavica», 1967, t. XIII, fasc. 3—4

И. Долманьош. К вопросу об изучении Октябрьской революции; И. А. Дзензелевский. Ткацкая лексика украинских говоров Закарпатской области УССР; А. М. Рот. Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского бассейна и венгерско-украинская языковая интерференция; Л. Хадрович. Окопчанье *-m* 3 лица настоящего времени в древнехорватском; Ц. Младенов. Неакцентированные вокальные системы в болгарском языке; Д. Радо. Иван Франко и венгерский народный эпос; Е. Силард. О структуре Второй симфонии А. Белого; А. Деметер. Письма Любора Нидерле Анталу Геррману; Н. Мольнар. Синтаксические особенности собирательных существительных в древнерусском языке.

«Slovenská reč», 1967, № 6

Е. Иона. Литературный язык в социалистическом обществе; И. Ружичка. Антоп Бернолак — выдающийся языковед; Й. Мистрик. О количе-

ственном обследовании лексики словацкой народной песни; Й. Младек. Начало абзаца в монологическом тексте; Ю. Фурдик. О словообразовательных суффиксах с грамматической функцией; Л. Двонч. К вопросу о наименованиях жителей типа *Valaštan*; Я. Голы. К проблеме классификации предложений; Я. Финдра. Простой и распространенный член предложения.

1968, № 1

К. Габовштякова. Словарь словацкого языка и Словарь словацкий, чешско-латинско-немецко-венгерский [А. Бернолака]; Ш. Пециар. Количество существительных на *-ák/-iak/-ak*; Л. Двонч. К вопросу о написании *i* и *y* в словах, заимствованных из английского языка; Й. Младек. Об одном типе однородных определений; Я. Матейчик. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами; Р. Кухар. Происхождение слов *driek*, *driečny* и их значение; П. Ондрус. Числительные *jeden* и *dva* в абсолютной позиции; Ю. Рыбак. Местоимения *tu — tuto*, *tam — tamto*; К. Руткайова. Международные сокращения журналов и написание прописных букв.

1968, № 2

Ш. Пециар. Видовое чередование *ie — á* в словацком языке; Й. Младек. О синтаксисе трилогии Л. Ондрейова; Я. Доруля. Из истории наименований лиц по профессии; К. Габовштякова. Об исчезнувших словах словацкого языка; П. Ондрус. Чтение соединительных символов при счетных операциях и числительные; Л. Двонч. К вопросу о развитии вставных гласных в род. п. мн. ч. существительных женского и среднего рода в литературном словацком языке; Й. Грбачек. Об однородности сказуемого.

1968, № 3

Й. Ружичка. Литературный язык и культура языка в школе; Я. Оравец. Определительные местоимения в славянских литературных языках; М. Докупил. Над первым томом научного описания современного словацкого языка; Ш. Пециар. Непродуктивные и нерегулярные видовые чередования в словацком языке; М. Иванова-Шалингова. К вопросу о теории экспрессивности; Й. Мистрик. Измерение понимаемости речи; Я. Доруля. Об историческом словаре словацкого языка и о словарном составе словацкого языка в письменности добернолаковского периода.

«Zeitschrift für Slavistik», 1967, № 5

Г. Г. Бильфельдт. Русские заимствования в немецких говорах; Ф. Хинце. Типы калек немецкого образца в кашубском; К. Миллер. Место немецких заимствований в верхнелужицком языке; Э. Эйхлер. К синхронной характеристике чешских элементов в немецком языке; Р. Фишер. К методике исследования древнейших славянских топонимов: названия с суффиксом **-jъ* в западной Чехии; Р. Фишер, Т. Витковски. О территориальном распространении типов древнеполабских имен; Э. Эйхлер, Й. Шультегейс, Х. Вальтер. Материалы древнелужицкой языковой области в Славянском ономастическом атласе; Ф. Ливер. К вопросу о возникновении и характеристике вторичных слогов в славянских языках; К. Габка. О разграничении лексических, морфологических и синтаксических синонимов; Б. Хальтоф. Виды в современном русском языке; И. Циммерман. Параллелизм глагольных и субстантивных конструкций в современном русском языке; Э. Гюнтер. Синтаксис русских разговорников XVII века; Г. Пойкерт. Славянское словесное ударение и стихосложение; Г. Рааб. Функции стихотворного ритма при адекватном переводе с русского на немецкий; Е. Рехтзигель. Об употреблении так называемых фразеологических сочетаний в языке поэзии (на примере польской литературы).

1968, № 1

М. Вегнер. Основные теоретические вопросы рецепции русской литературы в Германии в начале XX века; Х. Флиге. Интерпретация советской литературы в немецкой коммунистической критике в годы Веймарской республики; Г. Юнгер. Образ человека и тенденции развития в советской литературе 20-х годов; Г. Шауман. К вопросу о семейной драме в русской советской литературе 30-х годов; В. Хиллер. Проблемы развития русского советского романа на современную тему в 30-е годы; В. Бейтц. К вопросу о перспективах развития современной советской прозы; К. Каспер. Функции рассказчика в русской советской прозе после 1956 года; Э. Рейснер. Об изменениях в системе жанров драматургии на рубеже столетия; Э. Дикманн. Структуры рассказа в раннем творчестве Л. Н. Толстого и их сравнительный аспект; К. Штедтке. Развитие малой эпической формы в системе жанров русской литературы (1800—1825); Д. Фрейданк. К вопросу о сущности и определении понятия русского гуманизма; Э. Хексельшнейдер. Немецкие

переводы лубочных сказок в первой половине XIX века; И. Клагге. Образ человека в русской частушке послевоенного времени (1945—1964).

1968, № 2

Р. Ружичка. Опыт моделирования *genus verbi* современных славянских языков в рамках порождающей трансформационной грамматики; Б. Кенитц, Х. Вальтер. К синтаксической интерпретации клитик в современных славянских языках; Р. Конрад. О структуре русского вопросительного предложения; К. Бутке. К вопросу о квантитативном анализе отношений между актуальным членением предложения и порядком слов в русском языке; Г. Вальтер. К вопросу о порядке слов в русском языке; В. Фалькенхан. Лингвогеографическое положение балто-славянских языков как причина их своеобразия; К. Гутшмидт. Начало нормализации словарного состава болгарского литературного языка до 1878 г.; Р. Ранфт. К истории сербского литературного языка в XVIII в.; Г. Цикмунд. Русское письмо в новом виде; Г. Брандштетер. Нефонематическое различие долготы ударных русских гласных в оценке немецких слушателей; Хр. Флекенштейн. О некоторых вопросах калькирования и его использо-

вания в русском языке; Е. Доберштейн. О заимствованных образованиях и заимствованных значениях из немецкого в современном польском языке; В. Венднер. Значение истории слов для выяснения польских правовых понятий; Г. Штурм. Древнерусский мотив предзнаменования на протяжении веков.

«Jezik in slovstvo», 1967, № 8

Й. Топоришич. Предсказуемость количества и качества гласных в словенском литературном языке; Р. Штефан. Польский лирик Леопольд Стафф; М. Пиревец. Структура «Mažkovih obetov» в крестьянских зарисовках Керсника; Ф. Задрavec. Взгляды словенских марксистов на литературу (1919—1941).

1968, № 1

Б. Патерну. Возникновение и развитие двух прозаических структур в словенском реализме XIX столетия; И. Козлевчар. Семантические категории существительного в функции сказуемого; Я. Кос. Проза Ивана Цанкара; В. Нартник. Семантическая категория 'хлеб'; Ц. Перникарский. О грамматических категориях.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ

29 апреля 1968 г. состоялось заседание Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященное 150-летию со дня рождения великого вождя и учителя мирового пролетариата, основоположника научного коммунизма Карла Маркса. На заседании были заслушаны два доклада.

С докладом на тему «Карл Маркс и революционная Россия 70-х — начала 80-х годов XIX века (по новым материалам)» выступила канд. ист. наук Р. П. Кошюная (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Кошюная глубоко изучила имеющиеся источники, прежде всего — многочисленные конспекты и выписки Маркса, посвященные России, а также различные пометы на русских книгах из его библиотеки. Она сделала ценные обобщения и выводы, касающиеся

изучения основоположниками научного коммунизма истории России и их знакомства с освободительным движением в нашей стране.

Д-р ист. наук В. А. Дьяков (Институт славяноведения) в докладе «Маркс, Энгельс и польское освободительное движение» осветил личные контакты основоположников научного коммунизма с участниками польского освободительного движения, рассмотрел важнейшие высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о польском вопросе и борьбе польского народа за независимость. Докладчик проанализировал имеющуюся литературу по теме (польскую и советскую) и остановился на задачах дальнейшего изучения этого вопроса.

Р. С.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В 1967 г. на Ученом совете исторического факультета ВГУ состоялась защита кандидатской диссертации Н. П. Мананчиковой на тему «Очерки социально-экономической истории Дубровника второй половины XIII—XIV веков». Прошло уже свыше 100 лет со времени выхода в свет известных работ А. А. Майкова и В. В. Макушева¹, положивших начало научному изучению в России истории «младшей царицы Адриатики», как с полным основанием называют знаменитый югославский город. С тех пор ни в русской революционной, ни в советской историографии не появилось ни одного монографического исследования

о Дубровнике. Нельзя сказать, что историей Дубровника у нас совершенно не занимались, но результаты были значительно меньше, чем того заслуживает предмет изучения. Достаточно сказать, что в советской историографии кроме работ самой диссертантки² имеется всего лишь два небольших специальных исследования о Дубровнике³.

Работа Н. П. Мананчиковой состоит из четырех очерков, посвященных историографии, ремеслу, торговле и аграр-

¹А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей в связи с историей народа. М., 1857; В. Макушев. Материалы для истории дипломатических отношений России с Рагузанской республикой. — «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1865; его же. Исследования об исторических памятниках и бытоописателях Дубровника. СПб., 1867.

² Главные из них: Н. П. Мананчикова. Об изучении истории Дубровника. — В сб. «Вопросы истории славян», вып. I. Воронеж, 1963; ее же. К вопросу об организации ремесла в Дубровнике XIV—XVI вв. Там же, вып. II, Воронеж, 1966.

³ Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. — Научн. тр. истор. факта Горьковского пед. ин-та, вып. 13. Горький, 1950; А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике. — Кр. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 17, 1955.

ным отношениям. Официальные оппоненты проф. С. А. Никитин и доц. М. М. Фрейденберг отметили хорошее знание диссертанткой литературы вопроса, умелый анализ источников и оригинальность ряда выводов. Отзывы об автореферате и печатных работах диссертантки и дискуссия в ходе защиты диссертации свидетельствуют о том, что Н. П. Мананчикова — серьезный знаток истории средневекового Дубровника, увлеченный своей темой, способный продолжить и углубить начатое исследование.

В том же году в ВГУ была успешно защищена еще одна кандидатская диссертация по истории народов Югославии: это работа И. Г. Яну на тему «Народно-освободительная борьба в Вардарской Македонии (1941—1944 гг.)». Используя опубликованные македонские, болгарские и греческие источники, а также

имеющуюся по этому вопросу литературу, автор нарисовал картину героической борьбы македонского народа против фашистских захватчиков. И. Г. Яну предложил свою периодизацию народно-освободительной борьбы в Македонии, исходя из специфики положения в стране в 1941—1944 гг. Удачно показаны автором руководящая роль коммунистической партии, интернациональный характер борьбы (в особенности совместные действия с болгарскими, греческими и албанскими партизанами), возникновение и развитие органов народно-демократической власти. Официальные оппоненты проф. С. И. Сидельников и доц. Н. Т. Сапронова дали весьма положительную оценку работы в целом, высказав ряд возражений по частным вопросам.

А. Е. Москаленко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

6 марта 1968 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации М. М. Сумароковой на тему «Образование Коммунистической партии Югославии».

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук Ю. А. Писарев и кандидат исторических наук Л. М. Минаев.

В своем вступительном слове М. М. Сумарокова отметила актуальность избранной ею темы. В наши дни, когда империалисты усиливают антикоммунистическую пропаганду, а в международном рабочем движении идет острая идеологическая борьба, анализ исторического пути, пройденного коммунистическими партиями, приобретает не только научное, но и политическое значение. Что касается Коммунистической партии Югославии, то проблема ее образования в монографическом плане еще не разработана в достаточной мере.

Доктор исторических наук Ю. А. Писарев отметил, что М. М. Сумарокова, используя достижения советской и югославской исторической науки, дала свою собственную разработку истории создания компартии Югославии. В центре внимания диссертанта находились во-

просы идеологической борьбы — именно те вопросы, которые до сих пор не освещались с достаточной глубиной. В результате М. М. Сумароковой удалось создать оригинальный, серьезный научный труд.

Кандидат исторических наук Л. М. Минаев подчеркнул, что автору диссертации пришлось преодолеть большие трудности, связанные с самим характером материала: КПЮ возникла путем объединения целой группы социал-демократических партий (Сербии, Хорватии — Славонии, Боснии — Герцеговины, Словении, Далмации) и местных социалистических организаций Воеводины, Македонии, Черногории. М. М. Сумарокова внимательно проследила развитие событий в рабочем движении и внутри партийных организаций каждой из восьми исторических областей страны. В то же время она не упустила из виду общих процессов, приведших к сличению революционных сил Югославии и образованию КПЮ.

Оба оппонента с похвалой отозвались об источниковедческой базе диссертации.

Ученый совет единогласно присвоил М. М. Сумароковой ученую степень кандидата исторических наук.

Г. С.

CONTENTS

- I. S. Yažborovskaya*. V. I. Lenin and the problem of Poland's independence. *P. I. Rezonov*. The struggle of the Communist Party of Czechoslovakia against the threat of fascism and the Nazi aggression. *I. V. Mizutina*. Poland and the convention on the definition of aggression. *Miroslav Šicel* (Jugoslavia). The Croat literature after World War II. *E. M. Vereščagin*. On sample entries in the Old Church Slavonic language. 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- T. N. Koprëeva*. On the problem of dating Sofronij Vračanski's «Žitie». *A. I. Kuzmin*. S. Hurban-Vajanskys correspondence with E. V. Petuxov. 45

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- A. Kaupuž*. Z. Dołęga-Chodakowski and I. N. Lobjko 55

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

- A. I. Rogov*. The Belgrade ikon depicting Dmitri of Solun and Tsar Mamai. 58

BIBLIOGRAPHY

Review-articles and reviews

- L. I. Roizenzon*. On Slavic etymological dictionaries. *V. V. Zelenin*. The collection of articles on the history of the internationalist movement. *P. Olšansky*. *I. S. Yažborovskaya*. The Communist party of Poland and the ideas of October. 1918—1923. *N. E. Indutnaja*. Незборима сила идей Жовтня. *V. I. Vladimirskaia*. The force of the proletarian internationalism. *I. V. Čurkina*. F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina 1792—1918. *Nadežda Jovanović* (Jugoslavia). A periodic publication on the history of the Serbian labour movement. *M. M. Freidenberg*. С. Антољак. Помошни историски науки. *V. A. Dyakov*. A useful publication by the Leningrad archivists. *I. K. Gorskiĭ*. New studies on Gogol in the Slav countries. *L. S. Kiškin*. Bibliographic publications of the Slav library in Prague. *A. Solovyova*. «Slezské písně v korespondenci 1898—1918». 62

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968 (Continued).
The contents of foreign periodicals 90

SCIENTIFIC LIFE

- R. S.* A scientific session. *A. E. Moskalenko*. The defence of dissertation theses at the Voronez University. *G. S.* The defence of a dissertation thesis at the Institutĭ of Slavic Studies. 102

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 17/VI—1968 г. Т—11786 Подписано к печати 30/VIII—1968 г. Тираж 1160 экз.
Зак. 723 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,1 Бум. л. 3¹/₄ Уч.-изд. листов 11,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Р

Цена 1 руб.

Б ОРЛЫНКА

Д 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

5-12

Индекс 70891